

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОЕ

№

III

СЛАВЯНО •

2004

• ВЕДЕНИЕ

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

3
2004
МАЙ •
ИЮНЬ •

Содержание

Самсонович Х. (Варшава). Наука в объединяющейся Европе 3

СТАТЬИ

Никифоров К.В. (Москва). Парламентаризм в Сербии в XX веке 8

Шемякин А.Л. (Москва). Сербское общество последней трети XIX – начала XX века глазами русских наблюдателей 21

Гришина Р.П. (Москва). Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец XIX – середина XX века)..... 33

* * *

Майорова О.Н. (Москва). Эволюция партийной системы в постсоциалистической Польше 47

Задорожнюк Э.Г. (Москва). Путь к “бархатной” революции: противостояние “властных” и “безвластных” в Чехословакии 59

СООБЩЕНИЯ

Вишечка Ф. “Цирк Умберто” Эдуарда Басса 83

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Александровский И.С. Сагомоян А.А. Испанский узел “холодной войны”. Великие державы и режим Франко в 1945–1948 гг. 89

Шведова Н.В. Melicher J. Zmlčovaná literatúra..... 92

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Созина Ю.А.</i> Международный научный симпозиум “Словенский роман”	94
<i>Злыднева Н.В.</i> Международная конференция “Телесный код в славянских культурах”	98

ЮБИЛЕИ

<i>Досталь М.Ю.</i> К юбилею словацкого историка Татьяны Ивантышиновой	101
--	-----

НЕКРОЛОГИ

Памяти академика Тине Логара (1916–2002)	103
Памяти Акопа Арутюновича Улуянна (1924–2003)	105
Новые книги	107

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В.К. ВОЛКОВ (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
М.А. РОБИНСОН (зам. главного редактора),
Л.А. СОФРОНОВА, Б.Н. ФЛОРЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.В. Болдов (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии), *Валенцова М.М.* (отдел лингвистики),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

© Российская академия наук, 2004 г.
© Редколлегия журнала “Славяноведение”
(составитель), 2004 г.

© 2004 г. *Х. САМСОНОВИЧ*

НАУКА В ОБЪЕДИНЯЮЩЕЙСЯ ЕВРОПЕ

В начале второго тысячелетия, на пороге того времени, когда складывалась цивилизация старого континента, соединившая с иудео-греко-римским субстратом новые славянские, германские, угро-финские, балтийские народы, была сформулирована столь же оптимистическая, сколь и неверная идея о трех правящих миром силах. Имелись в виду власть духа, власть государства и власть разума.

В свете этой идеи на вершинах общественной иерархии должны были находиться священники, правители и интеллектуалы. Как во многих других случаях, это желательное представление – добавим, высказываемое лишь представителями последней части названной триады – не соответствовало реальности. Однако, возможно несколько парадоксальным образом, другие мечты, сопутствовавшие европейским идеалистам, – о единстве, человеческом сообществе осуществлялись как раз именно учеными, хотя и в ограниченных масштабах. Христианское единство распалось – сначала на две основные ветви, позднее на много других, идея универсальной империи, восходящая к мифу древнего Рима (в восточном или западном варианте), у самых своих истоков несколько подорванная войнами и внутренними конфликтами, практически рухнула уже с наступлением Нового времени, сменившись соперничавшими друг с другом политическими системами. Идеологии, вместо того чтобы служить мостом взаимопонимания, становились фактором, разделявшим государства, общества, нации. Иногда даже универсальный язык искусства, вплоть до XX в. не признававший политических границ, разделял людей, навязывая собственную, “единственно правильную” форму передачи истины. (Отчасти в этом отношении похвальным исключением была Восточная Европа, где на территории старой Речи Посполитой готика соединилась с византийскими фресками, а в России – итальянское барокко с традиционной русской формой.)

Не следует создавать очередной миф о том, что существовало единство людей науки. Разумеется, их сообщество было очень разнообразным, иногда весьма конфликтным – иными словами, весьма похожим на то, которое мы знаем из собственного опыта. Однако имманентной чертой ученой среды является постоянный поиск нового, неприятие бесспорных аксиом, плюрализм исследовательских методов, обеспечивающий развитие новых областей знания. Сюда следует добавить также и своего рода братство духа – уважение к ищущим истину о мире, опираясь на проверяемые и верифицируемые (хотя бы в представлении современников) методы.

В ранний период формирования политического устройства Европы те знания, которые приносила церковь, – независимо от ее установок и успехов – представляли собой цельную, ясную (по крайней мере для представителей тогдашних элит) систему знаков и совокупность истин, основанных на признанных аксиомах. Раскол в церкви разделил ученую среду, но, несмотря на официальные расхождения во взглядах, ее представители работами друг друга не только интересовались, но и использовали их и в теории, и в практике, что имеет свои аналогии и во времена не столь давно прошедших. Формы организации научной жизни были тоже похожими, хотя на Востоке они по-прежнему были связаны в первую очередь с монастырями, в то время как на Западе стали возникать новые, иногда светские учреждения – университеты. Их цели ясно определялись в уставных документах, относящихся к периоду их создания. Они должны были обслуживать разнообразные потребности тогдашнего общества: готовить священников, юристов, врачей, дипломатов, выпускать все более широкий круг чиновников для прежних и новых государств; но вместе с тем, как всякие объединения людей умственного труда, почти с самого начала являлись также и центрами, как это сейчас называется, фундаментальных исследований. К комплексу свободных искусств присоединились новые области науки: астрономия, математика, физика, история, география, наконец – *last but not least* – учение о сущности мира, философские концепции, иногда сохраняющие свою актуальность и в наши дни. Теоретически эти университеты, подчиненные церковной власти, должны были обслуживать потребности людей, проживавших на определенной территории – государства, епархии, архиепископства. В действительности обмен идеями, мыслями, учеными происходил на всей территории, простиравшейся от Лериды и Коимбры до Кракова, Пешта, Лунда и Упсалы. Более того – исследовательская любознательность побуждала знакомиться с достижениями ученых, находившихся вне пределов латинской культуры. Достаточно указать на известность в Европе трудов арабских или еврейских ученых. Использование плодов мысли, порожденных на пространствах многих культур, конфронтация взглядов и нередко возникавшая горячая полемика – все эти явления перемещались из одного центра в другой через многие границы, разделявшие порой враждебные друг другу государства. В Европе зарождалось – впервые в таком географическом масштабе – культурное единство, характерной чертой которого, среди прочего, было и отсутствие установленной линейной границы.

В XVII в., как представляется многим исследователям прошлого, образовалась вторая – после проектов восстановления Римской империи – объединенная Европа, *Republique des Lettres, Republica Literaria*, еще менее четко определенная географически. Она не только представляла собой сообщество, существовавшее поверх политических и конфессиональных барьеров, но и отдалялась от монополии проведения научных исследований только в университетах. Разумеется, некоторые из них сохранили свою ведущую роль во многих областях науки, но также создавались и развивались новые, а исследовательская теория и практика, творческая мысль, рождавшая новые идеи, возникали и вне университетской среды. Сущность этих процессов очевидно заключалась в необходимости отойти от жестких, окаменевших схем мышления, уже не отвечавших новым потребностям, в открытости новым идеям и общественным запросам. Этому сопутствовал и широкий доступ к тогдашним средствам массовой информации – популярной печати, книгам, а также к амвону, служившему в эпоху Реформации источником разного рода новостей, местом проведения полемики.

В последующие столетия развивался обмен взглядами, исследовательскими концепциями, осуществлявшийся между интеллектуальными центрами в Санкт-Петербурге, Вене, Берлине, Париже, Лондоне, между все более многочисленными промышленными и сельскохозяйственными предприятиями, внедрявшими все более значительные технические достижения. Этот обмен способствовал созданию единого языка науки, формированию одинаковых или сходных условий труда, сделал возможным гораздо большее сближение между людьми, чем десятки соглашений между государствами, династических союзов или мирных договоров.

Эти известные факты стоит напомнить лишь потому, что они позволяют сделать более широкие выводы, касающиеся будущего объединяющейся Европы. Несомненно, одним из ее столпов является единое научное сообщество – разумеется, при условии, что оно будет, как гласила давняя клятва диссертанта, “действовать не ради тщеславной выгоды, но ради установления истины и распространения ее света”. В этой несколько наивной формулировке содержится идея общего блага, общего не только для ученых, число которых все же невелико, но для всего человечества. Подобные идеи, независимо от возможности их осуществления, всегда необходимы, особенно в эпохи перемен, во времена создания новых форм человеческих связей, призванных обеспечить лучшие перспективы жизни будущим поколениям.

В состоянии ли современная Европа укрепить свое единство, используя уже существующий “интернационал” науки? Представляется, что сейчас существуют особенно благоприятные условия для создания великой республики обучающихся и учащихся. Многочисленные межгосударственные договоры, подобные заключенному недавно в Болонье, облегчают их реализацию. Единая – в меру – система оценок, взаимное признание научных степеней, свободное перемещение студентов между университетами и научных работников между исследовательскими центрами – постановления обо всем этом или уже приняты, или, по всей вероятности, будут приняты в ближайшем будущем. Уже сегодня вполне осознан и проводится в жизнь старый принцип, согласно которому наука, как Французская республика, – едина и неделима. Ведь ни у кого, по-видимому, нет сомнений, что в эпоху нарождающейся (а может быть, уже существующей) глобальной цивилизации исследования в сфере точных, экспериментальных, технических наук могут развиваться лишь в условиях тесных контактов, осуществляемых поверх политических границ. Это, разумеется, не означает, что ограничиваются возможности возникновения различных научных школ, разной методологии, авторских проектов, проведения исследований иными путями. Широкая дискуссия (обеспеченная небывалой по своему масштабу за всю историю информационной революцией), столкновение многих взглядов, творческие гипотезы и плодотворные споры являются условием развития не только науки, но и, очевидно, всего вида “человека разумного” в целом, что составляет наиболее важный постулат.

Несколько иная ситуация, возможно лишь на первый взгляд, в гуманитарных и общественных науках. Хотя и в них “в рисовом зернышке можно увидеть глобальные проблемы”, как сформулировал один из выдающихся теоретиков гуманистики Фернан Бродель, однако эти науки ставят перед исследователями несколько иные требования. Они не только удовлетворяют потребности исследования, не только приучают к определенному типу мышления – в этом они похожи на другие сферы науки, но также и удовлетворяют самые разные общественные запросы. Они являются основой идентификации, самоопределения членов государственных, национальных, конфессио-

нальных сообществ, представляя одновременно величие и разнообразие современного мира. Они обеспечивают сохранность коллективной памяти людей, их места во времени и пространстве. Если ценностью современной культуры является ее разнообразие, необходимым элементом – понимание человека, то именно гуманитарные науки способствуют познанию.

Разумеется, достижения в гуманитарных и общественных областях науки имеют ценность во всеобщем масштабе, а специалисты по национальной или даже местной истории включаются в более широкое научное сообщество. Хорошо исследованный и проанализированный опыт истории, культуры, искусства, не говоря уже об экономике, является достижением, которое может расширить сферу исследования и применяемые методы познания. Не говоря уже о том, что успехи последних десятилетий в археологии в изучении древнейшей истории человечества, в психологии и социологии, в анализе коллективного поведения, без сомнения, представляют собой заметный вклад в науку в целом. Очевидно также, что разного рода исследования контактов между обществами – в масштабе племен, континентов – облегчают политическую деятельность, понимание экономических отношений, общественных настроений и различных случаев исторически обусловленного коллективного недовольства. Хороший политик знает, что их следует всегда принимать во внимание, подобно тому, как в эпоху современной глобальной экономики учитываются данные экономических наук.

Для объединяющегося сегодняшнего мира особое значение имеют исследования, посвященные широко понимаемой культуре. Например, нет необходимости доказывать большую роль музыки – и классической, и популярной – в создании взаимопонимания между представителями всех поколений. Подобно этому и художественная литература не только является одним из столпов национального единства, но без нее были бы невозможны общие – или различные, но всегда становящиеся предметом обсуждения – духовный опыт и эстетическое восприятие человека. Хотя, как представляется, после короткого перерыва, вызванного изобретением Гуттенберга, мы возвращаемся к изобразительной системе передачи информации, но, во-первых, она является важным объектом исследований, касающихся пропаганды, общественных настроений, способов передачи разного рода сообщений, а во-вторых, любой вид искусства всегда был одним из важнейших факторов создания единого сообщества.

Эти замечания, разумеется, не открывающие чего-то нового, призваны служить обоснованием главного вывода. В мире, который, к сожалению, раздирается самыми разными конфликтами, постоянно ищет единую, не всегда достижимую цель, общий язык, способный объединить людей, чего трудно добиться политическими или экономическими средствами, сфера науки, как представляется, наиболее близка к объединению. Она уже и сейчас довольно однородна, уже сейчас в ней созданы реальные связи поверх всяких границ, как это имело место и в прошлом, хотя и в более ограниченном масштабе. Разумеется, она не может быть третьей силой, правящей миром. Однако она должна стать одним из столпов строящегося единства человечества. Декларации на эту тему формулировались издавна. К ним следует отнестись с большим вниманием и учесть их при планировании развития объединяющейся Европы, особенно в сфере организации и, добавим, финансирования исследований. В этой сфере должен быть принят во внимание голос тех, кто считает познание мира своей миссией.

Перевод В. Мочаловой

29 мая 2003 г. в Отделе истории славянских народов периода мировых войн состоялась научная конференция “Славянские народы в конце XIX – первой половине XX века: специфика модернизационных процессов в традиционных обществах”.

Модернизация, под которой понимается “переход от традиционного общества к современному (modern)”, ее распространение и наложение на культурную специфику различных регионов, стала одной из сквозных тем для общественных наук в последней трети XX в. При этом выявление главных характеристик капиталистического общества, сложившегося в Новое время на западе Европы и ставшего затем гегемоном мирового развития, актуализировало новую проблему: каковы были последствия его воздействия на другие народы, не принадлежащие к западному культурному ареалу, в частности на славян, которые проживали к востоку от реки Эльбы, привычно понимаемой как рубеж цивилизаций, и длительное время (на Балканах – до 1878 г., в Центральной Европе – до 1918 г.) были лишены своих национальных государств, развиваясь на перифериях европейской и османской цивилизаций.

При этом Балканы, в силу специфики исторического пути, – одна из наиболее выраженных зон культурного пограничья, породили особый тип традиционной (балканской) ментальности и ее носителя – *Ното Балканicus*. Исследование механизмов его догоняющего рывка “из балканского мрака на европейский свет” приобретает поэтому дополнительное (типологическое) значение, в контексте постановки и решения общего вопроса: как и насколько органично проходил в славянских странах процесс модернизации в его политическом, общественном и культурном измерениях, и в чем конкретно он выражался?

Надо отметить, что настоящая конференция явилась в какой-то мере вводной: в ходе дискуссии удалось сформулировать целый ряд конкретных проблем, подлежащих анализу в рамках исследования глобального вопроса о “специфике модернизационных процессов в традиционных обществах”. Имея в виду единодушное желание участников продолжить дискуссию, была назначена тема очередной конференции, запланированной на 2004 г., – “Государство и его институты в традиционных обществах”. Данная тема особо оправдана, поскольку в этом году исполняется 200 лет с момента восстановления сербской государственности во время Первого сербского восстания 1804–1813 гг.

Некоторые доклады публикуются ниже.

© 2004 г. *К.В. НИКИФОРОВ*

ПАРЛАМЕНТАРИЗМ В СЕРБИИ В XX ВЕКЕ

Вплоть до Нового времени Запад и Восток развивались достаточно изолированно друг от друга. Однако постепенное возвышение Запада и открытие им (а иногда и насильственное “взламывание”) других цивилизаций полностью изменило характер всех мировых процессов. Начался технологический отрыв Запада от Востока, который к началу XX в. приобрел уже абсолютные формы. В результате Запад перестал выглядеть просто как одна из цивилизаций наряду с другими – незападными. Он стал трактоваться многими исследователями как особая “центральная”, “всемирная” цивилизация, превосходящая все другие общества, а мировой исторический процесс – представляться простым расширением западной цивилизации, поглощающей все окраинные. Такой взгляд фактически лег в основу формирования теории политической модернизации. И в этом смысле между модернизацией и “вестернизацией” (европеизацией) можно поставить знак равенства [1. С. 362–370].

Примером “догоняющей” модернизации в XX в. может служить Сербия. Причем традиционное сербское общество обладало всем “классическим” набором факторов, которые, как считается, тормозят модернизацию. К ним относятся: отсутствие социальной мобильности; ориентация на конечные и вечные ценности в противовес повседневному, практическому; неспособность к постоянному, каждодневному упорному труду, фатализм; этноцентризм; чувство гордости и достоинства, консервативные нормы скромности, привязанность к “своей” земле, “своему” языку, опора на обычаи и традиции; высокие моральные ориентации и пренебрежение реальными условиям существования и т.п. [1. С. 367–368].

Принято даже считать, что жизнь в традиционном обществе вообще не знает политики в современном смысле этого слова. Однако в дополнение к этим общим факторам Сербия обладала и своими индивидуальными. В частности, это – неполная социальная структура сербского общества, отсутствие потомственной элиты и феномен сербского крестьянства. Известно, что после изгнания турок Сербия превратилась в страну лично свободных мелких земельных собственников. Консервативная крестьянская сила, возможно, придавала Сербии, несмотря на все политические катаклизмы, большую устойчи-

Никифоров Константин Владимирович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

вость, но, сохраняя традиционный уклад жизни, она, естественно, мешала более быстрой модернизации страны.

Именно на этом фоне в Сербии все-таки начинает развиваться парламентаризм, нормальное функционирование которого является одним из показателей успешности процесса модернизации страны. Интересно поэтому на конкретно-историческом материале проследить, как институт парламентаризма функционировал в сербском обществе, как он влиял на это общество, а оно – на него.

Наконец, следует сказать, что упомянутые “классические” препятствия модернизации сформулированы западными творцами этой теории. Но то, что на Западе выглядит минусом, на Востоке может быть “плюсом”. Ведь можно только приветствовать любовь к родной земле и языку, скромность, чувство достоинства и т.п.

Начало XX в. Сербское королевство встретило и без конституции, и без парламента. Оппозиция испытывала немалые трудности. Правда, вскоре король Александр Обренович перешел к заигрыванию с оппозицией. Это выразилось в разработке новой Конституции, для чего король настоял на совместной работе двух непримиримых соперников – Радикальной и Напредняцкой партий. Соглашение между ними, получившее позже название “фузия” (объединение, слияние – *К.Н.*), вылилось в новую Конституцию, которая была введена указом Александра Обреновича в апреле 1901 г. Эта так называемая Апрельская конституция впервые вводила в Сербии двухпалатный парламент, который состоял из скупщины и сената. Только 1/3 сената избиралась, причем пожизненно. Из членов сената король формировал Государственный совет, функции которого расширились (см.: [2. С. 213–214]).

Система власти по Апрельской конституции оставалась автократической, да и в целом о парламентаризме говорить практически нет оснований. А главное – по этой Конституции сербский парламент просто не успел поработать. Через два года, в марте 1903 г., он был распущен. А уже в мае 1903 г. Александр Обренович был убит офицерами-заговорщиками.

В историографии считается, что майский переворот “был одним из редких путчей, которые вместо военной диктатуры отдают власть демократически избранным представителям народа” [3. С. 186]. Уже на следующее утро после переворота было сформировано временное правительство, которое сразу же созвало распущенную скупщину, а она, в свою очередь, с небольшими изменениями восстановила либеральную Конституцию 1888 г., просуществовавшую вплоть до образования югославского государства. Сербское королевство объявлялось наследственной конституционной монархией с народным представительством. Парламент (скупщина) получил право законодательной инициативы и контроля над государственным бюджетом. Конституция восстанавливала права и свободы граждан. Выборы в скупщину были прямыми и тайными.

Скупщина призвала на сербский престол внука основателя нового Сербского государства, 60-летнего Петра Карагеоргиевича (1903–1921). Он присягал уже на новой Конституции 1903 г. Таким образом, после дворцового переворота 1903 г. в Сербии установился режим конституционной парламентской монархии.

Конституция обеспечивала достаточно широкий круг политических свобод, а Петр I Карагеоргиевич старался править строго в соответствии с ней, став одним из самых либеральных и популярных сербских монархов. Десяти-

летие после его прихода к власти вошло в историю Сербии под необычным для этой страны названием – “золотая пора” или даже “эра Перикла” [3. С. 187]. Конечно, в преданиях о любом “золотом веке” всегда есть значительная доля преувеличения. Сербский случай – не исключение. Парламентская форма и ее реальное содержание расходились очень значительно. Но, если принять во внимание дальнейшую сербскую историю XX в., такую оценку можно, если не принять, то вполне понять.

Главной политической силой в стране была Радикальная партия, расколовшаяся в тот период на два течения: “старорадикалов”, имевших в скупщине доминирующее положение, и “младорадикалов”, которые в 1904 г. образовали собственную Самостоятельную радикальную партию (“самостальцы”). Эти два радикальных течения поочередно и возглавляли правительства, в том числе и в коалиции друг с другом. По существу в стране сложилась своего рода полупартийная политическая система: “старорадикалы” и “самостальцы” вместе всегда имели голосов намного больше, чем все их соперники вместе взятые. В социально однородном и политически не структурированном сербском обществе избирательная процедура “не только не обеспечивала торжество плюрализма, но напротив – закрепляла политическую монополию единственной партии, выражавшей интересы большинства населения” [4. С. 45].

С 1912 г. Сербия входит в шестилетний период войн. Но скупщина номинально существовала и в годы Первой мировой войны: во время знаменитого отступления сербских войск зимой 1915/1916 г., и даже в изгнании на греческом острове Корфу.

Мирная история для сербов возобновилась только 1 декабря 1918 г., когда принц-регент Александр Карагеоргиевич от имени короля Петра провозгласил в Белграде создание Королевства сербов, хорватов и словенцев (Королевства СХС). В этот новый период сербов и других югославян “вводили старые, усталые и опустошенные политики, образ мышления и политические взгляды которых принадлежали XIX в.” [5. С. 34].

Еще два с половиной года до Учредительной скупщины и принятия первой Конституции нового государства длился так называемый переходный или временный (по-сербски – “провизорный”) период. Попытки в этот период распространить на новые земли действие сербской Конституции 1903 г. не увенчались успехом, за исключением Вардарской Македонии, Косово и Метохии [6. С. 226–228], которые после Первой балканской войны существовали фактически вне рамок правового поля. Формально в этот период временный парламент – Временное народное представительство – все-таки существовал. Однако он не был избран, а явился результатом соглашения между различными партиями.

Фактически уже в переходный период обнаружилось главное противоречие существования Королевства СХС – проблема его государственного устройства. Большинство сербов, исходя из своего старого опыта, выступали за централизованное государство, похожее скорее на расширенную довоенную Сербию. Хорваты, на основе своего опыта, были приверженцами федералистских или даже конфедералистских идей. В то же время среди сербской элиты (и в значительно меньшей мере – хорватской) была распространена и концепция так называемого “интегрального югославизма”, исшедшая из представления о том, что сербы, хорваты и словенцы – один народ, который только в силу разных обстоятельств оказался разделенным на три части. Главным

сторонником и пропагандистом этой концепции была Демократическая партия. Таким образом, существовали три взгляда на дальнейшее развитие Королевства СХС: два старых – сербский и хорватский и один новый – югославянский [3. С. 282]. Последний был, конечно, не равноудаленным от двух первых, а – в “сербском обличье”. Наконец, надо сказать и о словенской позиции. Ее суть хорошо охарактеризовал будущий главный соратник И. Броз-Тито Э. Кардель, словенец по национальности. Он писал, что в Словении в разных вариантах ставка делалась “на карту сербско-хорватских противоречий”, а сами словенские политики выторговывали себе многие уступки, пытаясь играть “роль стрелки на весах” [7. С. 19–20].

В ноябре 1920 г. состоялись, наконец, выборы в Учредительную скупщину. А еще через полгода, 28 июня 1921 г., в годовщину Косовской битвы в день Св. Витта, после многочисленных консультаций демократам и радикалам удалось склонить Учредительную скупщину к одобрению проекта Конституции. Видовданская конституция была принята не конституционным, как предполагалось ранее, а простым большинством голосов.

Сербо-хорвато-словенское государство узаконивалось как парламентская наследственная монархия во главе с династией Карагеоргиевичей. Однопалатная Народная скупщина (парламент) наравне с королем считалась верховным законодательным органом. Принятые скупщиной законы подлежали утверждению королем, который также имел право созыва и роспуска парламента.

Правительство объявлялось ответственным перед королем и скупщиной, но фактически оно больше зависело от монарха, которому принадлежало право назначения премьер-министров, отправки кабинета министров в отставку и т.п. Достаточно привести известный факт: за десять лет видовданского режима сменилось более двадцати правительств. Причем, только два правительства были заменены по решению скупщины, остальных отправил в отставку Александр Карагеоргиевич.

Тем не менее, правительство было после монарха вторым политическим центром силы в стране. Именно за преобладание в нем шла политическая борьба. Скупщина же мало что решала. С. Прибичевич, представлявший интересы сербского населения Хорватии, говорил в декабре 1925 г., что “наш парламент не имеет никакой силы, ни значения, ни авторитета, он не может ничего сделать” [6. С. 488].

В первой статье Конституции впервые в сербской истории говорилось о парламентаризме. Но в Королевстве СХС парламентская практика намного чаще противоречила провозглашенным принципам, чем это было в начале века [5. С. 93]. Разница была и в восприятии парламентаризма у Петра Карагеоргиевича и его сына. В кризисный период Александр привык править единолично, привык обходиться без парламента. Привыкли к этому и политические партии, и население, среди которого парламентаризм и раньше не успел как следует укорениться.

Первым парламентом нового югославского государства стала сама Учредительная скупщина. По указу короля именно она была преобразована в Народную скупщину после того, как принятием Конституции Королевства СХС Учредительная скупщина исчерпала свои полномочия.

Выборы в Учредительную скупщину определили четыре главные политические силы королевства: две правящие сербские партии – Радикальная и Демократическая и две оппозиционные – Хорватская народная крестьянская

партия и Коммунистическая партия (КПЮ). Первые две партии ожесточенно боролись друг с другом, а оппозиция оказалась внесистемной. Коммунисты взяли курс чуть ли не на насильственное свержение существующего строя, а Хорватская народная крестьянская партия отказалась участвовать в работе Учредительной скупщины. В начале декабря 1920 г. она по предложению своего лидера С.Радича была демонстративно переименована в Хорватскую республиканскую крестьянскую партию (ХРКП). Руководство партии заявило о своем намерении добиваться созыва Хорватского сабора и провозглашения независимой Хорватской крестьянской республики. В результате обе партии были запрещены: КПЮ еще в конце 1920 г., а ХРКП – в самом начале 1925 г.

В отличие от ХРКП, сумевшей сплотить вокруг себя все хорватское население, сербские партии действовали в основном только на территории Сербии. “Пречанские” (т.е. проживавшие за реками Дунай, Сава и Дрина) сербы фактически были ими забыты.

Только в 1925 г. после ареста С.Радича руководство ХРКП заявило, наконец, о признании Видовданской конституции и династии Карагеоргиевичей. Из названия партии было исключено слово “республиканская”, и она была переименована в Хорватскую крестьянскую партию (ХКП). На основе последовавших соглашений было создано коалиционное правительство из представителей Радикальной партии и ХКП, а сам Радич выпущен на свободу. После нар он попал сразу в кабинет министров.

Таким образом, можно сказать, что переходный период длился в Хорватии фактически до 1925 г. В течение этого времени ведущая хорватская партия саботировала центральную власть, в Хорватии сохранялась старая административная система и не применялись многие законы (см., например: [8. С. 208]). Не лучше обстояло дело и в других исторических областях страны. Фактически все еще существовало шесть различных правовых систем со своим законодательством и судопроизводством: за одно и то же преступление в разных областях наказывали по-разному. Многочисленные правовые пустоты заполняло нормотворчество самого Александра Карагеоргиевича [5. С. 95–96]. В этом смысле можно сказать, что переходный период длился до 1929 г.

Относительное сотрудничество ХКП и радикалов продолжалось всего около двух лет. (И даже в течение этого времени Радич, хотя и вошел в состав правительства, продолжал его критиковать). В конце 1927 г. ХКП и выделившаяся из Демократической партии Независимая демократическая партия С. Прибичевича, выступавшего до этого с позиций убежденного монархиста и централиста, договорились о создании Крестьянско-демократической коалиции. Образовывался единый фронт всех ведущих “пречанских” политических сил против центральной власти. В определенной степени “Пречанский фронт” был обновлением Хорватско-сербской коалиции начала века [3. С. 288]. В это же время общесербский политический фронт был окончательно раздроблен.

Между Крестьянско-демократической коалицией и правительственным большинством в скупщине разгорелась ожесточенная борьба, усугубившая хронический политический кризис, в том числе кризис парламентаризма. В стенах скупщины раздавались взаимные оскорбления и угрозы, часто доходило и до рукоприкладства. В июне 1928 г. во время дебатов в скупщине депутат от Радикальной партии П. Раич из пистолета убил двух хорватских депутатов и смертельно ранил С. Радича. Видовданский парламентаризм запомнил-ся именно этим трагическим эпизодом.

По некоторым данным, и за союзом радикалов с ХКП, и за созданием Крестьянско-демократической оппозиции стоял король Александр [8. С. 209]. Его целью было недопущение единого политического фронта сербских сил, ослабление Радикальной партии и парламента путем постоянной внутрипартийной борьбы, которую разжигал Радич. Король мог выступать в этой ситуации в роли арбитра и готовить почву для захвата всей полноты власти. По сути, скупщина была не особенно нужна ни основным партиям, которые договаривались друг с другом вне парламентских процедур, ни, тем более, Александру Карагеоргиевичу. Сам С. Радич требовал от него решительных действий.

6 января 1929 г., через десять лет после образования Королевства СХС, король, следуя примеру своего тезки из династии Обреновичей, совершил государственный переворот. Видовданская конституция была отменена, парламент распущен, все политические партии запрещены. Парламентаризм в Королевстве СХС через восемь с половиной лет функционирования пришел к своему печальному концу и был заменен монархическим режимом, опиравшимся на армию.

Александр Карагеоргиевич посчитал, что десять лет достаточно, чтобы приступить к созданию действительно интегрированного югославянского государства. 3 октября 1929 г. Королевство СХС было переименовано в Королевство Югославию. Новое название должно было символизировать государственное и национальное единство населения страны. Вслед за этим была проведена административная реформа, по которой страна была разделена на девять бановин и один столичный округ. Этой реформой централистские тенденции в устройстве югославского государства были доведены до своего логического завершения. В стране, наконец, с помощью Верховного законодательного совета была произведена унификация законодательства.

В первой половине XX в. в Сербии и Югославии периоды личной власти были, однако, недолгими. Через два года, в 1931 г., Александр, вновь также, как и его тезка, “даровал” народу новую Конституцию. Правда, в ней говорилось уже о “народном представительстве”, а не о “парламентаризме”. Парламент становился двухпалатным, состоявшим не только из скупщины, но и из сената. Причем половина членов сената назначалась королем. Правительство также назначалось королем и было на этот раз ответственно только перед ним. Фактически октроированная Конституция сохранила за Александром всю полноту власти. Была создана своего рода смешанная система – личная власть с элементами парламентаризма. Если Видовданская конституция была шагом назад (по крайней мере, в практике применения) по сравнению с Конституцией 1903 г., то Конституция 1931 г. с точки зрения парламентаризма делала еще один шаг назад.

По этой Конституции страна жила следующие десять лет. Хотя партии еще были запрещены, принятие Конституции привело к некоторой их активизации. И если новому лидеру Хорватской крестьянской партии В. Мачеку в целом удалось сохранить влияние своей партии в хорватских землях, то сербские партии оставались неконсолидированными. Более того, они были реорганизованы и дезориентированы созданием так называемой партии “правящего режима”. Вначале таковой пыталась стать Югославская радикально-крестьянская демократия, позднее – Югославская национальная партия.

Ситуация в принципе не изменилась и в период наместничества, который наступил после убийства в Марселе Александра Карагеоргиевича в октябре 1934 г. После парламентских выборов в 1935 г. формирование нового правительства было поручено крупнейшему белградскому банкиру М. Стоядиновичу, который отмежевался и от своего членства в Радикальной партии, и от связи с Югославской национальной партией. Он отказался также от идеологии “интегрального югославизма” и пропагандировал так называемое “реальное югославянство”, при котором национальные особенности не подчеркивались, но уже и не отрицались [5. С. 160].

В результате сложных переговоров в коалиционный кабинет Стоядиновича вошли частично члены Радикальной и Югославской национальной партий, словенские клерикалы А. Корошеца и мусульманская партия М. Спахо. Они образовали новую правящую партию – Югославский радикальный союз. Партия позиционировалась как единственная общегославская, но в реальности таковой так и не стала. В целом можно сказать, что, кроме неполной выборности парламента, искусственное создание сверху “партий власти” было еще одним показателем болезни югославского парламентаризма.

На выборах в декабре 1938 г. блок Стоядиновича одержал лишь незначительную победу над объединенной оппозицией во главе с Мачеком. Фактически выборы означали триумф оппозиции, в которую входили не только преchanские, но и сербские партии – Радикальная, Демократическая, Союз земледельцев. Выборы показали полный раскол сербских политических сил, часть которых входила в правящий блок, а часть – в оппозицию. В результате уже в феврале 1939 г. Стоядинович был вынужден уйти в отставку, передав руководство правительством лидеру Югославского радикального союза Д. Цветковичу – министру социальной политики в его кабинете.

Переговоры последнего с Мачеком привели к созданию в августе 1939 г. автономной Хорватской бановины. В связи с этими преобразованиями Мачек вошел в правительство в качестве вице-премьера. Правда, в тот же день скупщина была распущена, а новая уже не созвана. Даже к такой важной реформе, означавшей, по сути, кардинальное изменение государственного устройства (то есть, можно сказать, еще один государственный переворот), парламент не имел никакого отношения.

Сербские партии спохватились очень поздно. Задним числом они начали говорить о забытом прежде сербском вопросе. Однако за двадцать лет существования югославского государства ими ничего не было сделано для экономической, культурной, национальной и духовной интеграции всех сербов [5. С. 197].

Времени осуществить дальнейшие федеративные преобразования по созданию Сербской и Словенской бановин уже не оставалось. В Югославии состоялся еще один государственный переворот, когда престол занял провозглашенный совершеннолетним король Петр II. Правительство возглавил генерал Д. Симович. В его правительстве были представлены почти все партии: от правящего блока – Хорватская крестьянская партия (Мачек остался вице-премьером), словенские клерикалы, боснийско-герцеговинские мусульмане; от объединенной оппозиции – демократы, радикалы, земледельцы. Были в правительстве представители Независимой демократической партии и Югославской национальной партии. Симович (по аналогии с 1903 г.) пытался предста-

вить себя как человека, положившего конец диктатуре. Но его кабинету довелось править всего десять дней.

После нападения на Югославию гитлеровской Германии никакого парламентаризма в стране, естественно, не было. Сама Югославия перестала существовать, о ней напоминало только эмигрантское правительство в Лондоне. Подавляющее большинство югославских политических партий после оккупации страны фактически прекратили свою деятельность, а многие партийные лидеры быстро нашли общий язык с фашистскими властями. Например, с заявлением о поддержке новой власти выступил В. Мачек.

В ноябре 1942 г. в Бихаче на освобожденной территории коммунисты созвали Учредительную скупщину, где были представлены левые антифашистские группы и организации. Делегаты провозгласили создание нового политического представительного органа – Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ). Через год, в ноябре 1943 г., состоялась II сессия АВНОЮ в Яйце, которая приняла декларацию, определившую основы нового государства. АВНОЮ было провозглашено временным верховным законодательным и исполнительным органом власти. Функции правительства должен был выполнять Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ). Деятельность эмигрантского правительства была осуждена, а королю Петру II запрещено возвращаться в страну до окончания войны. Эмигрантское правительство и западные комментаторы оценили решения II сессии АВНОЮ как государственный переворот. Советский Союз, естественно, наоборот воспринял эти решения положительно, направив в начале 1944 г. к партизанам свою военную миссию.

Окончательно эмигрантское правительство прекратило свое существование 7 марта 1945 г., когда было создано объединенное правительство Тито–Шубашича. Теперь существовало только одно югославское правительство. Представители эмиграции получили в нем только три места (из почти 30). АВНОЮ также было решено расширить за счет депутатов довоенного югославского парламента, не запятнавших себя сотрудничеством с фашистами. Министром иностранных дел стал И. Шубашич (довоенный бан Хорватии и последний глава эмигрантского правительства). Пойдя на незначительный компромисс, Тито получил международное признание новой власти¹. Впрочем, даже компромиссом это было трудно назвать. Коммунистическая партия Югославии по-прежнему руководила всеми центральными и местными органами власти, армией, судом, прокуратурой, экономикой, культурной жизнью.

Летом 1945 г. в Югославии обсуждался проект закона о выборах в Учредительную скупщину, которая должна была принять новую Конституцию. Руководителями компартии в закон были специально внесены такие пункты, которые не только затрудняли, но и делали фактически невозможным участие в выборах оппозиции. Коммунисты, в частности, получили возможность лишать оппонентов гражданских прав за сотрудничество с оккупантами и даже за “со-

¹ М. Джилас вспоминал, что договориться с эмигрантским королевским правительством югославским коммунистам особенно советовали советские лидеры. Когда он в марте 1944 г. первый раз посетил Москву, Сталин ему прямо сказал: “А не сумели бы мы как-нибудь надуть англичан, чтобы они признали Тито – единственного, кто фактически борется против немцев?” [9. С. 50].

трудничество с сотрудниками оккупантов”. Таким образом, понятие “контрреволюционеры” у коммунистов очень быстро распространилось вообще на всех несогласных и недовольных новым строем. Военные методы были перенесены и на мирное время. Как и во время войны, “все, кто не с нами, были против нас”.

Лидер Демократической партии М. Грол, один из немногих эмигрантских политиков, вернувшихся в послевоенную Югославию, включенный в правительство, уже через несколько месяцев, в августе 1945 г., подал в отставку. В своем письме Тито он обвинил коммунистов в “самоуправствах, трюках, доктринерстве”. По воспоминаниям М. Джиласа, в узком титовском окружении письмо произвело впечатление не столько логикой и содержанием, сколько культурой и достоинством формы. “Наше сознание, – писал он, – наши образцы, наши силы и наши структуры уже давно были ... заскорузло однопартийны. Демократическая альтернатива уже тогда была не только упущена, но и уничтожена... Мы, коммунисты, не желали вообще никакой оппозиции – мы хотели сохранить для себя абсолютно всю власть...” [10. С. 207–208]. Еще один вернувшийся в страну эмигрант – заместитель председателя главного комитета Радикальной партии М. Трифунович в 1946 г. был осужден на восемь лет тюрьмы, где и умер.

11 ноября 1945 г. в Югославии состоялись выборы в Учредительную скупщину и плебисцит по поводу государственного устройства. И первое, и второе проходили под полным контролем КПЮ. Нормальным представительным органом Учредительную скупщину назвать никак нельзя. За объединенных кандидатов возглавляемого коммунистами Народного фронта было отдано 90% голосов. Подавляющее число избирателей проголосовали также за республиканскую форму правления. Наконец, 29 ноября Учредительная скупщина провозгласила создание Федеративной Народной Республики Югославии (ФНРЮ). Еще через два месяца, 31 января 1946 г., Учредительная скупщина приняла Конституцию ФНРЮ. Высшим органом власти в стране становилась Народная скупщина, состоявшая из двух палат – Союзного веча и Веча национальностей. Начался период социалистического эксперимента.

После 1945 г. Югославия вновь стояла перед задачей “догоняющей” модернизации, но уже не “имитирующей” западный образец, а “альтернативной”, которая имитировала другой – советский опыт. В 1945–1947 гг. новая власть под руководством КПЮ провела коренные политические и социально-экономические реформы. В частности, была окончательно упразднена многопартийность.

Таким образом, после войны в парламентской истории был сделан еще один и очень заметный шаг назад. Более того, нормально функционирующего парламента в стране уже фактически не было. Вернее, существовал квазипарламент советского образца, который, по сути, не был ни представительным, ни законодательным, ни контролирующим органом. А был лишь органом, штампующим решения руководства компартии. И даже резкий поворот к самоуправлению после 1948 г. не принес в этом смысле особых перемен. На теоретическом уровне курс был взят на замену представительных органов непосредственной демократией и самоуправлением.

Эксперименты с самоуправлением продолжались до второй половины 1970-х годов. После этого преобразования в Югославии в основном закончились. Самоуправление превратилось в некий “фетиш”, догму, которую нельзя

было критиковать. Вернее критика допускалась только в рамках так называемой самоуправленческой идеологии, все другие – считались враждебными².

В то же время в стране нарастали кризисные явления. При жизни Тито югославским руководителям еще как-то удавалось их сдерживать. Однако уже с начала 1980-х годов Югославия стала неумолимо втягиваться в глубокий системный кризис. Одновременно в стране резко усилились позиции национальных бюрократий (“этнократий”). Республики начали вводить специальные меры для защиты своих предприятий от конкуренции с другими югославскими предприятиями. Хрупкий общеюгославский рынок стал на глазах распадаться на шесть республиканских и два краевых. Ситуация еще более осложнилась из-за нового обострения обстановки в автономном крае Косово. Началась “цепная и неуправляемая реакция нарастания национальных противоречий” [12. С. 231].

В конце 1989 г. под давлением событий в Восточной Европе и своего собственного кризиса югославские власти разрешили, наконец, выборы на многопартийной основе. Еще в период подготовки к последнему съезду Союза коммунистов Югославии (СКЮ) сначала в Словении, а затем и в других республиках начали образовываться новые партии, которым после полувековой коммунистической монополии предстояло участвовать в свободных выборах.

В подавляющем большинстве эти партии образовывались исключительно на национальной основе, многие из них считали себя преемницами партий, существовавших в период между двумя мировыми войнами и даже раньше. Так, в Сербии возникли Демократическая партия и Сербская радикальная партия, а после объединения республиканского Союза коммунистов с Социалистическим союзом трудового народа (организация, выросшая из послевоенного Народного фронта и олицетворявшая “нерушимый блок коммунистов и беспартийных”) была образована Социалистическая партия. Причем не возникло ни одной общесербской партии. В Республике Сербская Краина в Хорватии и Республике Сербской в Боснии собственно сербские партии имели либо своего рода филиалы (Социалистическая и Радикальная партии), либо просто одноименные образования (Демократическая партия).

Первые многопартийные выборы в Югославии проходили с весны по осень 1990 г. В Сербии победу одержала Социалистическая партия Сербии (СПС) во главе с С. Милошевичем, получившая три четверти мест в парламенте. Антикоммунистические и демократические силы не смогли составить ей сильную конкуренцию. В сербской истории наступило десятилетие личного режима Милошевича. Он занимал вначале пост президента Сербии, затем – президента Югославии. Однако степень его диктаторских полномочий в литературе часто преувеличивается. Именно при нем в Сербию после полувекового перерыва вернулся парламентаризм, хотя этот парламентаризм был во многом ущербным. В совершенно иной обстановке как будто возродились многие пороки режима, созданного октроированной Конституцией 1931 г.: личная власть в сочетании с урезанным парламентаризмом. Добавились и новые пороки, унаследованные от коммунистического прошлого. И власть, и народ уже забыли парламентский опыт.

² О так называемых самоуправленческих идеологиях в югославском обществе того времени см.: [11. С. 140–156].

После развала Социалистической Федеративной Республики Югославии и начала череды войн на ее бывшем пространстве, в конце апреля 1992 г. была образована “третья”, сербско-черногорская Югославия. 27 апреля скупщины Сербии и Черногории приняли Конституцию нового государства – Союзной республики Югославии (СРЮ). Югославия объявлялась плюралистическим государством, базирующимся на парламентской демократии, законах, социальной справедливости, правах человека, свободной рыночной экономике, свободе деятельности и равноправности всех ее граждан.

Согласно Конституции, законодательная власть в СРЮ принадлежала Скупщине СРЮ (союзному парламенту), состоявшей из двух палат – Веча республик и Веча граждан. Первоначально в первую палату по 20 депутатов делегировали скупщины Сербии и Черногории. Эти 20 мест заполнялись пропорционально голосам, которые получали на выборах в республиканские парламенты местные партии. После поправок к Конституции эти места распределялись по результатам прямых республиканских выборов. Во вторую палату депутатов избирало все население СРЮ (по одному от каждых 35 тысяч избирателей).

В политической жизни Сербии в 1990-х годах были в основном представлены три политических течения с различными переходными формами: социалистическое (социал-демократическое), либерально-демократическое и националистическое. В то же время большинство голосов в союзной скупщине в течение всего десятилетия неизменно имела Социалистическая партия Сербии. В борьбе за власть она иногда блокировалась с другими политическими силами, представлявшими все оттенки политического спектра – от Радикальной партии В. Шешеля и Новой демократии Д. Михайловича до Югославских левых, которых возглавляла жена С. Милошевича – М. Маркович. Такая система фактически также была полупартийной – по аналогии с ситуацией, сложившейся в Сербии в начале XX в.

Монополия социалистической партии рухнула 5 октября 2000 г., когда Милошевич пытался оспорить фактически проигранные президентские выборы, но был лишен власти вышедшим из повиновения населением. Президентом Югославии стал В. Коштуница. Места поменялись. К власти пришла Демократическая оппозиция Сербии (ДОС) – блок небольших партий преимущественно демократической направленности, а в новой оппозиции оказались социалисты и радикальные националисты. Однако нельзя сказать, что парламентаризм в Сербии наконец-то приобрел нормальный вид.

Очень скоро пути Коштуницы, возглавлявшего Демократическую партию Сербии (ДПС), и остальных членов ДОС во главе с премьер-министром Сербии З. Джинджичем разошлись. Члены ДПС были отстранены от власти, в частности, ее представители лишились мандатов в парламенте страны. Это происходило при многочисленных нарушениях законов и Конституции страны. То есть демократы, беря пример с социалистов, также попытались наделить самих себя монопольной властью. Сам В. Коштуница лишился своего поста в начале 2003 г. после преобразования Югославии в новое государственное сообщество Сербия и Черногория. Согласно конституционной хартии нового государства, республиканские парламенты делегировали своих представителей в совместный однопалатный парламент (скупщину). Парламент избрал нового президента, которым стал черногорец С. Марович.

Если вычесть все войны и годы диктатур (включая и самую длительную – коммунистическую), то получится, что парламентаризм в Сербии в XX в. существовал менее 40 лет. Но даже в эти годы он функционировал преимущественно как обрамление для своего рода полупарламентарийной политической системы. И если при однопартийной системе парламентаризм в принципе невозможен, то и при полупарламентарийной – он функционирует далеко не самым лучшим образом. Права меньшинства в Сербии и Югославии, как правило, не учитывались. Парламентаризм также часто понимался лишь как неограниченная власть большинства. Национальная идеология – будь то местный национализм, “интегральный югославизм” или “самоуправление” – сразу же превращалась в догму и насаждалась силовыми методами вплоть до диктатуры. Мало что изменилось и после прихода к власти демократов.

Вся сербская история, и XX век – не исключение, состоит из удивительных повторов. В частности, принятие новых конституций в Сербии и в первой, и во второй половинах XX в. всегда обуславливалось закреплением монополии той или иной партии, находившейся у власти. Как точно подметил В. Коштуница, говоря о последнем десятилетии истории своей страны: “Республиканская Конституция 1990 г. была конституцией Соцпартии Сербии, федеральная Конституция 1992 г. была конституцией Соцпартии Сербии и Демократической партии социалистов Черногории. Новая республиканская Конституция (которая сейчас разрабатывается в Сербии. – *К.Н.*) грозит стать конституцией ДОСа” [13]. По словам того же Коштуницы, внутри ДОСа “все подчинено интересам одной Демократической партии, а сам ДОС – современный вариант Народного фронта, в котором подобным же образом доминировала КПЮ” [14].

Задачи политической модернизации, в том числе и создание полноценного института парламентаризма по-прежнему стоят перед Сербией. Выполнить эту задачу до конца мешали отсутствие преемственности в развитии сербского общества и более того – неоднократные кризисы сербской государственности. В одном только XX в. они произошли несколько раз: в 1903 г., когда произошла смена династий; в 1918 г., когда сербская государственность была растворена в государственности югославской; в 1943 г., когда коммунисты, проведя II сессию АВНОЮ, осуществили, по сути, государственный переворот; в 1992 г., когда распалась “титовская Югославия”, и наконец, забега вперёд, в 2003 г., когда вместо оставшейся “малой” Югославии было образовано государственное сообщество Сербия и Черногория.

Поэтому и попытки модернизации в Сербии осуществлялись неоднократно. По крайней мере, три раза – в первое десятилетие XX в., после Второй мировой войны и в настоящее время, которая частично началась еще при Милошевиче и усилилась после 5 октября 2000 г. Причем, эту модернизацию вновь можно определить как “догоняющую” и “имитационную”.

У такой политики в Сербии есть оппоненты, прежде всего в левом и национальном сегментах политического спектра, в армии и спецслужбах. По-прежнему инертной массой остается сербское крестьянство. Впрочем, и в науке у теории политической модернизации есть влиятельные оппоненты, которые не рассматривают исторический процесс столь однолинейно – через призму “вестернизации” всех государств. Они считают, что западные общества могут пройти этапы трансформации, не ломая свой “генетический код”, не отказываясь в политическом плане от суверенитета, а в культурном – от самобытности или, как сейчас принято говорить, идентичности (см., например: [1.

С. 370–376]). Более того, попытки прямого внедрения западных политических стандартов в незападных обществах не дают эффекта, но могут спровоцировать многие негативные явления – рост бюрократизации и коррупции, резкое расслоение общества и т.п.

Этих явлений не избежала и Сербия. Как и во всех странах с “догоняющей” модернизацией, причину невысокой эффективности различных формальных, в том числе и представительных, институтов следует искать в отсутствии нормальной рыночной экономики и гражданского общества. Именно благодаря им постепенно вырастали представительные институты в странах так называемой “первичной” модернизации. В странах же “вторичной”, “догоняющей” модернизации телега была поставлена впереди лошади.

Наконец, представленный Западом либерально-демократический, рационально-материальный вариант развития сегодня сам находится в глубоком ценностном кризисе. Приверженцы модернизационного подхода выдвинули уже концепцию следующей стадии развития для стран, осуществивших “первичную” модернизацию, стадии политического постмодерна, когда теряют эффективность и размываются такие классические политические институты, как бюрократическое государство, парламентаризм, массовые партии и т.п. Причем процесс размывания затрагивает и само национальное государство, суверенитет которого все больше ставится под сомнение со стороны так называемого мирового сообщества. В этих условиях предстоит ответить на вопросы, как эти процессы будут влиять на страны, осуществляющие “вторичную” модернизацию, и что предстоит делать самим этим странам, чтобы навсегда не отстать в цивилизационном развитии и не стать “новыми колониями” развитых стран?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ерасов Б.С.* Цивилизации. Универсалии и самобытность. М., 2002.
2. *Љушић Р.* Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. 2. Србија и Црна Гора.
3. *Батаковић Д., Протић М.Ст., Самарцић Н., Фотић А.* Нова историја српског народа. Београд, 2002.
4. *Шемякин А.Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века. СПб., 2002.
5. *Димић Љ.* Историја српске државности. Нови Сад, 2001. Књ. 3. Србија у Југославији.
6. Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929 гг. М., 1988.
7. *Кардель Э.* Из предисловия ко 2-му изданию труда “Развитие словенского национального вопроса” // Нация и международные отношения. Белград, 1975.
8. *Силкин А.А.* Создание коалиции Н. Пашича и С. Радича и крах “видовданской политики” Белграда // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2002.
9. *Джилас М.* Беседы со Сталиным // Лицо тоталитаризма. М., 1992.
10. *Джилас М.* Тито, мой друг и мой враг (Дружба с Тито). Париж, 1982.
11. *Кузнецевский В.Д.* Эволюция югославской концепции социализма. М., 1990.
12. *Волков В.К.* Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.
13. *Петровская Ю.* Интервью с В.Коштуницей: “Влияние России на Балканах ослабевает” // Независимая газета. 2003. 22 IV.
14. Власт замагљује агентат // Вечерње новости. 2003. 17 V.

© 2004 г. А.Л. ШЕМЯКИН

СЕРБСКОЕ ОБЩЕСТВО ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА ГЛАЗАМИ РУССКИХ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

При изучении специфики модернизационных процессов в Сербии в XIX–XX вв. целесообразно использовать двухфазовый принцип, реконструируя (в качестве первого шага) тот социокультурный контекст, в котором они развивались.

Это настоятельно важно, поскольку национальная историография часто трактует модернизацию Сербии как линейный процесс, рассматривая ее политическое развитие как главный вектор *европеизации* страны, в отрыве от состояния менталитета общества. Что, впрочем, легко объяснить, ведь уже с 1830-х годов Сербия существовала как *de-facto* самостоятельное государство, ограниченное в своей внешнеполитической практике, но способное к внутреннему саморазвитию. При этом все политические идеи и институты, особенно заимствованные (демократия, парламентаризм, конституционный строй), представлены как бы вне социальной реальности и без учета их преломления в ней. Потому-то в солидных монографиях можно порой прочесть, что к концу 1880-х годов “сербское общество вполне созрело для введения парламентаризма” [1], а на высоких научных форумах услышать заявления о том, что на рубеже веков Сербия “вплотную приблизилась к европейскому образцу государства” [2. С. 137]¹.

Перед нами весьма типичное явление, характерное и для отечественной науки. Его четко сформулировал, например, Л.В. Милов во введении к монографии “Великорусский пахарь” – речь идет о стремлении “к непрерывной идентичности всех наших этапов развития с развитием исторического процесса в основных странах Западной Европы” [4. С. 3].

Заметим, что “европеизирование” собственной истории – значительно большее, чем она того заслуживает – весьма свойственно и другим балканским историографиям. Особенно эта тенденция усиливается в настоящий мо-

Шемякин Андрей Леонидович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Статья подготовлена при поддержке РФНФ (грант 01-01-00215а).

¹ Милан Протич – один из авторов весьма претенциозной “Новой истории сербского народа” – вполне серьезно утверждает, будто после принятия Конституции 1903 г. в Сербии был “почти воплощен в жизнь идеал британской демократии – двухпартийная система” [3. С. 188].

мент, когда многие из бывших “балканцев” стали вдруг “европейцами” (см., например, [5. С. 30]). Но вот мнение самой Европы. По определению австрийского историка К. Казера, “Балканы – другие, единые и по многим аспектам отличающиеся от того, что зовется Европой. Однако не следует считать всякое другое нецивилизованностью. Балканы всегда представляли и сегодня представляют иную цивилизацию, точнее сказать – культуру” [6. С. 9].

Стократ прав сербский писатель М. Павич, передавший с емкостью целой философии этот культурный плюрализм устами одного из своих героев: “Мое имя – Балканы, ее – Европа” [7. С. 13]. А потому, как заметил выдающийся этнолог академик Й. Цвиич о своих земляках, “европейские институции и культура вообще воспринимаются здесь, только преломившись через призму народного духа” [8. С. 66], т.е. менталитета, как мы бы сказали сейчас.

Для познания же этой *призмы народного духа* (или патриархальной канвы, по которой сербские модернизаторы пытались выводить “европейские” узоры) следует, как нам кажется, изменить сам подход к нему: наиболее продуктивными в этом смысле представляются *антропологически ориентированное исследование* – его первая попытка автором уже проведена [9] – и *объективный взгляд извне*. Поэтому стоит проследить, что писали русские и вообще иностранцы о сербах. Ведь, как точно подметил еще П.А. Ровинский, “описания иностранцев часто могут открывать вещи, неизвестные туземцам, и всегда помогают им видеть свою жизнь с той именно стороны, которая им недоступна...” [10. С. 375]. Интересно, что ракурс *другие о нас* долгое время был явно недостаточно востребован в сербской историографии [11. С. 7], по всей видимости, из-за критичности оценок, ломавших устоявшиеся мифы. Мы же будем использовать как раз его, руководствуясь при этом глубокой мыслью А.И. Герцена: “Народ – консерватор по инстинкту. Чем дальше народ от движения истории, тем он упорнее держится за усвоенное, знакомое. Он даже новое принимает в старых одеждах...” [12. С. 589].

* * *

Так что же представляло собой сербское общество на рубеже XIX и XX вв.? Его главная особенность – выражено аграрный характер. До Первой мировой войны доля крестьян в структуре населения страны никогда не опускалась ниже 87% [13. С. 126]. При этом они были наделены землей достаточно равномерно, вследствие чего расщепление интересов в их среде шло крайне медленно.

Вторая важная черта сербского социума – его неполная структура. Исторически он был лишен аристократической и буржуазной прослоек. В нем имелось как бы два полюса: малочисленная, вышедшая из *низов* элита и однородная крестьянская масса – главный хранитель традиционного сознания.

Городские жители, доля которых в населении Сербии составляла около 12%, так и не смогли консолидироваться в мещанское сословие, т.е. стать носителями буржуазности², но на протяжении всего периода сербской независи-

² По словам наблюдателя из России, “серб остается по преимуществу земледельцем и свинопасом, а если судьба выбрасывает его из обычной сферы родительского дома, то он охотнее всего обращается к чиновничьему или военному делу. Собственно мещанское сословие поэтому вполне чуждо сербскому народу” [14. С. 28].

мости оставались весьма размытой категорией. “Как трудно было определить, где кончается сельская тропа и начинается городская улица, – констатирует академик М. Экмечич, – так же мало кто мог сказать, где проходит граница между крестьянином и жителем города” [15. С. 67]. То же самое отмечали и русские путешественники. По словам полковника Генштаба Н.Р. Овсяного, “значительная часть горожан по роду занятий мало чем отличается от поселян... Из трех горожан двое тоже живут земледелием и скотоводством” [16. С. 113]³. В городе Пожаревац (областном центре!), например, в 1896 г. имелось 800 лошадей, 900 коров, 4900 свиней, 2600 овец и 250 пчелиных ульев. А в старинной сербской столице Крагуевце два года спустя на 14 тыс. населения было всего лишь одно пианино – да и оно стояло в доме переселенцев из Срема [20. С. 171, 301].

Даже Белград, по описаниям россиян, производил впечатление “поселения” явно переходного типа: “Лачуги и чуть ли не пещеры виднеются рядом с роскошными дворцами, а на улице часто можно увидеть крестьян, расположившихся обедать на асфальтовой мостовой. Мимо них пронесется вагон электрического трамвая и плетется, неимоверно скрипя, крестьянская арба, запряженная волами” [21. С. 56]. Кроме того, “в Белграде все почти между собой знакомы” [22. С. 133], вследствие чего двери (как и во всякой “деревне”) не запираются. “Возле некоторых жилищ наружные двери открыты были настежь и подпирались опрокинутыми стульями: оказалось, что, по принятому обычаю, этим предупреждается, что никого нет дома и чтобы гости понапрасну не трудились заходить туда!” [23. С. 65]. Восклицательный знак здесь явно не случаен – он выражает степень удивления очередного русского гостя...

Специфика сербской элиты состояла в том, что и она (в большинстве своем) сохраняла традиционный менталитет, что зафиксировал еще П.А. Ровинский. “В Сербии меня одно удивляло, – писал он, – везде в других странах люди, составляющие интеллигенцию, развиты непропорционально больше, чем масса, в Сербии напротив – интеллигенция... в сущности слишком мало отделяется от массы” [22. С. 166].

Таковая ее особенность наглядно проявилось уже вскоре по обретении Сербией независимости, когда безусловный прежде русофил князь Милан Обренович открыто перешел на австрофильские позиции, связав судьбу страны и династии с Веной. Тем самым он не только менял внешнеполитические ориентиры, но и четко обозначил свое намерение втянуть Сербию в Европу. Призванный им к власти кабинет напредняков во главе с М. Пирочанцем – этим первым сербским подлинным “западником” [24]⁴ – и попытался осуществить этот прыжок “из балканского мрака на европейский свет” [26. С. 256].

Понятно, что брошенный столь явно вызов не мог остаться без ответа, что вносило в развитие Сербии черты не ведомой ранее биполярности. Стремление правительства “насадить в ней европейскую культуру” [16. С. 90] или “сейчас же втиснуть естественный строй сербского государства в нормы чисто европейские” [27. С. 762], как отмечали русские очевидцы, вызвало резкий про-

³ Такое положение сохранялось вплоть до Первой мировой войны, что говорит о крайне слабой мобильности сербского общества [17. С. 34; 18; 19. С. 19].

⁴ Известный русский славист П.А. Кулаковский оставил в своем дневнике беглую зарисовку М. Пирочанца: “Он всюду старается заговорить по-французски, как бы хвастая тем, что он может говорить на этом языке, что он светский и т.д.” [25].

тест оппозиции, принадлежавшей к Народной радикальной партии. Отрицая универсальный характер пути Европы и ее образцов, радикалы во главе с Н. Пашичем провозгласили в качестве главной своей задачи защиту сербской самобытности, каковую они отождествляли с только что завоеванной свободой. “Мы совсем не бережем того, – писал Пашич в конце 1880-х годов, – что серба делает сербом, но, следуя моде, стремимся к тому, чем так гордятся иностранцы...” [28. Бр. 14615–I–27]⁵.

Перипетии внутреннего противостояния в Сербии хорошо известны (подробнее см.: [30]). Особо важным при этом представляется то, что в своем стремлении “преодолеть пространство истории в самые сжатые сроки” [31. С. 270] реформаторы-напредняки оказались в изоляции: “Негативную позицию по отношению к модернизации государства на европейский манер, – указывал В. Дворникович, – занял сам его основатель и главный столп – шумадийский крестьянин...” [32. С. 862]. Радикалы же, с порога отвергавшие все проекты реформ напредняков, напротив, заручились поддержкой масс. Формируя свою охранительную доктрину на базе прочно укорененной в народном сознании патриархальности, они и выразили эту “негативную позицию” селяка – неприятие структурных изменений общества и государства, которые смогли бы нарушить самодостаточное равновесие его традиционного бытия в системе аграрного статичного мира. В свое время Й. Цвиич удивительно тонко заметил, что “сербский радикализм – это явление настолько же этнопсихологическое, насколько и политическое” [8. С. 64].

Итог был очевиден – попытка “пришпорить” развитие Сербии, причем без учета ее *адаптивных способностей*, предпринятая властями в 1880-е годы, привела к острейшему внутреннему кризису, завершившемуся отречением Милана Обреновича. “Инстинкты массы, – вторил В. Дворниковичу другой современник событий, – восставали против модернизации государства” [33. С. 70]. Сумев уловить их, артикулировать и трансформировать в форму мощного политического движения, традиционалисты-радикалы смели “горстку” ультралибералов.

Позднее экс-монарх признавал: “Я хотел, чтобы моя страна двинулась вперед как можно скорее, и в этом ошибся” (цит. по: [34. С. 212]). Ст. Новакович, министр просвещения и церковных дел в кабинете напредняков, также констатировал: “Движимые самыми благими намерениями, мы желали добиться всего быстрее, чем это соответствовало природе вещей. А потому и за результаты, которых мы достигли, было заплачено слишком дорого” [35. С. 2]. Что ж, как заметил еще А.И. Герцен, “любой результат усваивается только вместе со всем логическим процессом” [36. С. 376].

Именно поэтому печальная судьба сербских модернизаторов “первого призыва” не кажется нам неожиданной. Напротив, она объективна. Согласно емокому вердикту Л.Д. Троцкого, “для претворения формул либерализма в жизнь в Сербии не хватало малого: среднего сословия, городов и городской культуры” [37. С. 83]. И действительно, как фактически вторил ему А.В. Амфитеатов, сербский “крестьянин, убежденный селяк, поразительно равнодушен к городу. Он кончает свои сделки на окраине, запивает могоарычи в ее душных

⁵ Даже на парламентскую трибуну Н. Пашич выходил в полудеревенской суконной блузе и грубых тяжелых сапогах. При этом он носил длинную, до середины груди, бороду [29. С. 13].

кафанах и, со спокойным духом, возвращается восвояси, в глушь деревни, потерянной между гор и лесов” [38. С. 146]. Понятно, что *городскую культуру* селяк воспринимал в штыки. “Крестьяне бунят на сходках – не хотим городских” [28. Бр. 12877], – писал очевидец из сербской глубинки. А радикальный официоз “Самоуправа” (“Самоуправление”) так вообще призывал: “Село и крестьянин еще сохраняют сербскую народную мысль, и им необходимо уничтожить влияние города – этого гнезда иноземщины...” [39. Бр. 1144].

Особо нужно подчеркнуть, что консервации традиционного сознания в сербском аграрном обществе на протяжении рассматриваемого периода способствовали практически не менявшиеся архаичные формы и условия его существования.

Первое. В экономике страны господствовало натуральное хозяйство. В 1910–1912 гг., т.е. накануне Мировой войны, крестьянин тратил наличные деньги только на керосин, сахар и уплату налогов [13. С. 130]. Все остальное производилось его собственными силами. При этом отсутствовал так называемый *отложенный спрос* – способность работать не ради удовлетворения насущных потребностей, но и для будущего, что являлось важнейшей особенностью западного человека экономического. Сами потребности патриархального серба были предельно ограничены. По его собственным словам, “пока хватает того, чем закусить, зачем беспокоиться” (см.: [40. С. 151]). Действительно, зачем? “Как только семья обеспечена годовым запасом хлеба, – писал, объезжая княжество полковник Генштаба Г.И. Бобриков, – а налоги уплачены ... хозяин уже не думает о дальнейшем накоплении богатства, а вместе с сыновьями проводит время в кафане” [41. С. 55]. Это наблюдение русского гостя подтверждала трезвая самооценка. Известный сербский интеллектуал и политик Ч. Миятович писал о своих земляках в британской прессе: “Комфорт для них представляет гораздо большую ценность, чем прогресс... Весьма умеренные затраты труда позволяют им жить довольно сносно, проводя вечера в кафанах” (цит. по: [42. Р. 161]).

Как видим, смысл всей трудовой деятельности сербского крестьянина можно свести к единственному понятию – *довольствоваться*, т.е. поддерживать минимально приемлемый уровень существования [43. С. 86]. Это понятие органично вплетается в ткань фундаментального противоречия традиционного сознания и веберовского *духа капитализма* с присущим тому “трудом постоянным, неутомимым, квалифицированным” (цит. по: [44. С. 9]). Здесь, думается, и кроется причина того, что средний сербский крестьянин заседал площадь в три раза меньшую, чем его европейский коллега, и в четыре раза – чем американский (см.: [45. С. 69]).

Второе. Вопреки привычным схемам, в Сербии отсутствовала частная собственность на землю в классическом ее виде. Из той триады, что составляет понятие *собственность* (владение, пользование и распоряжение), практически выпадало последнее звено, так как, согласно принятому в 1873 г. скупщиной “Закону о народном благосостоянии”, вводился гарантированный и никем не отчуждаемый минимум, размер коего определялся количеством земли, которое один крестьянин был в состоянии вспахать за шесть дней работы. Данный принцип существовал и далее – в 1907 г. радикальное правительство Н. Пашича в очередной раз продлило действие закона об аграрном минимуме, который защищал крестьянина от угрозы пауперизации, ограничивая возможность земельных спекуляций и концентрации земли в немногих отдель-

ных руках⁶. Тем самым закон затруднял распространение в Сербии капитализма и, что не менее важно, становление соответствующего ему типа мышления (см.: [47. С. 113–121]).

Добавим, что сама по себе патриархальная модель общества (согласно формуле “сербский народ – сообщество равных”) не была для соратников Пашича самоцелью. В условиях незавершенности процесса всесербского освобождения и объединения она становилась средством и формой консолидации сербов королевства⁷, поскольку малая расщепленность интересов внутри социума позволяла сохранить единство народного духа – эту важнейшую внутреннюю предпосылку будущего освобождения. Социальное равенство, как видим, отождествлялось в глазах радикалов с национальным единением. И эта политика в нужное время увенчалась полным успехом. Объясняя подоплеку всеобщего подъема, захлестнувшего Сербию после объявления Первой Балканской войны, русский журналист писал из сербской столицы: “В ряду причин того удивительного объединения, которое приходится наблюдать здесь, следует, разумеется, отметить и сравнительную неразвитость социальных отношений, а следовательно, и социальных антагонизмов. Личность не успела еще выделиться из коллектива, а экономическое развитие не успело еще вырыть психологической пропасти между управляющими и управляемыми...” [48. С. 170].

Третье. Мелкое крестьянское хозяйство – основа экономики Сербии – отнюдь не шло к упадку, как то считалось ранее, но имело немалые резервы для развития. По словам посетившего страну бельгийского ученого, “известное благосостояние есть удел каждого и нельзя встретить той противоположности между чрезмерным избытком и крайней обездоленностью, какая так часто у нас” [49. Ч. 2. С. 27]. Равенство на уровне прожиточного минимума составляло специфическую черту сербского общества, причем этот уровень был доступен всем. И, судя по описаниям, он не был столь уж низок: “Сербы едят мясо по одному разу в день, когда они не обязаны поститься...” [49. Ч. 1. С. 193]. Даже в дневной рацион заключенных входило “полфунта мяса” [50. С. 71, 344].

По сравнению с русским крестьянином, с его полуголодным существованием и выходом зимой “в кусочки”, относительное довольство “сербского собрата” очевидно. “Счастье сербов, – писал П.А. Ровинский, – что их не коснулась еще язва пауперизации... Сравнительно с другими они имеют хорошую пищу и хорошо одеты” [51. С. 567]. А.А. Фет вспоминал, как в 1877 г., проезжая по своему уезду в обществе знакомого офицера, услышал от него: “Знаете ли, я только что из Сербии, для которой мы собираем вспомоществование; но я там нигде подобной нищеты не видел...” [52. С. 326]. О том же четверть века спустя сообщал российский посланник в Белграде Н.В. Чарыков: “В этой стране... нет бедных, нищих и безземельных” [53]. Еще позднее, и снова в сравнении, А.В. Амфитеатров констатировал: “Крестьянин сербский богат и патриархален...” [38. С. 176]. Таким образом, то, что в России для многих все еще оста-

⁶ Радикалы всегда высоко оценивали этот закон. По мнению А. Петровича, “им обеспечено само существование нашего, в основном земледельческого, народа. И, следовательно, в Сербии не может быть бездомных, которых есть немало во многих других странах...” [46. С. 43].

⁷ В феврале 1882 г. Сербия была провозглашена королевством.

валось недостижимым идеалом, в Сербии было достигнуто и стало прочной традицией.

Тем более, что сербский крестьянин, не в пример русскому, жил и трудился на “подрайской земле”. “Теплый туман клубится по горам и рекам, теплый дождь мочит рыхлую, жирную землю” [54. С. 108], – с неприкрытой завистью писал Глеб Успенский. И эта “плодородная земля, – вторил его соотечественник, – щедро оплачивает труд земледельца, который нигде не прилагает к ее обработке особого старания” [41. С. 55]. Так оно и было – урожайность пшеницы у сербов достигала сам-двенадцать [55. С. 98]; причем землю они почти не унавоживали [16. С. 116] и вообще “возились” на ней всего полтора–два месяца в году [56. С. 51]. И это все при спокойном, неспешном труде – без “особого старания” и дедовскими методами. “В Западной Европе для молотьбы давно употребляются машины, – писала Е.Н. Водовозова, – а в Сербии даже не везде известен молотильный цеп...” [57. С. 171]. Но куда спешить и зачем осваивать что-то новое, если и так хватает, “чем закусить”? Наверное, поэтому, в отличие от населенных сербами областей Австро-Венгрии, экономической эмиграции из собственно Сербии практически не было [58. С. 18]. Опять же, зачем?

Напротив, число землевладельцев возрастало. При этом, согласно статистике и вопреки набившим оскомину заклинаниям об “обнищании крестьян”, размеры их парцелл росли – свободной земли в Сербии было вдоволь. “Из полей, годных к обработке, не возделывается еще и половина” [59. С. 10], – отмечал русский автор. И “часто на пространстве нескольких верст не увидишь ни одного хорошего поля, а только новины (в первый раз возделанное поле) да пустыри” [57. С. 171], – солидарно с ним писала соотечественница. Как следствие, с 1889 по 1897 г. общее число сельских хозяев выросло с 244591 до 293420 человек; причем крестьян, имевших надел до 4,5 га стало меньше, а тех, кто владел площадью свыше такого размера, – больше. С 1895 по 1905 г. количество граждан, имевших один дом (без земли), уменьшилось с 4,58% до 1,18%; лиц же вообще без недвижимости – с 3,23% до 2,87% [60. С. 178–179].

Четвертое. Главной особенностью социальной организации сербов была историческая (еще со времен турок) замкнутость на архаические институты: задругу и общину, в рамках которых сформировалась особая общинная ментальность. Этнолог В. Карич так передал ее суть: “Отдельный член задруги должен подчинить свою личную волю коллективной воле всех членов, которая воплощается в решения старейшины”. Власть его, однако, не была абсолютной – обычай защищал права рядовых членов от возможного самодурства “первого среди равных”: “Старейшина всегда может быть заменен другим, если члены задруги сочтут, что такая смена полезна...” [61. С. 156–157]. Как видим, люди могли меняться, но сам принцип главенства и подчинения (при условии выборности) оставался неизменным. Привычная схема прижилась и на уровне общин – базовых единиц, где в почти нетронутым виде протекала жизнь сербов под турками. Их руководители (кметы) – те же старейшины, выбиравшиеся на общинных сходках и державшие перед ними ответ.

А потому вполне естественным представляется тот факт, что, когда перед повстанцами Белградского пашалыка встала задача возрождения сербской государственности, они обратились именно к традициям семьи (задруги), трактуя государство как многократно увеличенную ее копию. Вук Караджич, описывая избрание Карагеоргия предводителем Первого сербского восстания, очень точно уловил наличие этой генетической связи в крестьянском созна-

нии: “Кто ж будет старейшина? – вопрошали выборщики. – Ни один дом не может существовать без старейшины. Вот и нам нужно знать, кого спрашивать и кого слушаться” [62. С. 26].

Эпоха самостоятельного развития никак не изменила восприятие сербами своей государственности. Их взгляд оставался глубоко патриархальным – свое государство сербский селяк по-прежнему понимал как одну большую задругу. То же фиксировал и зоркий русский глаз. “Семья, – читаем в очередных записках, – служит прототипом государству” [63. С. 189]. Общинная ментальность, как видим, выражавшая *примат корпорации над личностью и растворение индивидуального интереса в общем*, экстраполировалась на весь социум и воспроизводилась на всех уровнях. В семье, общине, государстве.

На базе этого, универсального для всякого традиционного общества, принципа социокультурной регуляции, когда “согласование личных и общественных интересов подменяется их отождествлением” [64. С. 79], формировалась и архаичная модель *демократии консенсуса* [65. С. 573], не терпящей диссидентства и часто превращающейся в открытый террор большинства. Опять же на всех уровнях: от общинного схода до Народной скупщины.

В эту модель демократии органично вписывалась авторитарная власть *своего* лидера, которого крестьянин знал, сам выбирал, а потому ему и подчинялся. Связь верхов и низов в Сербии всегда имела личную санкцию, как в большой семье. Размышляя в свое время о типах господства, М. Вебер выделил важнейший критерий “харизматического” типа властелина: он опирается именно на “личные отношения между господином и подчиненным”, противостоя “формально-рациональному типу господства, как безличному” [66. С. 28]. Данная констатация теоретически объясняет тот факт, почему в Сербии XIX в. было так много харизматических народных вождей. Ну, а пример Н. Пашича с его уникальными для Балкан политическим долголетием и “непотопляемостью” подтверждает наличие у него и харизмы, и лежавшей в ее основе *личной* связи с массой особенно наглядно.

Л.Д. Троцкий, имевший возможность беседовать с сербским премьером во время Первой Балканской войны, писал: “В Белграде все политические разговоры вертятся вокруг личности Пашича. Про короля Петра вспоминают только в исключительных случаях. А Пашич всегда у всех на уме и на языке. Он думает за всех, он знает, что нужно. За ним Сербия не пропадет, за Николой Пашичем...” [37. С. 89]. То же констатировал и Г.Н. Трубецкой: “Фактически он был распорядителем судеб Сербии и решал все крупные и мелкие дела. Он правил страной наподобие сельского старосты в большом, но малоустроенном селе... Зная всех и каждого, он ловко умел устранить политическое соперничество” [67. С. 88, 90]. И еще одно впечатление русского: “К нему идут, как к отцу, и двери его кабинета открыты для всех. Он не только глава правительства, но он друг, с которым советуются обо всем, к голосу которого прислушиваются” [68].

Власть своего старосты (или “отца”) вполне устраивала сербского селяка, который даже в самые тяжелые для него минуты фаталистически замечал: “Байя знает, что делает”, а значит все образуется.

Пятое. Сербское аграрное общество в своем бытии всецело опиралось на традицию, воспринимая в качестве источника всякой деятельности *прошлое*. Что подтверждают и русские путешественники. К примеру, П.А. Ровинский, встретившись в 1868 г. с братом видного сербского публициста Живоина Жуй-

овича, Марко, и заметив у того за поясом револьвер, задал вопрос: “Зачем ты, Машо, взял с собою револьвер, когда пути всего два часа и время дневное?” На это был получен характерный ответ: “Так мне отец мой завещал, а ему его отец: ни шагу из дома не делать без оружия. Прежде, бывало, выедут на пашню – пистолет вечно за поясом, а у воза винтовка. Так нас турки приучили...” [69. С. 533]. Заметим, что такой поведенческий стереотип сербов (быть в любой момент готовыми к вооруженному отпору) оказался крайне живучим: в 1883 г., когда модернизирующаяся сербская власть пыталась изъять оружие у жителей Восточной Сербии, те ответили Тимокским восстанием.

Стойкость традиции и в эти, уже довольно отдаленные от Ровинского, времена сербской независимости подтверждают другие источники. Наиболее показательный из них, на наш взгляд, – отрывок из мемуаров М. Стоядиновича о речах знаменитого радикального оратора, ужицкого проты М. Джурича. «Главным его аргументом, – заметил премьер межвоенной Югославии, – была апелляция к прадедовским костям. Обычно он возглашал: “Прадедовские кости требуют от нас...” Или же: “Кости наших прадедов смотрят на нас из могил...”. Такой патриотический настрой его речей всегда имел большой успех» [70. С. 11]⁸.

Очевидный парафраз этого мотива о “прадедовских костях” и зафиксированного Ровинским отсыла его собеседника к “завещанию” отца и деда лишний раз доказывает справедливость тезиса, согласно которому одной из базовых традиционалистских установок была идея *преемственности*, т.е. “солидарности поколения живущего с поколениями умершими” или “участия минувших поколений в современности...” [72. С. 230; 73. С. 610].

Особенно наглядно такое *участие* проступало в историческом сознании сербов. На нем базировалось и воспитание детей, когда, по словам того же Ровинского, отцы заставляли их “выучивать в виде катехизиса историю падения сербского царства на Косовом поле, причем делают такие выводы, что Милошу Обиличу на вечные времена слава, Вуку Бранковичу – проклятие, а турку и швабу нужно посечь головы” [69. С. 556–557]⁹. Сами сербы объясняли Павлу Аполлоновичу необходимость подобного воспитания так: “Видите, в каком мы положении: мы должны из наших детей готовить вместо гуманных граждан – диких солдат, потому что нам еще грозит война с турками и борьба с варварами, с которыми нужно меряться тем же оружием, каким пользуются и они против нас...” [22. С. 186–187]. В итоге, резюмировал Ровинский, “во имя постоянно грозящей войны Сербия жертвует своими истинно человеческими интересами” [22. С. 187].

И действительно, коллективный портрет серба на рубеже веков можно было бы подписать: *Homo Militans* – “человек вечной войны”, как его называл

⁸ В 1889 г., выступая в Народной скупщине, М. Джурич предложил, чтобы на всех торжественных заседаниях депутаты появлялись в национальном платье эпохи Неманьчичей - “в том, какое носили тогда на наших старых саборах...” [71. С. 22].

⁹ Заметим, что с течением времени в данной системе воспитания мало что менялось. Спустя почти полвека после путешествия Ровинского другой русский автор констатировал: “Когда старый дед учит внука владеть саблей или кинжалом, тогда жилище серба наполняется избытком высокого наслаждения и удовольствия... Преемственно, от поколения к поколению, передаются имена освободителей народа от турецкого ига и в честь их слагаются песни” [74. С. 12].

П.А. Ровинский [22. С. 187] и что вообще было характерно для пограничных регионов, каковым издавна являлись Балканы.

Когда наступила пора решающих столкновений – во имя *отмщения Косова* – сербы (все, как один) пошли в бой, да так, что даже выдавшие виды русские дивились: “В Нише. Здесь узловой пункт. Нет шума, нет пьяных, нет плачущих женщин. Вообще ничего похожего на наши родные картины при отправке на войну запасных”. И в глазах провожающей сына матери – “ни единой слезинки”. В них только одно: “Напред, сине, с Богом!” [75. С. 23, 28].

Вместо заключения приведем ряд цитат. Первую: из работы Д. Батаковича – современного сербского исследователя и ответственного редактора “Новой истории сербского народа”, о которой мы уже говорили: “Всего за одно столетие бывший турецкий пашалык превратился в современное (modern) европейское государство со стабильной экономикой, оформленным гражданским сословием и демократическими порядками, опиравшимися на лучшие традиции европейских конституционных монархий...” [76. С. 19]. Все остальные цитаты – выводы очевидцев, посетивших это “европейское государство” на рубеже XIX–XX вв. и видевших все своими глазами, тогда же и на месте. Причем на сей раз мы намеренно не ограничиваемся только русскими авторами, ибо в данном ракурсе хорош именно интернациональный ансамбль, который звучит удивительно слаженно.

Суммируя в 1893 г. впечатления о степени *европеизации* Сербии, француз А. Мале заключил: “Внешний лак цивилизации – это то, что свидетельствует в пользу сербов и вводит в заблуждение проезжего иностранца. Лак цивилизации, потрескавшийся в тысяче мест, – это то, что открывается человеку, имеющему возможность рассмотреть все не спеша, и делает из него врага первоначального ложного образа...” [34. С. 204]. Российский очевидец, правда, менее образно, но столь же емко, окрестил то, что увидел, “игрой во внешнюю значительность” [77]. В 1902 г. уже британская путешественница четко и ясно выразила эту базовую дихотомию: *традиция – модернизация*. С одной стороны, “Сербия стремится стать Западом, стремится стать современной, поворачиваясь к миру, от которого так долго была отсечена”. Но, с другой стороны, “в своем сердце она хранит старые обычаи, корни которых теряются в глубоком прошлом”. И как результат этой амбивалентности следует итоговый вывод: “Несмотря на свой западноевропейский облик, Сербия еще совсем не научилась спешить” [40. С. 114]. Англичанке вторит русская гостья: “Сербы слишком любят покой” [78. С. 189]; к тому же “нет у них стремления к серьезной работе, и никакой устойчивости. Они кричат, кричат, но ничего не делают...” [79].

Итак, совершенно очевидно, что реальная жизнь Сербии в последней трети XIX – начале XX в. далеко не соответствовала тем формам, в которые ее пытаются облечь многие сербские историки в желании представить свою родину вполне сложившимся “европейским государством”. Именно это мы и старались показать, реконструируя (с помощью наблюдений наших соотечественников) социальные условия “модернизации по-сербски”.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Стојичић С. Уставни развитак Србије. 1869–1888. Лесковац, 1980.
2. Протић М. Српске политичке странке после уједињења (1918–1919) // Србија на крају Првог светског рата. Београд, 1990.

3. Нова историја српског народа. Београд; Лозана, 2000.
4. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998.
5. *Марков Г.* Балканы и “балканизация”. Историческая судьба балканских народов в XX в. // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002.
6. *Казер К.* Породица и сродство на Балкану. Анализа једне културе, која нестаје. Београд, 2002.
7. *Павич М.* Веджвудский сервис // *Павич М.* Железный занавес. Рассказы. СПб., 2002.
8. *Цвијић Ј.* Јединство и психички типови динарских јужних словена. Београд, 1999.
9. *Шемякин А.Л.* Сербское общество на рубеже XIX–XX вв.: традиционализм и модернизация. Взгляд изнутри // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002.
10. *Ровинский П.А.* Два месяца в Сербии (Из путевых воспоминаний) // Вестник Европы. 1868. Кн.11.
11. *Перовић Л.* Предговор // *Ровински Павел Аполонович.* Записи о Србији. 1868–1869. (Из путникових бележака). Нови Сад, 1994.
12. *Герцен А.И.* К старому товарищу // *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30-ти томах. М., 1960. Т. 20 (2).
13. *Ђорђевић Д.* Српско друштво 1903–1914 // Марксистичка мисао. 1985. Бр. 4.
14. *Вейнберг Е.* Сербия и сербы // Образование. 1903. № 8.
15. *Екмечић М.* Стварање Југославије. 1790–1918. Београд, 1989. Књ. 2.
16. *Овсяный Н.Р.* Сербия и сербы. СПб., 1898.
17. *Евреинов Б.П.* Статистические очерки Сербского королевства. СПб., 1903.
18. *Чериковер С. I.* Сербия. II. Босния и Герцеговина. М., 1910.
19. *Мартынов Е.И.* Сербия в борьбе с царем Фердинандом. Заметки очевидца. М., 1913.
20. *Каниц Ф.* Србија. Земља и становноштво. Београд, 1985. Књ. I.
21. *Пименова Э.* Сербия. Пг., 1916.
22. *Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. II // Вестник Европы. 1870. Кн. 5.
23. *Чудновский С.Л.* Из давних лет. Воспоминания. М., 1934.
24. *Перовић Л.* Милан Пироћанац – западняк у Србији 19. века // Србија у модернизацијским процесима 19. и 20. века. Београд, 2003. Књ. 3: Улога елита.
25. Отдел рукописей института русской литературы РАН. Ф. 572. Д. 1. Л. 13.
26. *Мијатовић Б.* Основни погледи напредњака и радикала током 80-тих година XIX века // Српска политичка мисао. 1996. Бр.1/4.
27. *Кулаковский П.А.* Сербия в последние годы // Русский вестник. 1883. № 4.
28. Архив Српске Академије Наука и Уметности. Пашићеве хартије.
29. *Казимировић В.* Никола Пашић и његово доба. 1845–1926. Београд, 1990. Књ. I.
30. *Шемякин А.Л.* Радикальное движение в Сербии. Зарождение, становление, первые шаги. 1875–1883. М., 1993; *Данченко С.И.* Развитие сербской государственности и Россия. 1878–1903. М., 1996.
31. *Лотман Ю.М.* Культура и взрыв. М., 1992.
32. *Дворниковић В.* Карактерологија Југословена. Београд, 1939.
33. *Николајевић Д.* Краљ Милан и Тимочка буна. Београд, 1927.
34. *Мале А.* Дневник са српског двора. 1892–1894 / Превела и приредила Љ. Мирковић. Београд, 1999.
35. *Новаковић С.* Српско-бугарски рат и оновремене кризе. 1885–1886. Мемоарски листићи. Београд, 1907.
36. *Герцен А.И.* О социализме. М., 1974.
37. *Троцкий Л.Д.* Сочинения. М.; Л., 1926. Т. 6. Балканы и Балканская война.
38. *Амфитеатров А.В.* Славянское горе. М., [1912].
39. Политички елементи у Србији пре 60. година // Самоуправа. 1941. 20. I.
40. *Дарам М.* Кроз српске земље / Превео и приредио В. Милановић. Београд, 1997.
41. *Бобриков Г.И.* В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877–1878 гг. СПб., 1891.
42. *Markovich S.* British perceptions of Serbia and the Balkans 1903–1906. Paris, 2000.
43. *Козлова Н.Н.* Социально-историческая антропология. М., 1999.
44. *Гришина Р.П.* Предисловие // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. М., 2002.
45. *Вулетић А.* Породица у Србији средином 19. века. Београд, 2002.

46. *Петровић А.* Успомене / Приредила Л. Перовић. Горњи Милановац, 1988.
47. *Ђорђевић Ж.* Земљишни минимум и земљишни максимум као ограничења развоја Србије у ново доба // Србија у модернизационим процесима XX века. Зборник радова. Београд, 1994.
48. *Вольский Ст.* За границей. Письма с Балкан // Заветы. 1912. № 8.
49. *Лавелз Э. де.* Балканский полуостров. М., 1889. Ч. 1, 2.
50. *Раиш Г.* Србија и Срби. Нови Сад, 2001.
51. *Ровинский П.А.* Белград, его устройство и общественная жизнь. Из записок путешественника. I // Вестник Европы. 1870. Кн.4.
52. *Фет А.А.* Мои воспоминания. М., 1890. Ч. 2.
53. Архив внешней политики Российской империи. Ф. Политархив. Д. 492. Ч. 2 (1901). Л. 64.
54. *Успенский Г.И.* Из Белграда. (Второе письмо невоенного человека) // Отечественные записки. 1877. № 1.
55. *Витте Е.И.* Путевые впечатления. Далмация, Герцеговина, Босна и Сербия. Лето 1902 г. Киев, 1903.
56. *Евреинов Б.В.* Статистические очерки Сербского королевства. СПб., 1903.
57. *Водовозова Е.Н.* Как люди на белом свете живут. Болгары, сербы, черногорцы. СПб., 1898.
58. *Слијепчевић П.* Срби у Америци. Женева, 1917.
59. *Пуцыкович Ф.Ф.* Сербь. СПб., 1902.
60. *Вучо Н.* Привредна историја Србије до Првог светског рата. Београд, 1955.
61. *Карић В.* Србија. Опис земље, народа и државе. Београд, 1887.
62. *Караџић В.* Први српски устанак. Београд, 1979.
63. Народ и княжеская власть в Сербии. Из записок Ф. Бацетича. М., 1882.
64. *Пантин Н.К.* Драма противостояния. Демократия и либерализм в старой и новой России // Полис. 1994. № 3.
65. *Дого М.* Србија и Срби у модерним временима: европски модели и комуницирање са спољним светом // Европа и Срби. Зборник радова. Београд – Нови Сад, 1996.
66. *Гайденко П.П.* Социология Макса Вебера // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
67. *Трубецкой Г.Н.* Русская дипломатия 1914–1917 гг. и война на Балканах. Монреаль, 1983.
68. *Diplomaticus.* Никола Пашич // Новое время. 1916. 17/30. IV.
69. *Ровинский П.А.* Сербская Морава (Воспоминания из путешествия по Сербии в 1867 г.) // Вестник Европы. 1876. Кн.4.
70. *Стојадиновић М.* Ни рат ни пакт. Ријека, 1970.
71. *Терзић С.* Патријархалне црте Тајсићевог радикализма (Ранко Тајсић као посланик 1889–1892.) // Ранко Тајсић у политичком животу Србије. Зборник радова. Чачак, 1994.
72. *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990.
73. *Манхейм К.* Консервативная мысль // Манхейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994.
74. *Кожухов А.Н.* Сербия и сербы. Каменец-Подольск, 1915.
75. *Чириков Е.Н.* Поездка на Балканы. Заметки военного корреспондента. М., 1913.
76. *Батаковић Д.* Предговор // Драшкић П. Моји мемоари / Приредио Д. Батаковић. Београд, 1990.
77. *Степович А.И.* Отрывки из путевых заметок по славянским странам. Белград // Киевское слово. 1890. 17. I. № 866.
78. *Лихачева Ел.* Из Сербии // Отечественные записки. 1876. № 10.
79. Рукописное отделение Российской национальной библиотеки. Ф. 818. Д. 275. К. Радченко – Т.Д. Флоринскому. Солунь, 9/21 июня 1899 г.

© 2004 г. Р.П. ГРИШИНА

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПО-БАЛКАНСКИ: ДИКТУЕТ МАТРИЦА (конец XIX – середина XX века)

Обращение к теории модернизации, получившей в 50–60-е годы XX в. признание в кругах обществоведов многих стран, важно и для современных ученых-балканистов. Она делает, на наш взгляд, возможным приблизиться к ответу на вопрос о причинах, обусловивших невысокое место балканских государств в европейской экономической и политической системе в конце XIX–XX столетиях и не позволивших им, несмотря на все усилия, существенно повысить сложившийся статус, преодолеть традиционное отставание.

Как всякая теория, концепт модернизации является некоей умозрительной условностью и не может служить прописью для конкретных действий. Но возникшая на основе *практического опыта* ряда “продвинутых” европейских государств, создавших своего рода идеал *европейской цивилизации*, она позволяет выявить некоторые тактические приемы для достижения *цивилизационного успеха*, определить его составляющие. И в то же время осознать всю проблематичность самих модернизационных процессов, их соотношение с “прогрессом человечества”, человеческое измерение цены, которую приходится платить за них.

Вопросы модернизации активно изучаются в настоящее время в историографии балканских стран, где уже создана довольно значительная литература по этой тематике. Одной из ее отличительных черт стало отражение актуальной политической тенденции, возникшей после развала социалистической системы, – “Войти в Европу!”, для чего акцентируются исторические сюжеты традиционной “кровной” связи с западными странами (как прежде с Россией), приверженности политике либерализма и демократии и т.п.

В российской историографии эта тематика применительно к балканскому региону только начинает разрабатываться. Вопросы модернизации на балканском пространстве частично были затронуты в сборнике “Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX века” (СПб., 2002). В Предисловии к нему я касалась *предусловий* модернизационных процессов, необходимых для успешного развития страны, а также их качеств – материальных и психологических. На конференции, прошедшей в мае 2003 г. в Институте славяноведения РАН и посвященной специфике модернизации у

Гришина Ритта Петровна - д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

славянских народов в конце XIX и первой половине XX в., в поле зрения участников находились проблемы уже самой модернизации в странах балканского региона, исходя из опыта Албании, Болгарии, Сербии и Греции. Этот опыт имеет так много сходных черт, что позволительно говорить об их общем – региональном, балканском – происхождении. И не случайно. Следует повторить уже известное: изучение на интердисциплинарном уровне «"Балканского" в балканском», проводившееся учеными нашего Института во главе с акад. В.Н. Топоровым, привело их к выделению понятия “матрицы традиционализма”, довлевшей на балканском пространстве на протяжении веков почти до рубежа XIX–XX вв. Эта матрица, в соответствии с которой “штамповалась человеческая жизнь” – социальная и психическая, определяла образ жизни *Notio balkanicus* традиционного общества. Из поколения в поколение общество развивалось почти по кругу, причем чем глубже в древность, тем выше была степень детерминированности [1. С. 10]. Но оказывается, что и в интересующий нас период (конец XIX – середина XX в.), с началом буржуазной модернизации на Балканах, многие свойства матрицы традиционализма, несмотря на определенное с течением времени их размывание и ослабление давления детерминированности, оказались такой силы, что стали диктовать образ и характер модернизационных процессов.

Выделю некоторые свойства матрицы, важные для дальнейшего изложения. Во-первых, это тип культуры, связанный с землей, ее использованием, и – что очень существенно – с сохранением баланса: человек – природа, а также отсутствием у человека потребности производить не только ради дня насущного, но и для будущего (земледельческий тип культуры).

Во-вторых, социальная организация общества, ориентированного на коллективизм и патернализм, отсутствие выделенной персональности (индивидуальности). В-третьих, такие свойства ментальности, как природный (бытовой) демократизм, идеализм, романтизм. В-четвертых, отсутствие массового образования. Наконец, полиэтничность, сохраняющаяся практически до наших дней [1. С. 10; 2. С. 36–37]. Все эти черты были неразделимо связаны между собой. И в новую эпоху, когда “капитализм превратил историю во всемирную” [2. С. 53], их конгломерат стал своего рода камнем преткновения на пути успешного развития процессов модернизации с ее индустриализацией, культом индивидуализма, строительства нации и национального государства, с ее идеологией национализма.

Свойства родной матрицы нашли свое отражение в том, что в балканских странах по мере их освобождения из-под власти Османов в XIX в. новые государственно-политические системы, как правило, стали выстраиваться в идеалистической манере – по самым передовым в то время в Западной Европе моделям. Заимствование слепо переносилось на совершенно не подготовленную почву. Преобладавший в балканском политическом мире природный идеализм позволял местной руководящей элите надеяться, что именно современные европейские политические институты и доктрины способны как создать нужный климат в стране для социальных и экономических изменений, так и непосредственно вызвать их. Амбицией же было получить доступ в семью европейских государств [3. С. 13].

Вряд ли продуктивно совершенно отрицать значение принятия демократических конституций и норм государственной жизни для политического воспитания какого-либо балканского народа, вступившего в середине или в конце

XIX в. на новый путь. Даже притом, что их схожесть с политическими институтами Запада не могла не быть во многих отношениях лишь внешней: это относится и к органам власти (законодательной и исполнительной), и к партиям. Сравнительно с западными образцами все они при своем функционировании оставались в определенной степени неполноценными не только в годы своего становления, но и на протяжении не одного последующего десятилетия. Дело заключалось во внутреннем несоответствии их общецивилизационному уровню страны, степени развития в ней гражданского общества. 20 лет спустя после принятия Тырновской конституции 1879 г. болгарский экономист Кр. Крыстев писал: “У нас действительно институты самых передовых государств XIX века, но наши собственные идеи государства относятся к XV и XVI векам” (цит. по: [4. С. 34]).

Вместе с тем некоторые поспешно перенятые демократические политические нормы (иногда даже более широкие, чем в самих странах Запада) таили в себе непосредственную опасность для стратегии модернизации, о которой современные балканские авторы нередко пишут, как о сознательно избранной политиками XIX в. Опасность крылась, на мой взгляд, в первую очередь в предоставлении всеобщего избирательного права для мужчин, достигших совершеннолетия. Советская историография традиционно оценивала подобное избирательное право в высшей степени положительно. Впрочем и до сих пор некоторые болгарские авторы испытывают гордость оттого, что введением в 1879 г. всеобщего избирательного права при равном, прямом и тайном голосовании Болгария обогнала Великобританию, Голландию, Люксембург, Данию и Швецию, где дескать всеобщее избирательное право для всех совершеннолетних мужчин было введено только накануне или после Первой мировой войны [5. С. 177].

В западных же странах, как известно, подход к этой норме политической жизни определялся очень серьезным и осмысленным отношением к ней, ведь выборы являются одной из главных процедур для организации власти. Именно поэтому в западных странах вводилось множество цензов – возрастные, образовательные, имущественные, связанные с местожительством и т.п. Медленное и постепенное движение к перспективе всеобщего избирательного права, растянулось на Западе на столетия, пока не сформировалось гражданское общество, более или менее сбалансированное. И это не было случайным. Ибо что на практике означало наделение таким правом поистине бескрайнего, как в нашем балканском случае, массива крестьянства – необразованного, социально недифференцированного, незаинтересованного в буржуазной модернизации, боящегося ее и защищающегося от нее? Ведь именно крестьяне – мелкие свободные собственники составили, согласно балканским конституциям, основную часть электората. И их представители в созданных демократическим путем парламентах не спешили принимать непопулярные решения, например, об изъятии доходов от сельскохозяйственных излишков и вкладывании их в промышленность, что отвечало бы стратегическим задачам модернизации. Вследствие чего, как утверждают авторы одного современного исследования балканской политической модели, успешный ход модернизации оказался невозможным для Болгарии, Греции и Сербии [6. С. 147–148]. Впрочем, это была не единственная причина.

Кстати, в Болгарии в 1879 г. имела место дискуссия в Учредительном собрании, которое было создано для конституирования нового государства –

Княжества Болгария. В ходе ее позиции так называемых консерваторов и либералов существенно разошлись. Консерваторы – представители крупной торговли и предприятий, обучавшиеся главным образом в западных университетах – призывали к постепенности реформ, выступали за двухпалатный парламент, за введение избирательного имущественного и образовательного цензов, за меньшее количество депутатских мест, словом, за действия согласно пословице: лучше меньше, да лучше. Они исходили из понимания, что человек, не умеющий написать своего имени и прочитать Конституцию, не должен вмешиваться в управление государством. Либералы же, представлявшие мелких сельских и городских собственников, были против всякого ограничения свободы народа [3. С. 17]¹. В конечном счете, в атмосфере эйфории, восторга, идеализма, воцарившейся в стране после освобождения от власти Османов, победили эгалитарные настроения большинства депутатов.

Характерно в этом отношении непосредственное впечатление от событий того времени английского журналиста Дж. Фарли, писавшего о быстрой кристаллизации политического антагонизма между “умеренными” и “экстремистами” в Болгарии, сопровождавшегося огромным ростом авторитета либералов-радикалов. Объяснение он находил в “политической неподготовленности и незрелости народа”, иллюстрируя свое наблюдение картиной заседаний болгарского парламента первого созыва, на скамьях которого сидели крестьяне, с открытыми ртами слушавшие взрывные речи “левицы” (см.: [7. С. 303–304]). Не менее красноречив в своих путевых записках известный историк-славист К. Иречек: “Трудно представить более жалкую карикатуру на современный европейский парламентаризм, – писал он... В [Народном] Собрании в Софии было гораздо меньше интеллигентов. И среди множества полуинтеллигентной публики насчитывалось всего человек 12, которые могли бы высказать мнение по какому-либо законопроекту, требующему знания и здравомыслия. Остальные были крестьянами, говорившими на заседаниях бессмыслицу (как воевода Цеко) или просто спавшими” (цит. по: [8. С. 113]).

Сравнительный анализ развития форм государства в балканских странах показывает, что первоначальный период демократической эйфории был очень недолог, занимал примерно семь–десять лет, а затем неизбежно наступал кризис парламентской демократии, который завершался установлением правления с теми или иными чертами авторитаризма. Так, для Сербии конца XIX в. характерно складывание под завесой парламентских процедур новой “абсолютной власти” [9]. Более замысловато описывает ситуацию примерно того же времени в Болгарии Н. Музелис. Тогда, по его мнению, в стране установился режим “олигархического парламентского управления”, в котором доминировала узкая группа людей, сохранивших либеральную, плюралистическую систему представительства, однако при исключении множества представителей низших классов с политической арены (см.: [3. С. 27]). Подобное, или близкое к нему, сочетание элементов абсолютизма и парламентской демократии оказалось характерным и для Греции: их противоречивый симбиоз, пишет отечественный специалист Ар.А. Улунян, «отражал особенности развития института монархии в Греции, где существование представительного

¹ Д. Мишкова подчеркивает, что либералы в своем большинстве учились в России, где политическая мысль акцентировалась на радикализме [3. С. 17].

органа в лице парламента было камуфляжем для греческого короля Отона I, умело использовавшего “дарованную” Конституцию (1843 г. – Р.Г.) в целях легализации и укрепления собственной власти» [10. С. 57]. В последующем – в частности, в разные периоды XX в. – авторитаризм, то усиливаясь, то несколько отступая, стал одной из наиболее характерных черт управления в странах Балканского полуострова.

Обратимся теперь к вопросу о роли и месте государства в организации процесса модернизации. Они особенно важны в тех случаях, когда предстоящие реформы были недостаточно обоснованы (обусловлены) достигнутым к их началу уровнем социального, экономического, культурного и политического развития страны, и опирались преимущественно на заимствование иностранного опыта.

Из-за отсутствия или ущербного характера предусловий модернизации именно государство становится главенствующим в деле реформирования большинства сфер общественной жизни. В самой стратегии ускоренного становления буржуазных отношений, считает российский военный социолог А.И. Панов, уже заложены предпосылки повышения роли централизованного государства, что обуславливается слабостью инфраструктуры гражданского общества. Происходит усиление тех органов государственного аппарата, которые являются инструментом исполнительной власти [11. С. 43]. При проведении же самих реформ роль государства, как правило, возрастает.

Речь идет не только об этатизме как вмешательстве государства в хозяйственные процессы, о чем подробнее будет сказано ниже. Здесь же следует иметь в виду другой важный аспект, а именно строительство самого молодого государства, его структур, аппарата, становление политической системы, формирование политического класса, офицерского корпуса и т. п., то есть всего политического сегмента системы. Естественно, последний не может существовать и функционировать без обслуживания его со стороны чиновничества, интеллигенции. Так появляется армия бюджетников, в том числе штатных, высокооплачиваемых. И для всего этого нужны финансы, притом немалые. Сосредоточена эта армия главным образом в городах, но содержится преимущественно за счет сельского населения, вернее, за счет перераспределения доходов с помощью фискального механизма от села к городу. Именно такова траектория движения финансов в модернизирующихся обществах, тем более, что государству необходимо накапливать еще и некие средства для поддержания промышленности, для проведения протекционистских и поощрительных экономических мер, защитной таможенной политики и других этатистских акций. Оба главных объекта внимания этой политики – и государственно-политические структуры, и индустриальные заведения – концентрируются в городе, который тем самым приобретает в глазах крестьян образ голодного спрута. В итоге, существовавшее и прежде известное противостояние города и села получает дополнительную подпитку, что вряд ли может быть оценено как плюс для процесса модернизации.

Вместе с тем в литературе отмечаются любопытные подробности фискальной политики молодых балканских государств. Например, указывается, что формировавшаяся политическая элита считала необходимым уберечь крестьянство от слишком тяжелого налогового пресса, чтобы сохранить его, во-первых, как электорат, способный голосовать позитивно, а во-вторых, как важнейший сегмент национальной интеграции, для обеспечения единства об-

щества. В результате, как констатируют некоторые иностранные авторы, с течением времени происходило постепенное перекладывание налогового бремени с сельского населения на городское. Так было в Греции в 1871–1911 гг., так было в Сербии, благодаря усилиям прежде всего Радикальной партии Н. Пашича [6. С. 148]. В Болгарии, позже подошедшей к решению такой задачи, упор был сделан на сохранении мелкой земельной собственности путем установления потолка владения в десять *га* [6. С. 149], что должно было не позволить успешным крестьянам-собственникам обогащаться за счет поглощения участков бедных собратьев.

Это наблюдение весьма интересно, хотя на основании его вряд ли можно выстраивать однолинейное представление об особенностях налоговой политики балканских государств. Отметим лишь, что под указанным углом зрения такой вопрос в отечественной науке раньше не рассматривался.

Тем не менее, действительно, политика, направленная в той или иной мере в интересах селян, занимала видное место в программах всех, даже самых “буржуазных” и политически реакционных балканских правительств и отдельных партий, в чем, очевидно, можно видеть не только конъюнктурные политические соображения, но и проявление все той же традиционной “крестьянской” ментальности, - общей для всего населения этого региона, включая его “верхние” слои.

Противоречия, заключающиеся в самой сути ускоренной модернизации, на путь которой надеялись встать балканские страны, едва получив государственную независимость и сохраняя традиционный уклад, в действительности оказывались очень острыми. На смену крестьянскому по преимуществу обществу должно было прийти новое – индустриальное, и цены в человеческом измерении эта перемена требует огромной. Примером может служить опыт коллективизации в СССР, стремившегося в сжатые сроки получить нужный результат и использовавшего для этого революционные меры, со всей их жестокостью и беззаконием. Практически здесь выстроилась жесткая модернизационная оппозиция: *крестьянин*, страдающий во имя не принадлежащего ему будущего, был противопоставлен, *принесен* в жертву строящемуся перспективному обществу.

Ничего подобного не наблюдалось на Балканах. Реформаторский путь здесь находился в зависимости от сравнительно спокойного темпа и ритма преобразований, от разной в разные периоды степени давления на группы населения и других тактических проблем. К тому же мобилизационные возможности общества правящие элиты старались использовать не столько для внутреннего развития, сколько для решения внешнеполитических задач. В итоге и двух, и трех Моисеевых сроков оказалось на Балканах мало, чтобы получить убедительные результаты модернизации. Они свелись к фактической консервации мелкой земельной собственности, что вплоть до окончания Второй мировой войны не позволяло чисто экономическими средствами производить накопление капитала от сельскохозяйственных излишков. Не удалось провести и более или менее радикальной аграрной реформы, то есть уйти от матричного типа культуры хозяйствования. Конечно, за прошедшее время определенные изменения в экономике балканских стран имели место, можно даже говорить о своего рода “волнах модернизации” в начале XX в., а также в период стабилизации капитализма середины 1920-х годов и, возможно, некоторых других. Характерно, что эти “волны” фактически совпадали с моментами

подъема в мировой капиталистической системе в целом. Но и эти “приливные волны” не изменяли кардинально общей картины в регионе.

Некоторое продвижение вперед было обязано в большой степени государственной политике покровительства и поощрения местной промышленности и торговли. Законы о поощрении местного производства были приняты в Сербии в 1873 г., Румынии в 1887 г., в Болгарии в 1894 г. и в дальнейшем неоднократно подновлялись. Принимались также законы о таможенных пошлинах. Лишь в Греции и Черногории, замечают специалисты, не происходило до Балканских войн активного вмешательства государства в эту сферу экономики [12. С. 53]. Рассуждая о степени продуктивности такой политики в Болгарии и заявляя о необходимости (и даже *неизбежности*) прибегнуть к ней в конце XIX – начале XX вв., болгарский автор Р. Прешленова пишет, что многократный рост производства современники называли болгарским чудом. Болгарию, как и другие балканские страны, она относит к числу “динамично развивавшихся” [12. С. 53–54]. Однако уже цитировавшийся Р. Аврамов, тщательно исследовавший экономическую литературу рубежа веков, говорит о другом – об иллюзорности достигнутого “прогресса”. Он отмечает, что Болгария вступала в XX в. “истощенная до крайности глубочайшим финансовым кризисом”, который был “кризисом излишеств, сопутствовавшим эйфории первоначального накопления капиталов” [4. С. 5–6]. Р. Аврамов подчеркивает, что XX век ставил перед людьми не только тактические вопросы, в частности, как преодолеть финансовый и экономический кризисы, но вновь вопросы стратегические: где искать выход – в земледелии или в промышленности, какой строй выгоднее – капиталистический или коллективистский, с какими странами следует стремиться к экономическому союзу.

Как показала практика, в последующем эти статистические приемы проявили тенденцию к усилению и расширению (особенно интенсивно в годы Первой мировой войны), достигнув высшего “расцвета” в границах рассматриваемого периода в переломные 1930–1940-е годы.

Если вспомнить, что ключевым вопросом буржуазной модернизации является функционирование экономики (как базисной структуры) вне влияния государства, но в сфере рынка и гражданского общества, то должны будем придти к выводу, что бюрократическое государство, на протяжении длительного времени располагающее руководящими экономическими функциями, по большому счету само становится камнем преткновения на пути модернизационных процессов.

Обратимся далее к идеям нации, государства-нации и национализма как непосредственно связанным с проблемами модернизации.

В литературе не раз отмечалось, что под влиянием Великой Французской революции произошел переворот в европейских политических учениях. Центральное место в них заняли доктрины нации как источника суверенитета народа и национального государства – сплоченного, гомогенного в языковом, религиозном и культурном отношениях. Именно они стали в XIX в. в Западной Европе основой политической практики при строительстве здесь новых объединенных государств. Те же доктрины были взяты на вооружение и на постепенно освобождавшихся из-под турецкого владычества балканских территориях, несмотря на их изначально невысокую степень готовности к погоне за современным государственно-политическим и общественным идеалом.

Думается, вопрос о том, что происходит раньше: закрепление международного статуса нового (объединенного) государства, стимулирующего затем формирование нации, или борьба уже сложившейся нации за собственное национальное государство, схоластичен по существу, ибо очевидно, что оба процесса взаимосвязаны, причем это относится как к западноевропейскому, так и к балканскому *субрегионам* (воспользуемся терминологией, предложенной В.К. Волковым) [13. С. 350].

Однако вряд ли случайно появление в XIX в. крылатого выражения: “Италия создана, теперь нужно создать итальянцев”. Замечая схожий с ним внутренний смысл в названии вышедшей в 1977 г. книги Е. Вебера, посвященной периоду 1870–1914 гг., – “Из крестьян во французов” – и продолжая размышлять на эту тему, современный английский исследователь М. Хейнс присоединяется к тем, кто предлагает переосмыслить само представление о нации [14. С. 222].

Известно, что ни один из вариантов определения нации, предложенных в разное время обществоведами разных школ, не утвердился, да и не мог утвердиться, в качестве общепринятого понятия: оно, как и некоторые другие (например, фашизм), будучи широко применяемыми в политической практике, пришли оттуда в науку, где занимают видное место, но несут нагрузку главным образом по линии “актуальности”. В обзоре понятий нации, которых скопился “целый Вавилон”, наш современник швейцарец У. Альтерматт указывает на высокую степень их вариативности, выделения тех или иных специфических черт, а в конечном счете – зависимости от историко-культурного контекста [15. С. 29–37].

Обосновывая свое предложение, Хейнс замечает, что “нация” не обладает объективной основой и является мифом, созданным заинтересованными политиками. Он указывает далее, что в установлении национальной идентичности очень велика роль политического фактора; например, спрашивает он, какова идентичность населения по обе стороны границы, или какова роль государства при определении, какой из диалектов становится национальным языком. Кроме того, “национальная культура”, по его мнению, создается превращением культуры данной группы в культуру более широких слоев населения [14. С. 222].

Мы с утвердившимся в отечественной науке многоступенчатым построением “этнос – народность – нация”², растягиваемым на несколько веков и с переводом указанных понятий “по мере их развития” из одного качества в другое, вряд ли готовы целиком поддержать этот подход. Но, несомненно, что приведенные зарубежными коллегами доводы имеют под собой некоторые основания, что в частности, подтверждает балканская практика национального и государственного строительства в XIX в.

Здесь идея нации и националистическая идеология не только активно культивировались во вновь созданных государствах, но очень скоро становились государственными. Тому существовали свои причины: освобождение из-под власти Османов любого из балканских народов нигде не происходило полностью и сразу; кроме того, в определении границ и статуса вновь создаваемых государств преимущество принадлежало иностранным дипломатам – россий-

² См. одноименную статью Г.Г. Литаврина [16].

ским, английским, французским. Они представляли страны, которые имели свои цели на Балканах и стремились переиграть друг друга. О собственно балканских народах думали далеко не в первую очередь. В таких условиях за пределами каждого из вновь созданных государств остались массы населения родственного “племени”, что не только породило ту или иную “национальную идею” (точнее, “национальный вопрос”), но сразу же превратило задачу реализации ее в центр государственной политики страны. Решение каждого “национального вопроса” предполагало полное объединение в составе одного государства народа (греческого, сербского или болгарского), но также, что не менее важно, и присоединение территории проживания всех его частей к этому государству. Однако традиционное расселение балканских этносов – без четких границ, чересполосно – как бы само уже программировало спорность и острую конфликтность всех попыток решения этих вопросов, совмещение задачи объединения народа с внешнеполитическим экспансионизмом. Что и воплотили в себе выработанные местными идеологами и политиками понятия Великой Греции, Великой Сербии, Великой Болгарии и некоторых других. Конечно, за пределами этих стран претенциозность объявленных лозунгов воспринималась в штыки, несмотря на их, казалось бы, естественную в каждом случае первооснову.

Проповедь таких идей, стремление добиться идентификации в массовом сознании понятий “народ” и “нация”, привлекательности родного государства-нации в глазах ирреденты – набор этих и других идеологических и политических средств был призван сформировать внутренний идейный стержень для населения новых балканских государств, объединить общество и власть, осуществить национальную интеграцию и обеспечить власти массовую поддержку. А в конечном счете обеспечить внутреннюю политическую стабильность, без чего невозможно проводить реформы.

В осуществление этой программы, сформулированной политической элитой, включались и государственная бюрократия, и народная интеллигенция (учительство), и особенно офицерский корпус. Уже к концу XIX в. балканские армии сильно вырастают количественно, офицеры проходят специальную выучку и становятся самыми рьяными носителями национальной идеи. Из них складывается специфический элитарный слой, близкий к власти, обслуживающий ее.

Нельзя не отметить при этом, что все креативеры (разработчики) и носители националистической идеологии оказывались сосредоточенными опять-таки в городском секторе и относились к слоям, доходы которых зависели главным образом от государства [6. С. 148]. Их практически нет в крестьянской среде. “Село встречало националистические программы враждебно”, – констатируют западные социологи [6. С. 149]. Болгарский историк Д. Мишкова, говоря о поре строительства Княжества Болгария, отмечает пассивность народа и “невозможность вызвать его энтузиазм” [3. С. 20]. Другой болгарский историк И.Баева пишет не просто о “прохладном отношении” крестьянства к национализму, но – еще более определенно – о его сопротивлении главным составляющим политики модернизации и о стремлении защитить *свои особые* интересы. С этими обстоятельствами она связывает появление крестьянских партий в Юго-Восточной Европе, опирающихся на собственную идеологию – аграризм [17. С. 183].

Известно, что философия аграризма далеко не однозначна, в разных странах и в зависимости от определенного отрезка их истории она получала то или иное наполнение, вплоть до формулирования теории об особом, “третьем” пути общественного развития и попыток лидеров крестьянского движения реализовать ее и возглавить государственную власть (см., например: [18. С. 224–226]).

Однако во всех случаях в идеологии аграризма присутствовала антикапиталистическая составляющая, наиболее ярко выраженная вначале – на рубеже XIX–XX вв. она стала ее как бы родовым знаком. Это очень важно осмыслить, как показатель того, что основанная на идеологии аграризма социальная альтернатива увязывалась крестьянскими партиями с перспективой сохранения прежнего уклада, то есть оказывалась прямо противоположной идеологии модернизации. Иными словами, крестьянство, будучи главным носителем традиционных мировоззрения и социальной организации, оказывалось на пути перехода Балкан в новую цивилизацию не только своего рода общественной глыбой, которую нельзя ни обойти, ни пренебречь ею, но и элементом сопротивления модернизации как стратегии.

Вынужденное приспособляться к меняющимся условиям, крестьянство обратилось в сфере экономической к интенсивному развитию кооперации. Существовавшие традиции благоприятствовали этому. Например, в болгарских землях тогда еще Османской империи, где сохранялась родовая задруга, а крестьяне объединялись в садоводческие, рыболовецкие и т.п. общества, в 1864–1865 гг. стали создаваться кассы взаимопомощи (“общепользные кассы”), куда средства вносились натурой или деньгами. Характерно, что начало движению было положено по инициативе Мидхад-паши, т.е. “сверху” [19. С. 11].

Общества взаимопомощи явились начальной формой кооперации. Примерно с середины XIX в. они распространились в Германии, Франции, в скандинавских и других странах, где довольно быстро переросли в потребительские, а затем и производительные кооперации. Особенно яркий пример в этом отношении явила Дания. Страна мелкого крестьянского землевладения, ориентированного на зернопроизводство, она в 90-е годы XIX в. пережила и поражение в войне с Пруссией, и тяжелый экономический кризис, связанный с потерей позиций для экспорта хлеба. Поиски выхода из положения потребовали основательной перестройки сельского хозяйства в интенсивное. Специалисты по истории Дании отмечают особенность ментальности датских крестьян: они сознавали необходимость мобилизации сил для достижения благосостояния и процветания страны (к этому призывали местные идеологи “просвещенного аграризма”) и с готовностью занялись реорганизацией своих хозяйств, заменяя традиционное зерновое направление на новое – мясо-молочное. Действенным рычагом для этого явилось создание (как опять-таки подчеркивают исследователи, – самодеятельное) кооперации по переработке и сбыту продукции, для строительства маслобоен и заводов по производству бекона и других мясных продуктов [20. С. 5–11].

“Испытание, выпавшее на долю датского народа, оказалось его спасением”, – писала российский агроном Е.Н. Вавилова [21. С. 13]. Экспортировать готовый товар крупными партиями в ту же Англию, куда прежде вывозилось датское зерно, оказалось гораздо выгоднее [22. С. 304]. Экономический рывок в исторически короткое время Дании, население которой составляло немногим больше 2.5 млн человек, по переписи 1906 г.³, привлек к ней всеобщее

³ Любопытно, что некоторые исследователи считают, что чем выше численность населения, тем больше страна приспособлена к модернизации (см., например, [23. Р. 347]).

внимание, с ее опытом ездили знакомиться делегации многих стран, в том числе из России [21; 24]. Один из таких делегатов писал: “Нас, наблюдателей, может поражать ... та дружная, планомерная работа, которую проявила вся нация, когда она сознала пользу от новой системы хозяйствования” [24. С. 4].

Конечно, предварительные условия для успеха дела были в Дании весьма благоприятными, как с точки зрения степени развития экономической инфраструктуры в целом, так и с точки зрения подготовки для этого “человеческого материала” (по уровню образования населения, в том числе сельского, Дания занимала одно из первых мест в Европе).

Этот экскурс нам понадобился не только для того, чтобы явственнее подчеркнуть различие социально-экономических обстоятельств реализации теории аграризма на Севере и Юго-Востоке Европы на рубеже XIX–XX вв., но более всего для того, чтобы оттенить значение такого важного фактора, как сознательный выбор *направления мобилизационных усилий общества*. Забота о выводе страны из тупика, о ее процветании – именно такое наполнение получила в то время *национальная идея* в Дании. Она была обращена вовнутрь, а не вовне, когда бы реализация ее связывалась со стремлением немедленно вернуть земли, утраченные в результате неудачной войны с Пруссией. И это существенно отличало характер мобилизационных усилий датского общества по сравнению с тем, с чем пришлось столкнуться большинству балканских стран.

Между тем датской практикой интересовались и в Болгарии. Естественно, дело упиралось в финансы. Если в Дании, помимо средств касс взаимопомощи, кооперативы могли использовать займы в частных банках (благодаря запасу свободных капиталов на Западе, как свидетельствует Вавилова [21. С. 34]), то именно этой возможности не было у крестьян болгарских. А потому развитие кооперации здесь пошло главным образом вширь, и главной и по существу единственной формой долгое время оставалась потребительская кооперация; лишь в 30-е годы XX в. появилось незначительное количество производительных кооперативов.

Другой отличительной чертой болгарской кооперации (остальные балканские варианты еще требуют дополнительного изучения) явился недостаток самостоятельности крестьянства и энергичное включение властей в процесс кооперативного строительства. Очевидно, что коллективизм и патернализм как свойство матрицы традиционализма оказались и в XX в. такой силы, что кооперативизм в Болгарии, получив массивную идеологическую и социальную поддержку со стороны властных структур, стал в этой стране еще одной государственной идеологией и государственной политикой.

В итоге кооперативное движение, охватывавшее не только сельское население, но и низшие слои городского (ремесленники, мелкие торговцы, лавочники), оказалось в Болгарии, в немалой степени огосударствлено, т.е. поставлено под опеку государства. Этот процесс стал особенно заметен после Первой мировой войны, когда сменявшие друг друга на посту премьер-министра политики (А. Стамболийский, А. Цанков, А. Ляпчев) одновременно являлись и идеологами кооперативизма. Последнее не удивительно, например, для Стамболийского, лидера Болгарского земледельческого народного союза. Но Цанков и Ляпчев считались деятелями буржуазного государства и действительно были ими. Однако именно Ляпчев еще в 1910 г. стал инициатором создания государственного Болгарского сельскохозяйственного кооперативного

банка. При правительстве Цанкова кредиты из этого банка выдавались кооперативам избирательно, исходя из центральной задачи укрупнения кооперативных организаций и избавления от мелких. При этом кредитование единоличников почти совсем прекратилось. С помощью государственных банков создавались и новые кооперативы. Выдавая крупные кредиты в 10–11 миллионов левов, которые, кооперативам, кстати, трудно было освоить из-за их слишком большого размера, государство ставило кооперативное движение под свой контроль и руководство. Целью насаждения этатистских методов в кооперативное движение и довольно масштабной его поддержки, например, при правительстве Цанкова, болгарский экономист В. Тепавичаров, специально изучавший этот вопрос, считает использование не столько экономической функции кооперации как средства для накопления капитала, сколько ее социальной функции, т.е. в качестве средства взаимопомощи и обеспечения самых необходимых социальных нужд населения [25. С. 35]. Сходной была государственная политика в отношении городской кооперации, сосредоточенной в двух основных формах – популярные банки и кредитные и производительные кооперативы [25. С. 366]. Кооперативное движение набирало обороты и в последующие годы, – при правительстве Ляпчева, который, будучи премьер-министром, возглавил в 1927 г. Высший кооперативный совет, и позже, вплоть до окончания Второй мировой войны. В этих фактах просматривается, на наш взгляд, очевидное стремление болгарских политиков при проведении различных мер по модернизации страны обеспечивать устойчивость государства, опираясь, главным образом, на прежнюю традиционную основу.

Существование государственной идеологии национализма, как присущей эпохе модернизации, и поднятой фактически до такого же уровня идеологии кооперативизма кажется парадоксальным. Ибо цивилизационно они, мягко говоря, различны. Развиваясь, кооперативизм, пишет болгарский автор Р. Аврамов, перерастает свои чисто экономические функции и превращается в *образ жизни*, а “в экономике, где кооперативизм является государственной доктриной, *либеральное экономическое мировоззрение рождается с трудом, индивидуалистическое же начало выталкивается на периферию*” [4. С. 29]. И продолжает: если в других странах кооперацию считали коррективом капитализма, то в Болгарии ее считали *доступной и желанной альтернативой*; люди же, создававшие в подобной среде стандарты своего экономического мышления, в общих чертах были подготовлены к социализму [4. С. 29–30]⁴.

В итоге следует сказать, что практика капиталистического развития в этой стране до 9 сентября 1944 г. мало согласуется с утверждением, будто наиболее успешно процессы модернизации протекали там, где они опирались на национальные традиции, как об этом, опираясь на японский феномен, пишет В.К. Волков (см.: [26. С. 366]). На деле все зависит от исторического времени и “качества” традиций, и от того способно ли общество на основе этих традиций созидать нечто новое или хотя бы позитивно использовать их функционирование. Ведь даже успех японского опыта после Второй мировой войны, о котором так много пишут, определялся тем, что патерналистские устои оказались возможным *встроить в новую систему*, ибо сама-то система бы-

⁴ Автор имел в виду следующий, так называемый социалистический, период истории Болгарии.

ла привнесена США, т.е. извне [27. С. 88–89]. На Балканах же в отсутствие таких щедрых даров со стороны множественных и враждующих между собой европейских государств–“покровителей” матрица традиционализма продолжала накручивать свои слабо размагничивающиеся “витки” и не представляла достаточного ресурса для рывка на собственной основе.

И, наконец, последнее – о таком факторе, как необходимость внутренней политической стабильности для модернизирующихся государств, без которой никакие реформы не имеют достаточных шансов на успех. Положительным моментом политической практики можно считать, что, например, в Болгарии, в период с 1884 до 1934 г. правящие партии и коалиции сменялись именно конституционно-парламентским путем 11 раз, а четыре раза оппозиция даже выигрывала парламентские выборы. Тем не менее сами балканцы считают насилие в политической борьбе характерным для своего мироощущения. Особенно напряженной в этом отношении является история межвоенной Греции с ее не только бесконечными сменами правительств, но и частыми государственными переворотами. В той же Болгарии за 1870–1934 гг. произошло три мятежа (1886, 1887, 1923) и три государственных переворота (1881, 1923, 1934) [5. С. 186], 9 сентября 1944 г. ее население ожидал еще один переворот.

Для состояния политической атмосферы на Балканах были характерны репрессии в отношении министров, обвинявшихся и получавших судебные приговоры за участие в военных мятежах, или как виновники военного поражения, или после государственных переворотов, когда к власти приходили новые люди. Показательны и такие цифры: из примерно 110 министров всех болгарских правительств с момента Освобождения по февраль 1945 г. 46 умерли не своей смертью. Правда, такой высокий показатель “обеспечили” 30 бывших министров, казненных с приходом “народной власти” в начале февраля 1945 г. Среди остальных 11 пали убитыми на улице, двое умерли, находясь в тюрьме, 3 покончили жизнь самоубийством по политическим причинам (подсчитано по: [28]).

Поистине политическую обстановку ни в Болгарии, ни в Греции никак нельзя назвать благоприятной для успешного шествия модернизации. Ситуация в сербском, позже югославском обществе, если чем-то и отличалась, то явно не в лучшую сторону.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Топоров В.Н.* Балканский макроконтекст и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация (общий взгляд) // Материалы к VI международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. София, 30 VIII – 6 IX 1989 г. Лингвистика.
2. *Федотова В.Г.* Модернизация “другой Европы”. М., 1997.
3. *Мишкова Д.* Европейски идеи и институции в политическата система на България. 1878–1914 гг. // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999.
4. *Аврамов Р.* Стопанският XX век на България. София, 2001.
5. *Цветков Пл.* Демокрацията и нейните алтернативи в България между двете световни войни // 120 години изпълнителна власт в България. София, 1999.
6. *Рудометоф В., Николов Ст.* Корените на балканския политически модел: пагубно съчетание между национализъм и слаборазвитост // Социологически проблеми. София, 1999. № 3–4.
7. *Генов Р.* Началото на българския либерализъм през погледа на английски и американски автори // Европа и България. Сборник в памет на проф. Хр. Гандев. София, 2000.
8. *Митева Ив.* Българският румелийски елит в Първото областно събрание // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999.

9. *Шемякин А.Л.* Обреченная конституция: сербский Устав 1888 г. // Новая и новейшая история. 2002. № 4.
10. *Улуян Ар.А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII–90-е гг. XX вв. М., 1998.
11. *Панов А.И.* Офицерский корпус в военных режимах XX века. М., 1999.
12. *Прешенова Р.* Икономическа политика и национално самочувствие: България. 1879–1914 // Модерният историк. Въображение, информираност, поколения. София, 1999.
13. *Волков В.К.* Балканская западня и проблема столкновения цивилизаций // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.
14. *Хейнс М.* Историкът и идеята за нацията // Исторически преглед. София. 1998. № 5–6.
15. *Альтерматт У.* Этнонационализм в Европе. М., 2000.
16. *Литаврин Г.Г.* Этнос–народность–нация // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002.
17. *Баева И.* Аграризмът като идеология на селските движения в България и Польша до втората световна война // Годишник на Софийския Университет. Исторически факултет. София, 1992. Т. 84–85.
18. *Матвеев Г.Ф.* “Третий путь”? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992.
19. *Кожухаров К.* Селското кооперативно движение в България при капитализма. София, 1965.
20. *История Дании.* XX век. М., 1998.
21. *Вавилова Е.Н.* Отчего датские крестьяне стали хорошо жить. Очерк из истории Европы в 19-м веке. 2-е изд. М., 1917.
22. История Дании с древнейших времен до начала XX в. М., 1996.
23. *Spulfer N.* Changes in the Economic Structures of the Balkans. 1860–1960. // The Balkans in Transition. Ed. by Ch. and B. Jelavich. Berkeley; Los Angeles, 1963.
24. *Каратыгин Е.С.* В стране крестьянских товариществ. Очерк развития товарищеского начала в сельском хозяйстве Дании. 2-е изд. СПб., 1913.
25. *Стоянов В., Тепавичаров В.* Политическата алтернатива. Юни 1923–януари 1926 г. София, 1992.
26. *Волков В.К.* “Славянская идея” и русское национальное самосознание // Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.
27. *Чугров С.В.* К вопросу о сочетании традиционализма и модернизма в современном японском мышлении // Эволюция политических институтов на Западе. М., 1999.
28. *Цураков А.* Политици, процеси, атентати. София, 1998.

© 2004 г. О.Н. МАЙОРОВА

ЭВОЛЮЦИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ПОЛЬШЕ

Формирование демократической политической системы составляет суть процесса общественной трансформации в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Основные направления этого процесса – становление правового государства, в частности парламентской демократии, а также утверждение и в негосударственной сфере принципов политического плюрализма. Несомненный научный интерес в связи с этим вызывает проблема создания и эволюции партийной системы в постсоциалистический период, прежде всего рассмотрение многопартийности как элемента новой государственности, в данном случае – польской, что и является предметом настоящей статьи.

На рассматриваемый процесс наложила отпечаток польская специфика: сохранение в социалистический период влияния католической церкви, хотя бы видимости многопартийности (наряду с Польской Объединенной рабочей партии (ПОРП), игравшей ведущую роль, существовали Объединенная крестьянская партия (ОКП) и Демократическая партия (ДП); возникновение в середине 1950-х годов первых разрозненных оппозиционных организаций, которые в 1980-е годы являлись уже организованной оппозицией существовавшему строю и выступали против “вассального” положения по отношению к КПСС и СССР; череда польских общественно-политических кризисов (1956, 1968, 1970, 1976, 1980–1981 гг). Все это “размягчало” авторитарную коммунистическую систему, способствовало ее либерализации, вынуждало власти идти в чем-то навстречу организованной оппозиции, чтобы избежать гражданской войны, и именно поэтому сесть в конечном счете за “круглый стол” с антикоммунистами. С общественно-политической и психологической точек зрения польские граждане были на рубеже 1980–1990-х годов гораздо больше готовы к преобразованиям в собственной стране, чем некоторые другие народы в соседних социалистических странах. Гражданская зрелость поляков достигала более высокой отметки, поэтому и строительство плюралистической партийной системы пошло в Польше быстрее.

Итогом переговоров за “круглым столом” партийно-правительственной коалиции ПНР и антикоммунистической оппозиции, проходивших с 6 февраля

по 5 апреля 1989 г., стал сценарий, предполагавший проведение после четырехлетнего переходного периода многопартийных выборов, в которых планировалось участие на конкурентной основе свободно созданных политических движений и партий. Соглашениями предусматривалось: 1) участие оппозиции в Сейме в намеченном объеме (35%); 2) полностью конкурентные выборы в Сенат; 3) коалиционное правительство во главе с представителем ПОРП; 4) создание поста президента, гарантирующего политическую стабильность. Следовательно, намечался эволюционный путь изменения политического строя в Польше. Были согласованы также основные принципы и условия реализации новых решений: политический и профсоюзный плюрализм, свобода слова, демократический способ формирования государственной власти, независимость судов, сильное рабочее и территориальное самоуправление и др. В целом принятые постановления означали слом монопольной власти ПОРП и открывали путь к падению старой системы.

7 апреля 1989 г. Сейм во исполнение решений “круглого стола” принял новый избирательный закон и изменил Конституцию, вводя пост президента и учредив вторую законодательную палату – Сенат. 20 мая Верховный суд в Варшаве вновь зарегистрировал Независимый самоуправляемый профсоюз “Солидарность”, запрещенный после введения военного положения в декабре 1981 г. В ходе избирательной кампании он занял наступательную позицию, его активно поддерживала католическая церковь. ПОРП же вела себя пассивно, полагая, что уже и так обеспечила себе относительное большинство в Сейме на основе соглашений “круглого стола”. Это оказалось, как подчеркивали некоторые исследователи, серьезным не только тактическим, но и стратегическим просчетом [1. С. 40].

Сценарий, разработанный за “круглым столом” и предполагавший четырехлетний переходный период, был серьезно скорректирован реальными событиями. Выборы в парламент 4 июня 1989 г. привели к поражению и распаду правящей коалиции – ПОРП, ОКП, ДП. Победили кандидаты “Солидарности” (они получили все места, за которые боролись: 35% в Сейме и около 90% в Сенате). Результаты парламентских выборов изменили общественно-политические настроения и ситуацию в стране. Они сыграли роль неформального плебисцита “за или против коммунизма”. 23 августа 1989 г. было создано первое некоммунистическое правительство Т. Мазовецкого, лидера католической фракции “Солидарности”.

На рубеже 1989–1990 гг. произошли существенные перемены в расстановке политических сил. Наступил окончательный распад коммунистической системы. До 1989 г. процессы политической дифференциации искусственно тормозились как тогдашней политической системой, так и самой оппозицией, которая перед лицом борьбы с системой предпочитала сохранять свое единство. Поэтому в первой половине 1990 г. процесс перемен охватил прежде всего партии времен ПНР. Поражение на парламентских выборах углубило внутренний кризис ПОРП. В январе 1990 г. на базе заявившей о прекращении своей деятельности ПОРП возникла Социал-демократия Республики Польша (СДРП). Объединенная крестьянская партия, пытаясь обновиться, преобразовалась в Польскую крестьянскую партию (ПКП). Демократическая партия утратила свое влияние [2].

В июле 1990 г. был принят закон о политических партиях, в соответствии с которым достаточно было 15 подписей, чтобы создать и зарегистрировать

партию. Многопартийная система формировалась на основе идейно-политического расслоения элиты, вышедшей из “Солидарности”.

Политическая неустойчивость полностью проявилась во время президентской кампании 1990 г. В ее ходе использовались главным образом персональные, а не сущностные аргументы и социальная демагогия. Появились также популистские и антисемитские акценты. Правая оппозиция, которая не участвовала в “круглом столе”, все более радикализировалась. Л. Валенса в качестве кандидата в президенты выступил с идеей “ускорения” и “войны в верхах” среди солидаристской элиты, которая была направлена против ее умеренной части, осуществлявшей тогда реальную власть и выступавшей за эволюционные перемены. Соперничество двух фракций “Солидарности”, из которых одна поддерживала кандидатуру Мазовецкого, а другая – Валенсы, способствовало дезориентации в обществе [3. S. 86; 4. S. 59].

Сенсацией первого тура всеобщих выборов президента РП в ноябре 1990 г. стал неожиданно высокий результат (23.1% голосов) С. Тыминьского, малоизвестного бизнесмена из Канады, который опередил премьера Мазовецкого (18.1%). Во втором туре 9 декабря президентом стал Л. Валенса, получивший 74.25% голосов (С. Тыминьский, независимый кандидат, “темная лошадка” – 25.75%).

На этот факт обращали внимание некоторые польские исследователи, анализируя итоги выборов. Так, А. Дудек отмечает, что при этом большую проницательность проявили руководители ПКП и особенно СДРП, которые в электорате Тыминьского – нескольких миллионах избирателей, негативно настроенных как к “Солидарности”, так и ко всем другим политическим движениям оппозиционного происхождения – усмотрели свой большой политический шанс [5. S.134; 3. S.168].

В связи с предстоявшими 27 октября 1991 г. выборами в Сейм и Сенат ускорился процесс формирования различных партий и движений на базе политических элит “Солидарности”. Было создано два-три десятка партий, представлявших весь возможный идейно-политический спектр: правые, центристские, левые, либеральные, христианско-демократические, национально-католические, аграрные и др. Предполагалось, что одни партии, вышедшие из недр “Солидарности”, будут правящими, а другие – находиться в оппозиции [1. С. 46]. Сторонники Мазовецкого создали Демократический союз (ДС). К нему примыкал Либерально-демократический конгресс, в который еще в конце 1980-х годов объединились гданьские либералы. Группа правых политиков – сторонников ускорения перемен из окружения Валенсы во главе с Я. Качиньским, создала Соглашение центристских сил. Христианско-демократическое объединение сформировало избирательный блок “Избирательная католическая акция”. К пилсудчиковским традициям апеллировала Конфедерация независимой Польши (КНП) Л. Мочульского, созданная еще в 1979 г.

Распад солидаристского лагеря был неизбежен, его нетрудно было предвидеть. На рубеже 1989–1990 гг. в нем все более ясно обозначились две ориентации. Одна обращалась к видению государства либерального и светского, главную угрозу видела в национализме, клерикализме и ксенофобии части польского общества. Вторая была близка католицизму и людовскому консерватизму, а ее сторонники важнейшим противником считали посткоммунистов, влияние которых оценивали как все еще очень большое. Распад солидаристского лагеря открыл дорогу к строительству нормальной парламент-

ской демократии, основой которой являются политические партии. С другой стороны, как отмечал в частности польский исследователь А. Дудек, не подлежит сомнению, что размеры дезинтеграции, особенно в лагере Валенсы, оказались слишком значительными, но проявились только в связи с парламентскими выборами 1991 г. [5. S. 110].

Поскольку число только зарегистрированных партий превысило сотню, в июне 1991 г. была принята крайне либеральная пропорциональная избирательная система для установления результатов выборов в округах, в целом обеспечивавшая каждой группировке такое число мест в парламенте, которое соответствовало ее силе и влиянию в обществе. В выборах 1991 г. приняли участие 111 избирательных объединений и блоков. Избирателям был представлен более широкий, чем в 1989 г., спектр идейно-программных предложений – оценка экономической и социальной политики солидаристских правительств, отношение к декоммунизации, вопрос о роли костела в государстве, понимание приоритетов во внешней политике. От электората требовалась ориентация на определенную политическую партию, а не просто выбора одного из двух враждебных лагерей [4. S. 92, 98]. Другая характерная черта выборов 1991 г. – то, что они не оказали на политические партии интеграционного воздействия. Исключением были постпээнэровские организации левицы, которым удалось объединиться в Союз демократических левых сил (СДЛС), что, однако, не изменило общей картины раздробленности на политической сцене. Состояние многопартийной системы большинство польских ученых оценивали как “разрозненное”, “фрагментарное” [4. S. 95].

В первых свободных выборах в парламент 1991 г. приняли участие лишь 43.2% избирателей, имевших право голоса. Столь незначительное участие поляков в этой избирательной кампании явилось несомненным поражением молодой демократической системы. Наибольшую пассивность проявили те поляки, которых трансформация экономической системы коснулась особенно болезненно. Чувство потерянности в новой действительности усиливала пропагандистская атака огромного числа избирательных комитетов, вызывавшая, особенно среди малообразованных граждан, беспомощность, и как следствие – невяку [5. S.184, 186].

Формальным победителем стал ДС (12.32% голосов), но эта победа была пирровой, поскольку явилась скорее результатом раскола прежнего лагеря Валенсы, нежели сохранения электората Мазовецкого. Второе место занял СДЛС (11.99%) (и это означало рост его популярности, СДЛС гарантировал посткоммунистам не только политическое существование, но и открыл перед ними перспективу экспансии); третье – ПКП (9.22%), которые не участвовали в процессе формирования очередных кабинетов [3. S. 168]. Христианско-национальное объединение (ХНО) вошло в состав коалиции “Избирательная католическая акция”, которая получила 8.98% голосов. Вслед за этим ХНО вошло в состав кабинетов Я. Ольшевского и Х. Сухоцкой. Определенного успеха достигла и КНП, которая, не имея в предыдущем Сейме ни одного депутата, продвинулась в группу шести крупнейших политических партий (8.8 %), однако осталась в оппозиции ко всем постсолидаристским коалиционным кабинетам. “Солидарность” получила 5% голосов (27 мандатов), являясь политическим резервом очередных кабинетов, хотя формально не входила в их состав.

Парламентский форум после выборов 1991 г. являл собой картину политической раздробленности, характеризовался слабостью как оппозиции, так и

правительства [4. S. 115]. В парламент вошли свыше 20 политических объединений, значительная часть которых имела похожие результаты, но ни одно из них не получило такого количества голосов, которое бы позволило сформировать стабильную правительственную коалицию. Это способствовало усилению позиции президента в системе высших государственных органов, в отношениях с парламентом. Вместе с тем парламентские выборы 1991 г. окончательно завершили процесс перехода от Польской Народной Республики в качестве составной части международной системы реального социализма к Республике Польша как отрицанию этой системы и элементу европейского содружества демократических наций. В годы солидаристского правления последовала череда неустойчивых коалиционных правительств.

Следующие выборы в парламент, состоявшиеся 19 сентября 1993 г., проводились в результате отзыва Сеймом кабинета Х. Сухоцкой после выраженного “Солидарностью” недоверия правительству и выбора президентом варианта роспуска парламента. Л. Валенса скорее всего стремился к модификации существовавшего в тот период политического механизма в направлении усиления полномочий президента, особенно в перспективе принятия новой Конституции и приближавшихся президентских выборов. Второй причиной роспуска парламента явилось стремление преодолеть чрезмерную раздробленность партийной системы.

Созданию крупных политических объединений способствовал принятый 28 мая 1993 г. новый закон о выборах в парламент, сохранявший пропорциональную избирательную систему, но введивший пятипроцентный избирательный барьер для политических партий и восьмипроцентный порог – для коалиций. Если избирательная система, созданная в 1991 г., способствовала формированию максимально репрезентативного, но вместе с тем раздробленного на мелкие фрагменты Сейма, то избирательная система 1993 г. вела к уменьшению раздробленности, но Сейм стал, конечно же, не столь представительным [6. S. 13, 17]. По мнению исследователя Антошевского, избирательная система 1993 г. оказалась дискриминационной даже в более значительной степени, чем в 1989 г. [7. S. 88–90].

Фаворитом избирательной гонки был СДЛС, в состав которого вошли уже 20 партий и организаций. Правые силы, вышедшие из “Солидарности”, в 1990–1992 гг. пытались политически изолировать новых польских социал-демократов, однако те сумели преодолеть изоляцию и превратиться в конструктивную оппозицию. СДЛС строил избирательную кампанию на критике либеральной экономической политики, обещал более справедливое распределение социальных издержек среди различных слоев общества, экономический рост и повышение на его основе жизненного уровня населения [1. С. 49; 5. S. 308].

В выборах в Сейм приняли участие 34 избирательных объединения, пятипроцентный барьер преодолели только шесть. Явка составила 52.1%. Наибольшую пользу из выборов 1993 г. извлекли две сильнейшие группировки: СДЛС – 20.41% голосов и 37.17% мандатов и ПКП – 15.40% голосов и 28.69% мандатов. В сумме они получили 303 мандата из 460. Уровень представительства других группировок – Демократического союза, Союза труда, КНП и Беспартийного блока поддержки реформ (ББПР) – оказался уже гораздо ниже: 3.25% ; 1.69%, ; 0.99% и 1.93%. Мелкие партии, вышедшие из “Солидарности”, выступили на выборах в Сейм самостоятельно и не сумели преодолеть барьер. Тем самым вместе они потеряли 35% голосов. Однако некоторые

польские исследователи подчеркивали, что однозначное мнение о победе бывших коммунистов было бы преувеличением, так как по сравнению с выборами 1991 г., СДЛС получил только на 8%, а ПКП – на 7% голосов больше [3. S. 90].

Поражению постсолидаристских группировок и победе СДЛС на парламентских выборах 1993 г. способствовало много факторов. Одни относились к периоду Мазовецкого, который отказался от возможности решительного наступления на посткоммунистические силы. Другие причины носили объективный характер и связывались с неизбежно высокой социальной ценой радикальных экономических перемен, которые практически повсеместно вели к “полевению” общественных настроений [1. С. 49]. Сыграл роль и такой фактор, как прогрессирующая фрагментация прежних оппозиционных элит, не способных заключать прочные коалиции [5. S. 295, 308; 4. S. 61; 6. S. 18]. Это было следствием избирательного закона, а также того, что новые политические элиты преувеличили ценности свободы. Эти ценности были в значительной мере проигнорированы беднеющей частью общества. К тому же политическая борьба внутри солидаристского лагеря создала впечатление, что новые элиты не сильно отличаются с точки зрения стиля осуществления политики от своих предшественников [3. S. 200–202].

Парламентские выборы 1993 г. положили начало качественно новому этапу политической эволюции. Были созданы условия для формирования партийной системы умеренного плюрализма. Она характеризовалась, в частности, существованием партий, доминирующих в системе (между ними нет слишком большой идеологической дистанции), тенденцией к созданию полярных коалиций (один блок объединял две совместно правившие политические группировки – СДЛС и ПКП, а второй – правоцентристские партии: ДС, КНП, ББПР), а также большей стабильностью правительственных кабинетов [4. S. 64, 124, 143].

В основу коалиционного соглашения был положен общий курс на продолжение экономической трансформации на принципах социальной рыночной экономики, справедливого распределения бремени социально-экономических реформ. Экономическое оживление, первые симптомы которого появились уже в 1992–1993 гг., оказалось не эпизодом, а устойчивым процессом. В 1995 г. рост ВВП достиг рекордного уровня в 7%. Однако бедную часть общества раздражал тот факт, что в период пребывания левых сил у власти продолжало усиливаться имущественное расслоение. Лидеры польской социал-демократии стали подчеркивать, что СДРП является скорее центристской партией, что она ориентируется прежде всего на средний класс. В процессе выполнения правительственных полномочий черты этой партии как левой слабо проявились [8. С. 98; 9. С. 37].

Поражение партий, вышедших из недр движения “Солидарность”, на выборах 1993 г. потребовало переоценки их политической стратегии. Основную цель практически все группировки внепарламентской оппозиции видели в интеграции, но эти устремления все-таки закончились в 1994–1995 гг. неудачей (подробнее см.: [5. S. 328–330; 10]).

Важнейшим политическим событием со времени прихода к власти в 1993 г. коалиции СДЛС–ПКП явились вторые всеобщие президентские выборы в ноябре 1995 г. Избирательная кампания характеризовалась не столько фронтальной атакой на правительственный лагерь, в котором доминировали ПКП

и СДЛС, сколько острой, с взаимными обвинениями, борьбой за лидерство в постсолидаристском лагере, разделенном на отдельные партии, которые не смогли выдвинуть общего кандидата [4. S. 122; 11]. Если на выборах 1993 г. доминирующими оказались вопросы экономического характера, то в 1995 г. вновь и с удвоенной силой проявился традиционный конфликт между сторонниками “старого” и “нового” режима. Валенса сделал камертоном своей кампании проблему расчета с прошлым, лозунг же Квасьневского “Выберем будущее” сделал его символом этого будущего. Не игнорируя проблемы трактовки прошлого, СДРП заняла четкую позицию: преступники должны быть наказаны, остальное рассудит история. Следует отметить, что важным козырем Квасьневского стала конструктивная работа Конституционной комиссии под его руководством в духе достижения консенсуса различных политических сил [9. С. 39, 37].

В первом туре выборов, который состоялся 5 ноября 1995 г., первое место занял кандидат СДЛС А. Квасьневский (35.11%), второе – Л. Валенса (33.11%). Второй тур 19 ноября принес окончательную победу А. Квасьневскому, который получил 51.72% голосов.

Успехом демократических процедур было, без сомнения, активное участие в выборах избирателей (в первом туре – 64.7%, во втором – 68.2%). В то же время в числе недостатков следует отметить незначительный перевес, достигнутый А. Квасьневским, что справедливо комментировалось как “разделение Польши пополам” [5. S. 338, 363].

Большинство поляков, голосуя за Квасьневского, высказалось за неантагонистическое сосуществование политических сил. Став президентом он вышел из СДРП, но продолжал патронировать курсу партии на расширение взаимодействия с различными политическими силами, на преодоление чрезмерной политической поляризации общества [9. С. 39–40]. Президентские выборы ноября 1995 г. стали важной вехой на пути укрепления позиций социал-демократии в Польше, усилился эффект сдвига влево партийной системы [4. S. 123; 12].

В 1996 г. на политической сцене явно доминировали посткоммунисты и постсолидаристы, усилившиеся за счет центра. Возросла популярность “Солидарности”, начавшей готовиться к парламентским выборам сентября 1997 г. [3. S. 97]. Правые и правоцентристские партии предприняли попытку консолидации, в результате чего возникли два политических объединения – Избирательный блок “Солидарность” (ИБС) и антикоммунистическое Движение за возрождение Польши (ДВП) бывшего премьера Я. Ольшевского. Летом 1996 г. ИБС объединил около 40 партий (как солидаристского, так и несолидаристского происхождения). После образования этого блока соотношение политических сил в польском обществе изменилось [13. S. 17, 19].

Следует подчеркнуть, что главным соперником ИБС во время избирательной кампании был СДЛС. Он делал упор на факты экономического прогресса страны и ее успехи на международной арене (подготовка Польши к вступлению в НАТО и ЕС), что говорило само за себя, но в целом избирательная кампания была довольно слабо организована. Значительно более профессионально проводил кампанию ИБС, воздерживаясь от агрессивных выступлений, сознательно снижая тональность противостояния, апеллируя к традиционным национально-католическим ценностям [1. С. 54].

Парламентские выборы 21 сентября 1997 г. привели к падению находившейся у власти коалиции СДЛС–ПКП и созданию нового правительственного

блока, составленного из ИБС и Союза Свободы. В Сейм вошли шесть политических объединений: ИБС (33.83% голосов, 201 мандат из 460), СДЛС (27.13% и 164 мандата), Союз Свободы (13.37% и 60), ПКП (7.31% и 27), ДВП (5.56% и шесть), Немецкое меньшинство (два мандата). Таким образом, правящая коалиция (ИБС и Союз Свободы), сформировавшая правительство во главе с Е. Бузеком, располагала абсолютным большинством в Сейме (56.7%). Однако несмотря на победу правоцентристов, СДЛС и ПКП в значительной степени преуспели в сохранении прежнего уровня общественной поддержки, когда им в 1993 г. доверяло 35% общества, и их коалиция решительно доминировала [14. P. 83; 15. S. 138; 16. С. 39].

Результаты выборов 1997 г. позволяют отметить рост стабильности польской партийной системы: сохранилась тенденция к снижению количества партий как на избирательном, так и на парламентском уровне, что было связано с поддержкой в основном двух политических сил. Президент Квасьневский, получив оппозиционно настроенный Сейм, сумел удержаться от конфронтации с законодательной властью.

Новая коалиция объединила значительно более поляризованные силы – с общими корнями “Солидарности”, но с совершенно различным видением направлений, форм и методов преобразований [9. С. 41–42]. В этих условиях СДЛС взял на себя роль жесткой, но конструктивной оппозиции, контролирующей выполнение правительством Е. Бузека своих обещаний.

В декабре 1997 г. на III конгрессе СДРП была принята Программа, в которой партия уточнила свои ориентиры. Она стала апеллировать не к среднему классу, а к “лучшим традициям польских левых сил и европейской социал-демократии”, стремясь обеспечить неконфронтационное осуществление интересов различных социальных групп. СДРП осталась ядром СДЛС, трансформировавшегося к концу 1999 г. в одноименную политическую партию (в 2002 г. насчитывала 120 тыс. человек). Приоритеты политики СДЛС – интеграция Польши в европейские структуры, развитие сбалансированных отношений с Россией, сохранение и поддержка государственного сектора в экономике, внедрение инструментов социального партнерства.

На очередных президентских выборах, состоявшихся 8 октября 2000 г., А. Квасьневский выиграл уже в первом туре, получив 54.5% голосов. С большим отрывом от него шли А. Олеховский (17.4%) и лидер “Солидарности” М. Кшаклевский (15.2%). Л. Валенса набрал менее 1%. Выборы свидетельствовали о завершении поляризации общества. Успех Квасьневского, практически “нокаутировавшего” конкурентов, не имел прецедента. Не имело прецедента и поражение М. Кшаклевского, считавшего себя главным наследником солидаристского лагеря, который еще недавно, в 1997 г., привел ИБС к победе на парламентских выборах. Оказалось, что одних лозунгов “Солидарности” для получения хорошего результата недостаточно. Усиливающийся пессимизм поляков, боязнь за будущее и недовольство растущим социальным расслоением, увеличивающейся коррупцией оказали гораздо большее влияние на избирателей, чем идеологические разногласия. Именно это недооценили правые группировки [17. 2000. № 42]. В отличие от предыдущей президентской кампании, когда Л. Валенса только незначительно проиграл А. Квасьневскому, в 2000 г., в связи с колоссальным преобладанием действующего президента, вызовом стало не столько получить этот высокий пост, сколько само учас-

тие, желание довести дело до второго тура, создать новые политические объединения [17. 2000. № 41].

Президентские выборы 2000 г. способствовали значительным изменениям на политической сцене. В результате их окончательно распался ИБС (Если в 1991 г. “Солидарность” насчитывала 2.5 млн членов, то в 2000 г. – около 900 тыс. В июне 1998 г. ее деятельность позитивно оценивали 34% анкетированных, а в июне 2002 г. – только 13%), очень ослаб Союз Свободы, а благодаря победе Квасьневского усилился СДЛС. Именно со времени президентских выборов ПКП начала отстаивать свои позиции после беспрецедентного поражения 1997 г.

Вскоре после президентских началась кампания парламентских выборов 2001 г. Сначала возникла Гражданская платформа, дававшая надежду на строительство широкого либерально-консервативного политического объединения. Она потеснила Союз Свободы, наиболее стабильную группировку, неизменно имевшую парламентское представительство в количестве 60 человек и объединявшую авангард деятелей прежней оппозиции. Затем была создана партия “Право и справедливость” братьев Качиньских, ищущая своего шанса под лозунгом строительства новой польской правицы. Крайняя правица, которая прежде не достигала результатов на выборах, хотя ее взгляды разделяет значительная часть общества (неодобрительное отношение к ЕС, полное отрицание направления польских перемен), теперь стартовала как Лига польских семей и Самооборона. СДЛС уже за несколько месяцев до выборов лидировал в зондажах, значительно опережая другие группировки. Такой ситуации во время прежних свободных выборах не было, всегда была предвыборная борьба, иногда даже, как в 1997 г., равная. Кампания 2001 г. отличалась от предыдущих также тем, что велась без серьезных идеологических споров, дискуссий о прошлом и даже о будущем. Следовательно, на выборах 2001 г. сплоченный лево-центристский блок – и против только формирующиеся группировки [17. 2001. № 38].

Исследователи подчеркивали, что парламентские выборы 2001 г. напоминали президентские выборы 2000 г. тем, что был один лидер. Если президентские выборы были своего рода “репетицией” парламентских, отражая расстановку сил в стране, то парламентские выполняли ту же роль перед выборами в органы самоуправления, которые намечались на 2002 г. Вхождение в парламент – важная цель для партии, но в действительности властные структуры строятся на местах [17. 2002. № 39].

В 2001 г. выборы в Сейм проходили по измененному закону о выборах. Принятая теперь система подсчета голосов (Sainte-League) позволяет получить представительство в парламенте при среднем и даже слабом результате. Можно получить около 10% голосов, чтобы иметь несколько депутатов и после выборов основать очередную партию [17. 2001. № 21].

Следует немного подробнее остановиться на партии “Право и справедливость” – самой молодой на политической сцене, но одновременно и самой старой, так как это прежнее Соглашение центристских сил (СЦС). Образование в мае 1990 г. СЦС было большим событием для польской политической сцены. Л. Качиньский хотел опереться на провинцию, на людей вне элит, которые ранее не участвовали в большой политике, не были советниками “Солидарности” в августе 1980 г. и не заседали в Гражданском комитете при Л. Валенсе. О вступлении в СЦС заявили около 60 тыс. человек и, следова-

тельно, СЦС вошло, наряду с СДРП и ПКП, в тройку крупнейших польских объединений. 1990–1993 гг. – важнейший период в истории СЦС, когда оно еще было влиятельной политической силой. Оно должно было объединить многие течения правицы, а стало символом нескончаемых делений, больше занималось прошлым, люстрацией, декоммунизацией, чем рынком и реформами. Три фактора способствовали созданию партии “Право и справедливость”: назначение Л. Качиньского на пост министра юстиции и его быстро растущая популярность благодаря высказыванию своей четкой и непримиримой позиции относительно коррупции в государственных органах; успех Гражданской платформы, который показал, что существует общественное ожидание нового качества в политике; и, наконец, ускоряющийся распад ИБС, который утратил по крайней мере 2/3 электората 1997 г. Если СЦС создавалось как центристское формирование, то “Право и справедливость” воспринимается как группировка явно правая, хотя парадоксально, что ее лидер в прошлом представлял скорее социал-либеральные взгляды и сегодня много говорит о социальной справедливости [17. 2001. № 29].

На парламентских выборах 23 сентября 2001 г. убедительную победу одержала левая коалиция: за блок СДЛС – Союз труда (СТ) проголосовали 41% пришедших к урнам поляков. Партии, правившие в предыдущий период, потерпели сокрушительное поражение: ИБС и его соратник по правительственной коалиции Союз Свободы не смогли даже преодолеть избирательный порог для вхождения в Сейм. 13% голосов получили либералы из правоцентристской Гражданской платформы, сгруппировавшейся вокруг А. Олеховского, занявшего второе место на президентских выборах 2000 г. Эта платформа была призвана ослабить левых, но одновременно отобрала голоса у правоцентристов ИБС. В парламенте появились радикалы: крайне левая партия “Самооборона” (10% голосов), созданная на базе сельского профсоюза, и крайне правая Лига польских семей с ее откровенно антиевропейской и клерикальной идеологией (7%). За центристское “Право и справедливость” и ПКП проголосовали по 9% избирателей. Социал-демократам не хватило всего 12 мандатов, чтобы самостоятельно сформировать правительство.

Такую убедительную победу левых связывают прежде всего с последствиями поражения польских правых на президентских выборах 2000 г., когда они фактически перессорились между собой. Сокрушительное поражение “старых правых” в Польше стало своеобразной тенденцией, начатой Л. Валенсой, которого поляки уже давно не воспринимают как политика. Возможно, именно в этом – в неспособности адаптироваться к требованиям времени – и кроется одна из причин потери правыми популярности первых постсоциалистических лет. Польские аналитики подчеркивают, что объективным союзником левых была экономическая и политическая ситуация: замедление темпов экономического роста (а он всегда был для поляков предметом национальной гордости), бюджетный дефицит, который привел к серьезному – по польским меркам – финансовому кризису, высокий уровень безработицы, прежде всего в селах и маленьких городках, несовершенство реформы здравоохранения, многочисленные забастовки. Однако Бузек продержался на высокой должности до конца срока, невзирая на фактический распад правящей коалиции ИБС – Союз Свободы после президентских выборов 2000 г., как раз благодаря позиционированию себя как компромиссной фигуры.

В течение года, прошедшего с последних парламентских выборов, на политической карте Польши произошли большие перемены. СДЛС явно ослаб. За этот период он потерял наибольшее число избирателей (неполные 25% на выборах в сеймики против 41% голосов на парламентских выборах). Распад электората СДЛС увеличил прежде всего радикальные группировки: “Самооборону” и Лигу польских семей (по результатам выборов в местное самоуправление в ноябре 2002 г., в воеводских сеймиках они получили в сумме 33% голосов, т.е. больше, чем СДЛС), которые решительно обогнали ПКП (9.5% мандатов) [17. 2002. № 48]. Слабее стали правоцентристы (коалиция Гражданская платформа – “Право и справедливость” получила почти 18% мандатов), совсем исчез политический центр. Союз Свободы практически не проявился на этих выборах. Следовательно, выборы в самоуправление подвели черту под существованием Союза Свободы в прежней форме и под прежним руководством [17. 2002. № 45].

О причинах усиления радикальных группировок – популистского, антиевропейского, антирыночного направления – неоднократно писали польские исследователи. Так, Я. Майхерек отмечал, что “все больше поляков приходят к убеждению, что на честную и эффективную власть им рассчитывать не приходится, в результате чего нарастает разочарование. Вследствие этого в отношении граждан к государству начинают преобладать претензии и домогательства, что выражается в поддержке социальных популистов и демагогов” [18. 10–11 VIII. 2002]. Л. Колярская-Бобинская, директор Института общественных вопросов подчеркивала, что за последние годы поляки все меньше доверяют Сейму, правительству, органам местного самоуправления и правосудию. При столь большом потенциале недоверия очень легко пускают корни популистские движения. Поляки ценят демократию, но считают, что она плохо функционирует, ее институты недействительны, враждебны человеку, а политический класс обособлен и руководствуется собственной выгодой [18. 2–3. XI. 2002]. Кратко этот процесс социологи характеризуют следующим образом: побеждает тот, кто сумеет лучше выразить настроения общественного недовольства.

Новый импульс польской политике дало окончание переговоров с ЕС, принятие решения в Копенгагене в декабре 2002 г. о приеме Польши в ЕС в 2004 г. А. Михник считает, что утрачивают силу прежние деления, уходящие корнями в военное положение, в отношении к “круглому столу”. Сегодня основная линия деления проходит между теми, кто за интеграцию с Евросоюзом или против нее. По его мнению, необходима новая “жирная черта”, которая позволит объединиться вокруг идеи интеграции и сделает недействительными споры, делившие польскую политику 13 лет назад. Закончилось время политического лавирования. Следовало четко сказать “за” или “против” [17. 2002. № 49, 51/52]. И это было сделано на референдуме, проходившем в течение двух дней – 7 и 8 июня 2003 г. 77% принявших в нем участие выразили свое согласие на вступление Польши в Европейский Союз. При этом следует отметить, что в ходе подготовки референдума была проведена большая организационно-пропагандистская работа. Так, еще осенью 2002 г. лидеры семи политических партий подписали в Варшаве пакт в поддержку европейской интеграции и декларацию в связи с вступлением Польши в Евросоюз. Обязательство сотрудничать в деле объединения Европы взяли на себя СДЛС, СТ, Гражданская платформа, Союз Свободы, Общественное движение, Народно-демократическая партия и Движение новой Польши. К пакту не присоединились ПКП, “Право и справедливость”, Лига польских семей и “Самооборона” [19. 26.11. 2002].

Нельзя недооценивать роль костела в результатах референдума. В частности, слова неоспоримого авторитета Папы Римского Иоанна Павла II, обращенные к землякам: “Польша нуждается в Европе, Европа нуждается в Польше”, убедили сказать “да” многих из тех, кто еще колебался.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что без сомнения, крупнейшим успехом минувшего 15-летия является построение фундамента демократических порядков. Проявлением процесса демократизации является, в частности, достигнутый прогресс в формировании многопартийной системы. Произошло известное упорядочение политической системы. Сначала она характеризовалась большим распылением. Конец декады принес консолидацию политических сил и зарождение системы с двумя доминирующими полюсами (ИБС и СДПС), а также с относительно сильными партиями, выражающими конкретные интересы (ПКП и Союз Свободы). В настоящее время картина изменилась: распался ИБС, потерял влияние Союз Свободы, усилились радикальные группировки. Активность в политической жизни проявляют не более 10–15 партий: либеральные, социал-демократические, аграрные и христианско-демократические. Несмотря на обилие партий, они не в состоянии предложить альтернативу неолиберальной экономической политике, альтернативную программу дальнейших преобразований. Ценностью и причиной успехов польских перемен после 1989 г. было именно продолжение основного направления реформ, а не стремительное изменение курса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бухарин Н.И., Синицина И.С., Чудакова Н.А. Польша: десять лет по пути реформ // Новая и новейшая история. 2000. № 4.
2. Майорова О.Н. Идеино-политическая эволюция Демократической партии в Польше // Политические партии и движения Восточной Европы. М., 1993.
3. Kofman J., Roszkowski W. Transformacja i postkomunizm. Warszawa, 1999.
4. Knyzewski K. Partie i system partyjny w Polsce w okresie transformacji ustrojowej. Warszawa, 1998.
5. Dudek A. Pierwsze lata III Rzeczypospolitej. 1989–1995. Kraków, 1997.
6. Szeliga Z. Transformacja systemu wyborczego do Sejmu // Kierunki ewolucji systemu politycznego Rzeczypospolitej Polskiej. Lublin, 1997.
7. Antoszewski A. System wyborczy i wybory parlamentarne po 1989 r. // Polityka w Polsce w latach 90. Wybrane problemy. Wrocław, 1999.
8. Левый поворот и левые партии в странах Центральной и Восточной Европы. М., 1998.
9. Яжборовская И.С. Динамическая стабилизация. Социал-демократическая альтернатива в Польше // Свободная мысль. 1999. № 12.
10. Майорова О.Н. Правые группировки на польской политической сцене // Политический ландшафт стран Восточной Европы середины 90-х годов. М., 1997.
11. Dziemiodok B. Prawica w wyborach prezydenckich 1995. Proces wylaniania kandydatów // Annales Universitatis Marie Curie Skłodowska. Sectio K. Politologia. Lublin, 1997. Vol. IV.
12. Jasiewicz K. Nowe wraca? Wybory prezydenckie 1995: ciągłość i zmiana zachowań wyborczych // Studia polityczne. Warszawa, 1998. № 8.
13. Gebetner St. Partie i ich koalicje przed wyborami parlamentarnymi 1997 // Wybory 1997. Partie i programy wyborcze. Warszawa, 1997.
14. Roszkowski W. The Afterlife of Communism in Poland // Changing rules. Polish political and economic transformation in comparative perspective. Warszawa, 1997.
15. Herbut R. Partie polityczne i system partyjny // Polityka w Polsce w latach 90. Wybrane problemy. Wrocław, 1999.
16. Задорожнюк Э.Г. Социал-демократия в Центральной Европе. М., 2000.
17. Polityka.
18. Rzeczpospolita.
19. Gazeta Wyborcza.

© 2004 г. Э.Г. ЗАДОРЖНЮК

ПУТЬ К “БАРХАТНОЙ” РЕВОЛЮЦИИ: ПРОТИВОСТОЯНИЕ “ВЛАСТНЫХ” И “БЕЗВЛАСТНЫХ” В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Приближающееся 15-летие начала “бархатной” революции в Чехословакии (2004) – достаточно серьезный повод вернуться к событиям конца 1980-х годов и пристальнее проанализировать главные их причины. В настоящей статье ставится задача на конкретно-историческом материале, в том числе архивном, дифференцированно рассмотреть позиции противоборствующих сторон, сопоставить их оценки состояния и перспектив развития Чехословакии на уровне концепций, программ и политических заявлений в январе – середине ноября 1989 г., оценить конкретные инициативы и предложения по выводу страны из кризиса.

Термином “безвластные”, если использовать известную метафору В. Гавела (см.: *Havel V. O lidskou identitu. Praha, 1998. S. 55–135*), в статье в целом обозначается зародившееся в ЧССР с начала 1970-х годов и стремительно набравшее силу именно к концу 1980-х годов чехословацкое оппозиционное движение; “властные” – партийно-государственный аппарат режима нормализации.

Преддверие “бархатной” революции важно для исследователя тем, что оно являлось временем окончательного перехода противостояния “властных” и “безвластных” из латентной стадии в стадию открытой конфронтации.

Принципиальные расхождения и несовместимость позиций “властных” и “безвластных”, приобретшие к концу 1980-х годов непреодолимый характер, – факт известный и подтвержденный, в первую очередь, историческим ходом событий. Но в отечественной, да и в зарубежной историографии практически не прослежена проходившая накануне “бархатной” революции дифференциация в их среде, хотя она отражалась не только в формировавшихся концепциях, но и в реальных шагах и инициативах.

Насколько адекватно различными группами оценивалось кризисное положение в ЧССР накануне “бархатной” революции и главное – какими виделись пути выхода из него? Так ли уж едины были “властные” в стремлении осуществлять “перестройку”, как они о том заявляли; сохранялась ли общность в понимании необходимых средств для достижения ее целей? Как го-

Задорожник Элла Григорьевна – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ. Проект № 01-01-00280а.

товились “безвластные” к казавшемуся неизбежным изменению положения в стране, кто здесь выступал с продуктивными инициативами, а кто намеревался просто следовать в фарватере событий? В ответе на данные вопросы важный акцент ставится автором на выявлении дифференциации в стране как “властных”, так и “безвластных”, выделении в первом консервативного и прагматического, а во втором – умеренно-эволюционного и радикального течений.

Конец 1980-х годов XX в. в Чехословакии – время полного “окостенения” режима нормализации, введенного в стране после подавления в августе 1968 г. Пражской весны, окостенения перед крушением. Период нормализации был метко назван чехословацкими диссидентами “эрой неподвижности” (М. Шимечка), временем “сплошного бесформенного тумана” (В. Гавел). А. Дубчек, архитектор Пражской весны, один из главных возмутителей спокойствия “нормализаторов”, заявлял, что этот режим привел чехословацкое общество не к “консолидации”, а к прямо противоположному итогу – к его разобщению и разъединению [1. S. 206]. Это был период, когда “мороз из Кремля” все еще продолжал свое разрушающее действие. Тем не менее признаки пробуждения уже давали о себе знать, особенно с учетом того, что конец 1980-х годов – время перестройки в СССР и кардинальных перемен в соседних с ЧССР странах – Венгрии, Польше, а затем и ГДР [2–10].

Признавая неизбежность перестройки для Чехословакии на словах, “властные” в своем большинстве цеплялись за прошлое, отказываясь принять новые реалии жизни и идейные течения. Они составляли в чехословацком партийно-государственном руководстве *консервативное течение*, приверженцы которого (В. Биляк, А. Индра, Я. Фойтик, М. Якеш и др.) выступали яростными сторонниками сохранения режима нормализации с некоторыми формальными уступками новым веяниям времени¹ [12. S. 30–44; 13; 14]. К числу консерваторов некоторые исследователи относят и совмещавшего до декабря 1987 г. в одном лице должности президента ЧССР и генерального секретаря Президиума ЦК КПЧ Г. Гусака. Однако эта несколько упрощенная оценка корректируется в последних работах зарубежных авторов, склонных причислять Гусака к “реалистическому центру” в руководстве компартии [15. S. 79].

Прагматическое течение в конце 1980-х годов небезосновательно связывалось, во-первых, с именами глав федерального кабинета министров Л. Штроугала и Л. Адамеца, а во-вторых, – с секретарем ЦК КПЧ Р. Гегенбартом и генералом А. Лоренцем, шефом госбезопасности, а с 1985 г. – первым заместителем министра иностранных дел ЧССР [16. S. 81–83]. Главное различие между двумя названными группами прагматиков заключалось в том, что Гегенбарт и Лоренц, признавая настоятельность перемен, исключали какие-либо контакты с представителями чехословацкого оппозиционного движения, в то время как Адамец, по словам чешского историка М. Отагала, “являлся единственным высшим должностным лицом, пришедшим к выводу о том, что в решении кризиса каким-то образом должно принимать участие и диссидентство” [16. S. 84].

Весьма показательно, что на своей первой встрече с М.С. Горбачевым 2 ноября 1988 г. в Москве, Адамец, отметив “огромный интерес” в Чехословакии к советской перестройке, заметил: “Правда, не все симпатизируют вашей поли-

¹ Некоторые авторы относят М. Якеша, Я. Фойтика и М. Штепана к неоконсервативному течению [11. С. 19–20].

тике, в том числе есть такие и среди руководства. Думаю, это те, кто раньше жил хорошо, спокойно и не хочет никаких перемен. Есть такие, кто идеализирует перестройку, ждет, что сразу появится много товаров, а вот о том, что для этого надо поработать, предпочитают не думать. Есть, наконец, такие, кто считает, что перестройка в ЧССР идет слишком медленно и критикуют за это руководство. Лично я – на их стороне и в деятельности правительства намерен делать упор на конкретные дела” [17. 88 nov02 doc.].

Адамец признавал, что представители прагматического течения составляют меньшинство – в центре и на местах. “Откровенно говоря, аппарат не симпатизирует перестройке”, – так обобщил он отношение “властных” в ЧССР к поставленным самой жизнью переменам [17. 88 nov02 doc.]. Что касается низовых партийных организаций, то они, по словам чехословацкого премьера, руководствовались “старочешским подходом”: “все бурно одобряют перестройку, но никто ничего не делает” [17. 88 nov02 doc.] (см. также: [18. С. 352–364]). Вместе с тем в свой первый приезд в Москву Адамец был настроен весьма оптимистически: “Я уверен, что эти проблемы мы преодолеем, и в Президиуме ЦК КПЧ утвердится прочное единство в вопросах поддержки советской перестройки” [17. 88 nov02 doc.].

Как показали последующие события, этот оптимизм едва ли можно было назвать обоснованным, поскольку линии разлома внутри партийно-государственного руководства становились все более глубокими, а пражский режим оказывался во все большей изоляции. В этом плане особый интерес представляет встреча В.В. Загладина 1 апреля 1989 г. в Праге с советником Л. Адамеца по внешнеполитическим вопросам Я. Седлаком, который, охарактеризовав проходившую в начале 1989 г. в целом в стране поляризацию, отметил: «Имеются группы людей, которые хотели бы просто вернуться к 1968 году, причем не к первой его половине (когда было много позитивного), а ко второй, когда события пошли “не туда”. Таких – очень немного, но они активны. Другая часть – и это гораздо более значительная группировка людей, – считает, что нужно взять все позитивное, что было в 1968 году, на этой базе идти вперед, использовать опыт перестройки в СССР. Третьи – таких большинство – хотят настоящей перестройки в ЧССР. Наконец, четвертые – но это *многие представители руководства* (курсив мой. – Э.З.) – боятся и возврата к 1968 г., и перестройки. И даже неизвестно, чего они боятся больше» [19. z89apr01b doc.]. Именно данная категория – “многие представители руководства” – и в конце 1980-х годов продолжала жесткий курс на социалистическую, в советском ее варианте, парадигму развития Чехословакии. На то, что консерваторы из руководства КПЧ ужесточили свое противостояние импульсам перестройки, стали указывать, начиная с января 1989 г. , и советские политические деятели [18. С. 352–364; 20. С. 136–154; 21. С. 268; 22. С. 424; 23. С. 74–122; 24. С. 509–554].

Необходимость прогнозировать события в этот крайне сложный для “судеб социализма” год определила усиленное внимание советских политических деятелей к представителям прагматического течения в чехословацком партийно-государственном руководстве, неотягощенным репрессивными деяниями периода нормализации. Избегая политической риторики, эта группа, во главе с негласным лидером с 1989 г. Адамецем, неоднократно заявляла о необходимости углубления в первую очередь экономической реформы.

В аналитической записке, подготовленной в конце августа 1989 г. для Политбюро ЦК КПСС, В.В. Загладин² подчеркивал: “Л.Адамец, как говорили товарищи (кроме М. Штефаянка), занимает наиболее решительную позицию, стремится критически осмыслить прошлое и на этой базе выработать программу на будущее. Однако этот подход не разделяется многими другими членами руководства, не склонен поддерживать его (хотя иногда и колеблется) т. Якеш” [19. z89avg07doc]. Сам Адамец в июне 1990 г., оценивая свою деятельность накануне ноябрьских событий 1989 г., вспоминал: “К убеждению принципиально изменить политический курс, основанный на сохранении старых переживших себя структур и методов работы, я постепенно приходил еще до XVII съезда КПЧ, в 1986 г. На нем я выступил с предложением проведения глубоких общественных преобразований. На последующих пленумах ЦК КПЧ требования радикальной экономической реформы все более решительно связывались мною с неизбежностью преобразования политической системы, преодоления бюрократических деформаций и нравственной отсталости всего общества”. Далее Адамец подчеркнул, что его “критические замечания и конструктивные предложения вызывали у большинства бывшего партийного руководства враждебность, подозрения и несогласие”. Вместе с тем от рядовых граждан, независимо от их политической принадлежности, он “получил множество проявлений симпатии и поддержки. На заседаниях ЦК и на съезде эти взгляды находили положительный отклик” [25. S. 557].

Следует отметить и процесс дифференциации, затронувший Коммунистическую партию Словакии (КПС), в рамках которой постепенно выкристаллизовывалось течение, поддерживавшее перестройку, общественный диалог, демократические преобразования в обществе (П. Вайс, П. Канис, Л. Баллек, В. Минач, В. Плевза) [1. S. 47; 26. S. 27]. Многие словацкие коммунисты шли на контакты с представителями словацкого оппозиционного движения, в частности с группой философа Б. Залы (в будущем одним из лидеров Социал-демократической партии в Словакии). Она разработала политическую программу “Основы политической реформы и гуманизации общества”. Ее текст обсуждался с другими оппозиционными течениями в Словакии, которые, как полагал Зала, должны были объединиться “на базе широкого консенсуса с целью перехода словацкого общества к демократическим отношениям (ликвидация монополии КПЧ, свободные выборы, возрождение демократии)” [1. S. 47].

Попытки объединения усилий предпринимались в Словакии и бывшими коммунистами-реформаторами, однако их неформальное объединение “Клуб словацкого возрождения 68–69” появился лишь в конце 1989 г.³ Во главе угла их деятельности – критика режима нормализации, сотрудничество с “Хартией 77” и пражским “Возрождением”. Со второй половины 1980-х годов в Словакии стало формироваться оппозиционное объединение (А. Дубчек, И. Лалу-

² 7–28 августа 1989 г. В.В. Загладин во время и после завершения лечения встречался в Карловых Варах “на неофициальной основе” с заведующим Международным отделом ЦК КПЧ М. Штефаянком, советником председателя правительства ЧССР Я. Седлаком, бывшим помощником Г. Гусака по ЦК КПЧ Я. Мачеком, руководителем правительственного ведомства по отношениям с церквями В. Янку, генеральным секретарем Международной организации журналистов Д. Ульчаком и др. Официально был принят заместителем председателя ФС ЧССР, председателем Чехословацкой социалистической партии Б. Кучерой [19. z89avg07doc].

³ Официально зарегистрирован в январе 1990 г. [1. S. 46].

га, Г. Кочтух, Я. Угер и др.), придерживавшееся идей демократического социализма, “социализма с человеческим лицом” [1. S. 46], (см. также: [27]).

Что касается политической базы консервативного течения чехословацкого партийно-государственного руководства, то с самого начала 1989 г. она суживалась весьма ощутимо; это проявлялось в ходе движений протеста, которые стали приобретать массовый характер – и сдерживать которые “властные” могли, уже прибегая лишь к силовым акциям [13–14].

С середины 1980-х годов начался процесс дифференциации и в среде “безвластных”, чехословацкое оппозиционное движение под влиянием ряда факторов подвергалось явному структурированию. Здесь к началу 1989 г. более четко определились некоторые демаркационные линии, что видно из анализа динамики изменения концептуальных положений и программных заявлений их лидеров и участников. Одна часть представителей чехословацкого оппозиционного движения – ее, на наш взгляд, можно определить как умеренно-эволюционное течение – была готова налаживать диалог с прагматиками из числа коммунистов, взяв при этом курс на “переговорную” модель демонтажа сформировавшейся во время режима нормализации системы; есть основания утверждать, что именно в их среде в целом превалировала известная установка на “неполитическую политику”. Другая же часть оппозиционеров – радикальная – придерживалась линии на преобразования, суть которых заключалась в отрицании диалога с какой-либо частью “властных” и в требованиях полной и безоговорочной отставки чехословацкого партийно-государственного руководства страны, проведении свободных выборов и формировании новых демократических органов власти исключительно на основе их итогов.

Следует подчеркнуть, что противостояние между “властными” и “безвластными” было всегда, о рельефном же проявлении размежевания можно говорить лишь относительно событий 1988 г. – проходивших в ЧССР в этом году массовых движений, связанных с юбилейными датами, а также с активизацией словацкой политической католической оппозиции. Так, 21 августа в Праге состоялась массовая демонстрация в связи с протестами против 20-летней оккупации ЧССР войсками пяти стран Варшавского договора; состоялись шествия и 28 октября – по случаю 70-летия независимости Чехословакии. Наконец, 10 декабря 1988 г. в Праге прошла демонстрация в День прав человека. Все три демонстрации закончились разгоном и арестами, а итогом последней стало принятое 22 декабря решение официальных властей впредь не допускать их вообще [13. S. 36].

Можно ли было верить в действенность подобных запретов? Ответа на данный вопрос пришлось ждать недолго: бурный ход событий уже в следующем, 1989 г., стал приобретать неконтролируемый властями характер. Но важно и другое: эти события не только разводили по разные стороны баррикад “властных” и “безвластных”, они по-своему дифференцировали все более радикализующихся последних.

1989 г. в Чехословакии начинался неспокойно. В первой половине января, в годовщину подписания “Хартии 77”, ряд оппозиционных неформальных объединений выступили с более резкими политическими заявлениями, активизировалась католическая церковь, причем и в Чехии, и в Словакии [13. S. 37–38]. Созданное в сентябре 1987 г. неформальное объединение “Демократическая инициатива” в своем программном документе от 5 января 1989 г. подчеркнуло, что чехословацкий “авторитарный режим” по причинам внешнего и внутрен-

него характера был существенно ослаблен, и “переход к более демократическому способу правления” не заставит себя долго ждать. “Демократическая инициатива” выступила в поддержку широкого общественного диалога о демократическом развитии общества [13. S. 37].

15 января по призыву оппозиционных групп на Вацлавской площади в Праге должен был состояться митинг – в память о пражском студенте Яне Палахе, совершившем в январе 1969 г. акт саможжения в знак протеста против вторжения в страну войск пяти стран Варшавского договора. Власти запретили его проведение, но несмотря на это на прилегающих к площади улицах начали происходить спонтанные выступления. Полиция применила против участников акции силу, а некоторые из них, в том числе В. Гавел, подверглись тюремному заключению.

“Неделя Палаха” – семидневное (15–24 января 1989 г.) противостояние “властных” и “безвластных”, поддерживаемых католической церковью⁴, – побудило представителей чехословацкого оппозиционного движения более четко сформулировать свои позиции.

Уже 16 января на полицейские репрессии отреагировала “Демократическая инициатива” в письме Федеральному собранию ЧССР с призывом к чехословацким государственным и партийным органам начать в стране процесс демократизации. В числе предъявленных высшему законодательному органу страны требований фигурировали: “уход из политической жизни республики скомпрометировавших себя лиц”, отмена политических и кадровых привилегий и реальное равенство граждан перед законом; проведение в жизнь последовательных демократических реформ в политической и экономической сферах; освобождение узников совести и др. [22. S. 77–78].

Одной из первых на жесткие действия пражского режима откликнулась “Хартия 77”, проповедовавшая с момента своего возникновения принцип “неполитической политики” и ориентированная на защиту прав человека и гражданина и моральный протест [30]. Один из оставшихся на свободе ее “спикеров” (ротуруемых руководителей) 22 января 1989 г. подписал документ “К январским событиям в Праге”; в нем хартистами впервые открыто ставился вопрос об отставке тех представителей государственной власти, “которые несут ответственность за плачевное состояние чехословацкого общества”, и замене их “политиками, способными начать широкий общественный диалог” [30. S. 353]. Однако явный дрейф, как указывает К. Дурман, в сторону “политической активности” [22. S. 426] сопровождался оговорками, что “Хартия 77” “не является политической организацией” и не может “предложить конкретные модели политического устройства”. “Ее опыт, – отмечалось в документе, – это опыт возможного плюрализма и *диалога* (курсив мой. – Э.З.) различных политических и общественных позиций, убеждений и идейных ориентаций; его она могла бы предложить в качестве своего скромного вклада в неизбежный и охватывающий все общество диалог” [30. S. 354].

Тем самым “Хартия 77” в очередной раз позиционировала себя как “неполитическое” неформальное объединение и настойчиво предлагала правящему

⁴ 20 и 21 января кардинал Ф. Томашек направил письма главе федерального кабинета министров Л. Адамецу с осуждением действий официальной власти против демонстрантов, в которых призывал руководство страны “встать на путь честного диалога государства с церковью и всеми гражданами, причем немедленно!” [28. S. 54].

режиму свою “помощь” в организации диалога, который, учитывая требование отставки скомпрометировавших себя представителей правящей верхушки, не мог не носить политического характера. Отсюда и очередной пароксизм репрессивности со стороны “властных”, вызвавший широкий резонанс за рубежом.

Не менее определенно по сравнению с хартистами выразило свою позицию в связи с январским противостоянием основанное 15 октября 1988 г. неформальное объединение “Движение за гражданскую свободу”⁵. В “Заявлении участников Движения за гражданскую свободу” от 26 января 1989 г. содержались требования немедленно освободить задержанных в дни проведения “Недели Палаха” и всех остальных политзаключенных, создать федеральную парламентскую комиссию по расследованию действий полиции, прекратить репрессии и начать равноправный диалог и переговоры [31. С. 86–87]. В аналогичном ключе прозвучали и призывы неформальной группы “Инициатива деятелей культуры” в письме от 26 января на имя премьера Адамеца [28. С. 56].

Кардинальный перелом в деятельности чехословацкой оппозиции был достаточно точно уловлен “властными”. Так, в письме от 1 февраля 1989 г., направленном секретариатом ЦК КПЧ низовым партийным организациям с информацией о деятельности независимых гражданских инициатив, говорилось о сформировавшемся в стране некоем союзе нелегальных групп [34. С. 27]. «Нелегальные группировки, – указывалось в нем, – перешли от позиций “моральных и демократических обновителей социализма” к открытым призывам деструкции социализма и его замены политической и экономической системой по образу буржуазных обществ» [34. С. 27].

Вслед за этим последовали предписания властей ужесточить административные меры против оппозиции. 6 февраля 1989 г. Президиум ЦК КПЧ направил по телетайпу в низовые партийные организации письмо о мерах против деятельности независимых гражданских инициатив. В шести его позициях были расписаны сферы предполагаемой деятельности нелегальных структур, контроль за каждой из них закреплялся за ответственными партаппаратчиками, определялись даты их отчетов о проделанной работе⁶ [34. С. 36].

В ответ на принимавшиеся правящим режимом контрмеры 15 февраля “Хартия 77” еще раз подтвердила свою ориентацию на “неполитическую политику”, подчеркнув при этом, что она “не стремится быть ни политической оппозицией, ни идейной платформой подобной оппозиции” [30. С. 355]. Этот документ ограничивался требованием наладить диалог со всеми слоями общества, однако конкретная программа диалога хартистами в этот раз уже не

⁵ В манифесте “Демократия для всех” от 15 октября 1988 г., извещавшем о создании “Движения за гражданскую свободу”, впервые прозвучало требование ликвидации четвертой статьи Конституции ЧССР о руководящей роли КПЧ в государстве. Документ также содержал положения о радикальной экономической реформе с утверждением различных форм собственности и поддержке частного предпринимательства средних слоев общества, о новой Конституции и восстановлении правового строя с акцентом на гражданские права и свободы, декларировалась свобода вероисповедания, независимость профсоюзов, возвращение Чехословакии в Европу, ставился вопрос о начале переговоров о выводе из Чехословакии советских войск и др. [31. С. 25–34], (см. также: [32. С. 166; 33. С. 26–27]).

⁶ Особо следует подчеркнуть, что в числе ответственных за данное мероприятие указан один из главных будущих участников диалога с Гражданским форумом М. Чалфа [34. С. 36].

предлагалась. Подобный шаг мотивировался, на наш взгляд, соображениями тактического характера. В умеренности данных предложений, как представляется, не последнюю роль сыграли массивированные контрмеры, принимавшиеся официальными структурами власти против оппозиции. К тому же к этому времени некоторые политические функции были предусмотрительно переданы “Хартией 77” другим независимым гражданским инициативам. В этом плане уместно привести замечание чешской исследовательницы Б. Цисаржовской о том, что “Движение за гражданскую свободу” «являлось своего рода политической модификацией “Хартии 77”» [31. S. 11].

На следующий день, 16 февраля, свою версию решения сложившегося в стране положения предложило “Движение за гражданскую свободу” в документе “Пути к демократии”. Представители “Движения” требовали “ухода в отставку тех представителей политического руководства страны, которые несут ответственность за сложившееся в обществе положение, которые продолжают ограничивать возможности для диалога и препятствуют проведению коренных политических и экономических преобразований” [30. S. 93; 34. S.131–132]. “Движение за гражданскую свободу” провозглашало себя “сторонниками широкого общественного диалога как единственного средства восстановления доверия и инициативы в обществе”. При этом общественный диалог трактовался как “разговор всех со всеми о пути к демократии”, из которого “никто не может быть исключен” [31. S. 93; 34. S. 132].

Важнейшей формой проявления роста гражданского неповиновения стали подписные акции: в январе – феврале 1989 г. против действий полиции во время мероприятий, посвященных памяти Я. Палаха; позднее – в поддержку освобождения из тюрьмы В. Гавела [33. С. 30]. Один из таких документов – “Петиция чехословацких граждан в связи с событиями 15–21 января” – адресовался ФС ЧССР, президенту, председателю правительства ЧССР, Комитету чехословацкой общественности по правам человека, Чехословацкому телеграфному агентству и редакции газеты “Rudé právo”. Знаменательным ее мотивом явилась не только констатация протеста “безвластных” против незаконных действий официальных властей во время “Недели Палаха”, но и переход к изложению “программы действий”. «Решительно требуем, – говорилось в сопроводительном письме от 2 февраля 1989 г. к “Петиции”, – немедленно начать открытый широкий общественный диалог о причинах и возможностях прекращения и предотвращения экономического и морального распада, затронувшего в последние десятилетия чехословацкое общество» [29. S. 123]. Следует подчеркнуть, что к 15 февраля 1989 г. “Петицию” подписали 3367 человек [29. S. 130], а к 30 апреля – 5066 человек [16. S. 58]. Как и следовало ожидать, реакция партийно-государственного руководства на подобные действия была предсказуемой – они квалифицировались как “подрыв власти”.

И все же “Неделя Палаха” примечательна другим – она явилась импульсом активизации широких кругов общественности, в частности студенчества. Двадцать лет – время вхождения в общественную жизнь нового поколения, и, как показали дальнейшие события, память о трагической гибели студента Палаха не только стала источником стремления по-новому устроить жизнь, не доверяя власти, но и не позволила в полной мере довольствоваться трудно понимаемым и воспринимаемым лозунгом “неполитической полити-

ки”⁷. Можно утверждать, что прологом ноябрьских “десяти дней” (известная метафора Т.Г. Эша о том, что революция в Чехословакии проходила в течение десяти дней) стали январские “семь дней”.

События зимы 1989 г. получили разные оценки за границей, в первую очередь в СССР. В одной из аналитических записок В.В. Загладина для Политбюро ЦК КПСС, составленной им по итогам официального визита в ЧССР во время Совещания по общеевропейскому дому в Праге 30 апреля⁸ – 2 мая 1989 г., подчеркивалось, что его многочисленные встречи с чехословацкими коллегами – а это были как раз представители “властных” – “настраивают на очень серьезный лад” [19. z89aprg31doc]. Положение в Чехословакии характеризовалось собеседниками Загладина следующими настораживающими фразами: “Говорим о перестройке, но делаем мало, особенно в плане демократизации” (член Секретариата ЦК КПЧ Р. Рогличек); “Страна быстро движется навстречу каким-то серьезным событиям. Процесс этот идет сам собой, стихийно. Мы им не управляем и управлять не умеем. По словам собеседника, таково мнение и Л. Адамеца” (советник премьер-министра Я. Седлак); “Очень серьезное положение, выхода пока не видно, концепции нет” (кандидат в члены Президиума ЦК КПЧ, первый секретарь Пражского горкома КПЧ М. Штепан – одна из самых одиозных фигур партаппарата) [19. z89aprg31doc].

В политическом плане, как указывал Загладин, практически все его собеседники, хотя и в разных формах, поднимали три проблемы: отсутствие перестройки в партии, которая продолжает работать по-старому; трудности в руководстве партии и государства; слабая работа в массах. «Что касается первого, – писал Загладин, – то, как отмечали собеседники, здесь действует “синдром 1968 года”, с которым соединяется “синдром перестройки»» [19. z89aprg31doc]. Далее констатировалось, что те, кого «называли в 1968 году “здоровые силы”, спешно покидают свои старые позиции, из просоветских деятелей становятся антисоветскими. Таким уже стал В. Биляк, – хорошо, что он ушел, – но влияние на М. Якеша еще сохраняет. Сейчас ту же эволюцию прodelьывают А. Индра и Я. Фойтик. Они фактически тормозят перестройку в ЧССР, не переставая бросать тень сомнения и на перестройку в СССР. Тов. Якеш с этой линией не согласен, он хочет перестройки, хочет идти вперед, но, как говорили многие, он недостаточно тверд, да к тому же “в осаде”, – окружение на него влияет сильно и весьма противоречиво» [19. z89aprg31doc].

1 апреля 1989 г. Загладин встречался с Я. Пудлаком, весьма трезвомыслящим партфункционером, признававшим, что его страна переживает глубокий морально-политический кризис, который может быть сравним с тем, который предшествовал 1968 г. “Отличие в том, – подчеркивал собеседник Загладина, – что ныне материальное положение масс значительно лучше, чем

⁷ В 1988 г. возникли три независимые группы (“Чешские дети”, “Независимое объединение за мир” и “Клуб за мир Джона Леннона”), объединявшие преимущественно молодежь [16. S. 69]. В “Манифесте”, который приняло объединение “Чешские дети”, полностью игнорировался чехословацкий истеблишмент, а диалог с ним категорически отрицался из-за отсутствия, как подчеркивалось в документе, “достойного партнера” [16. S. 70]. С появлением организованных группировок в молодежной среде ускорились процессы политизации чехословацкой молодежи, в первую очередь студенчества (см. подробнее: [35-37]).

⁸ В документе ошибочно указана дата 31 апреля.

в 1967 г., что для чехов значит много. К тому же в Словакии достигнут большой прогресс, там это очень ценят. Однако эти позитивные факторы – на грани исчезновения. Экономически страна переживает большие сложности, фактически застой, сопровождаемый предкризисными явлениями” [19. z89apr01a doc]. На его взгляд, имелись три проблемы, требовавшие безотлагательного разрешения: отсталая структура экономики, отсталость технической базы, бюрократизм системы управления (несмотря на реформу). “В случае, если это положение будет сохраняться, – утверждал Пудлак, – неизбежно снижение жизненного уровня масс, и тогда могут возникнуть широкие массовые движения” [19. z89apr01a doc].

Оценивая состояние чехословацкого общества в целом, Пудлак пришел к следующему выводу: “В массах, причем во всех слоях общества, но прежде всего в среде рабочего класса, интеллигенции и молодежи, накопился большой заряд недовольства. В значительной мере оно вызвано, помимо осознания неблагоприятности положения, разрывом между громкими лозунгами о перестройке и пассивностью в их реализации”. Далее Пудлак обратил внимание на формирование в Чехословакии “широкой оппозиции”, указав на ее неоднородность: «Если бы действовали только враждебные группы типа “Хартии” или “Обновления”⁹, это было бы полбеды. Но наряду с ними существует значительная (до полумиллиона человек) группа бывших членов партии, которые, не примыкая к оппозиции (за исключением единиц), выражают активное недовольство и собственным положением, и положением в стране» [19. z89apr01a doc].

Не менее тревожным Пудлак считал следующее: “Одновременно настроения неудовлетворенности охватили немалое число членов партии, комсомола. И беспартийные волнуются. В случае серьезных осложнений вся эта масса может на той или иной основе объединиться” [19. z89apr01a doc]. Слова почти пророческие! Пудлак с обеспокоенностью говорил также о том, что помимо явной и даже якобы “неполитической” оппозиции ряды “безвластных” пополнялись другими сегментами общества и увеличивались за их счет. Он выражал опасения относительно неизбежного объединения всех категорий недовольных в противостоянии официальным властям, что, естественно, не могло не вызывать тревоги и беспокойства партфункционеров. В беседе с Загладиным Пудлак пронизательно заметил, что непродуманные действия властей приводили к обратному эффекту – консолидации оппозиции. «Выступления, которые имели место до сих пор (события на Вацлавской площади)¹⁰, отнюдь не были просто результатом организованных действий “Хартии”. И участвовало в них немало простых людей, желавших таким образом выразить свои настроения. Однако реакция руководства на эти выступления была неадекватной. Разгон демонстрантов полицией, носивший жестокий характер, вызвал в публике разговоры, в ходе которых руководству страны давались крайне отрицательные характеристики. Молодежь сравнивает действия властей с действиями “фашистов”, а руководство не проявило умения “рассчитывать на несколько ходов вперед», – подчеркнул он [19. z89apr01a doc].

⁹ Имеется в виду “Возрождение – клуб за социалистическую перестройку”, созданный опальными коммунистами-реформаторами в середине февраля 1989 г.

¹⁰ Имеется в виду “Неделя Палаха”, которую «практически повсюду стали называть “курорт Якеша”: сверху холодный душ, внизу – массаж дубинками» [19. z89avg07doc].

Можно утверждать, что уже с данного времени, т.е. с января 1989 г., намечается изоляция руководства партии и госаппарата не только от политически активизирующихся граждан страны, особенно молодежи, но и от рядовых коммунистов. Однако, как свидетельствуют документы, часть партаппарата в канун “бархатной” революции все же осуждала неадекватность реакции консервативно ориентированных “властных”, эскалацию полицейских методов борьбы с оппозицией. Какие же альтернативы предлагались прагматически ориентированной частью правящих структур? «Сейчас, – констатировалось собеседниками Загладина, – особенно важно действовать политическими методами, “загнуть” недовольство в дискуссии, умело их вести (курсив мой. – Э.З.). Нельзя “трагедизировать” происходящее, надо все эти процессы “банализировать” и таким путем спустить на тормозах. Но умения сделать это пока нет» [19. z89ap01a doc]. Нельзя не заметить: подобного “умения”, как показала дальнейшие события, “властные” не проявили и позже, в ноябре 1989 г.

В данной части документа важно выделить слово “дискуссия”, которое, как представляется, указывало на понимание реформистски ориентированной частью партийного аппарата необходимости и неизбежности диалога с недовольной частью чехословацкого общества. Однако ее трактовка слова была, мягко говоря, довольно своеобразной и сводилась исключительно к попыткам лишь “загнуть” бурно растущее недовольство в дискуссии, принципиально не решая тем самым накопившиеся в стране кричаще злободневные проблемы.

Итак, среди партийной верхушки в целом следует отметить полное отсутствие – даже немногим более чем за полгода до “бархатной” революции – понимания необходимости полноценного и равноправного диалога с набиравшей силу и все более громко заявлявшей о себе оппозицией. Правда, весной 1989 г. “властные” насторожились, отмечая в аналитической справке о положении в стране¹¹: “Внутренние враги при всесторонней поддержке из-за рубежа продолжают взятый ими с середины прошлого года курс на конфронтацию” [34. S. 39]. В конце 1988 г. существовало около 22 различных оппозиционных объединений [34. S. 39]. Следует отметить, что в целом в стране в августе 1989 г. развивали свою деятельность 39 независимых инициатив [16. S. 70].

Партийными аналитиками проведена в документе типологизация чехословацкого оппозиционного движения и выделены два формировавшихся в нем течения: радикальное и реформистское. Радикальное течение, по их оценкам, было представлено “Хартией 77”, “неполитичность политики” которой небезосновательно ставилась под сомнение, а инициативы хартистов по налаживанию диалога отвергались. Родственными “Хартии” в документе названы “Независимое объединение за мир”, “Общество друзей США”, “Чешские дети”, “Демократическая инициатива” и “Движение за гражданскую свободу”. Главным в их деятельности Секретариат ЦК КПЧ назвал курс “на проведение конфронтационной линии по отношению к КПЧ и государственным органам с ориентацией на массовые антиобщественные выступления. Они ориентируются в своей деятельности на интеллигенцию и молодежь, в первую очередь вузовскую, где уже проявляется стремление создать структуры,

¹¹ Документ «Информация Секретариата ЦК КПЧ о деятельности “внутренних и внешних врагов” для местных партийных организаций, кандидатов в ЦК КПЧ и других партийных и государственных деятелей» (5 мая 1989 г.).

которые могли бы заменить ССМ (Союз социалистической молодежи. – Э.З.)” [34. S. 39].

Партийные аналитики в целом верно подметили смену тактики “Хартии 77”: «Подтвердилось также предположение, что главное вражеское объединение “Хартия” останется в тени, а всю инициативу по подготовке провокационных акций она возложит на свои сателлитные, так называемые независимые инициативы»¹² [34. S. 40]. В то же время, справедливо подчеркивая попытки оппозиции вовлечь в свои планы молодых людей и студентов, Секретарит ЦК КПЧ, как показал последующий ход “бархатной” революции, сильно переоценивал возможности хартистов. Студенты приняли решение об организации демонстрации 17 ноября 1989 г. самостоятельно, принципиально не подключая к подготовке данной акции “профессиональных революционеров”, как они их иронично называли [25. S. 593]. Большим авторитетом среди молодежи пользовались представители радикальной “Демократической инициативы”: в конце октября – начале ноября 1989 г. была создана так называемая студенческая секция “Демократической инициативы”, которую возглавил М. Семин [25. S. 616].

Ко второму течению в чехословацком оппозиционном движении, согласно градации документа, относилось “реформистское”, состоявшее из “части бывших деятелей КПЧ, исключенных за свои правые взгляды, а также бывших правых членов Социал-демократической партии”. Говорилось о намерении представителей данного течения, объединившегося в “Клуб за социалистическую перестройку” (“Возрождение”) «сформировать “левый оппозиционный блок”, способный при определенных обстоятельствах оказать влияние не только на бывших и нынешних членов КПЧ, но и на часть рабочего класса» [34. S. 39]. Но этот “враг” был во многом создан искусственно. Если проанализировать документы клуба “Возрождение”, то там подобную “крамолу” обнаружить трудно – “перестройщики” вне КПЧ скорее намечали перспективу реформирования партии [38]. Но если вспомнить пословицу: “У страха глаза велики”, то окажется, что “властные” видели в качестве опасных противников и своих возможных, но так и несостоявшихся союзников. Более того, руководство КПЧ даже считало клуб “Возрождение” своим “самым большим конкурентом” [16. S. 68], (см. также: [39]).

Таким образом, партийный анализ, мягко говоря, не совсем точно отражал истинное положение дел в стане “безвластных”, поскольку реальная дифференциация проходила уже по совершенно иным критериям и параметрам: главным становился вопрос не о замене режима нормализации, которая, по мнению оппозиции, рано или поздно произойдет, а о путях и формах политических изменений, предполагавших два варианта развития событий: 1) умеренно-эволюционная, или компромиссная, модель (приверженцы “неполитической политики”, причислявшиеся аппаратчиками к “радикалам”) в режиме диалога с прагматиками из “властных”; 2) радикальная, или бескомпромиссная, модель, ориентированная на полную и безоговорочную отставку правящего режима, и безотлагательное проведение свободных демократических выборов.

¹² Об этом же говорилось и в письме М. Якеша от 18 октября 1989 г. [34. S. 55].

Действительно, в чехословацком оппозиционном движении уже дали о себе знать своими радикальными заявлениями некоторые независимые объединения. В их числе – “Демократическая инициатива”¹³, которая, на наш взгляд, без достаточных на то оснований включалась партийными аналитиками в число “сателлитов” “Хартии 77”. 26 мая 1989 г. представителями “Демократической инициативы” был самостоятельно разработан проект политической программы “Хельсинкская инициатива к демократизации Чехословакии и созданию правового государства”, в которой предлагались конкретные действия в следующем порядке: а) до 28 октября 1989 г. – даты образования независимой Чехословакии – одобрить Конституционный закон о завершении к 1 января 1990 г. деятельности ФС ЧССР, о выборах на переходный период в Учредительное собрание и о подготовке новой демократической Конституции; б) до мая 1990 г. провести выборы в Учредительное собрание; в) до 1 января 1991 г. разработать новую Конституцию и новый избирательный закон; г) завершить к 1 мая 1991 г. дискуссии; д) до 28 октября 1991 г. предложить Конституцию и избирательный закон о выборах в федеральный парламент на всенародное голосование; е) в январе 1992 г. провести выборы в Федеральное собрание [28. S. 67]. Документом прямо ставился и вопрос о ликвидации монопольного положения в стране правящей КПЧ: “Добиться проведения народной политики, которую могли бы реализовать конституционные органы, полностью лишив тем самым КПЧ руководящей силы: ей следовало занять такое же положение, какое занимала любая другая организация” [25. S. 615]. Опыт начавшихся преобразований в Москве в связи с подготовкой и проведением I Съезда народных депутатов вселял уверенность в осуществимость данной программы.

29 июня 1989 г. радиостанция “Свободная Европа” и другие зарубежные средства массовой информации передали адресованное чехословацким властям воззвание “Несколько фраз”, ставшее символом гражданского неповиновения в ЧССР. Его подписали хартисты, некоторые деятели культуры и науки (в том числе из Словакии), а также представители словацкой политической католической оппозиции. Официальные власти ЧССР сразу же объявили воззвание “манифестом контрреволюции”¹⁴ [19. z89avg07 doc].

В целом воззвание не содержало прямых требований отставки чехословацкого государственно-партийного руководства, но отрицало легитимность режима “нормализации”, введенного в стране в результате подавления Пражской весны. “Властные” дали указание собирать подписи под своего рода антиманифестом, осуждавшим воззвание. “Но дело, – как отмечал в одной из своих аналитических записок в августе 1989 г. В.В. Загладин, – шло туго; по существу никто из видных, широко известных стране деятелей науки и культуры поставить под ним свои подписи не захотел” [19. z89avg07 doc]. Тем самым призывы “властных” противостоять петициям уже не воспринимались основной массой населения в качестве директив и прямых руководств к действиям.

¹³ В октябре 1988 г. представители “Демократической инициативы” отказались поставить свою подпись под манифестом “Демократия для всех”, считая его требования слишком общими. Один из лидеров “Демократической инициативы” Э. Мандлер отметил в мае 1990 г., что этой организации “нужен был не общий манифест”, а “политическая программа” [25. S. 613].

¹⁴ 30 июня 1989 г. газета “Rudé právo” в статье “Кто сеет ветер” назвала “Несколько фраз” проявлением “петициомании” нескольких десятков антисоциалистически ориентированных лиц [1. S. 292].

Воззвание же “безвластных”, напротив, получило массовую поддержку: к середине ноября 1989 г. количество подписавших его достигло 40 тыс. человек [13. S. 55].

С начала июля предпринимались и другие совместные акции различных структур чехословацкой оппозиции. Так, 3 июля 1989 г. представители ряда независимых инициатив Чехословакии¹⁵ обратились к главам правительств и парламентам пяти стран Варшавского договора с призывом официально дистанцироваться от военной интервенции в ЧССР в августе 1968 г. [40. S. 151–152]. В этот же день “Движение за гражданскую свободу” и “Демократическая инициатива” в совместном обращении выступили с протестом против запрета властями реализации петиционного права граждан, гарантированного Конституцией и международными обязательствами ЧССР. В обращении правящий режим подвергся резкой критике за отношение к воззванию “Несколько фраз” и тем, кто его подписал [40. S. 153–154].

В это же время в связи с поспешно готовившейся властями “за закрытыми дверями” новой Конституцией ЧССР “Хартия 77” поставила вопрос о монополии КПЧ на власть, в определенной степени повторив майские положения более радикальной “Демократической инициативы”. В документе “О подготовке новой Конституции и так называемой руководящей роли КПЧ”, датированным 10 июля 1989 г., “Хартией” вносилось конкретное требование референдума по основным статьям будущей Конституции. Более того, предлагалось проведение “действительно свободных выборов” и формирование по их итогам “чрезвычайного Законодательного собрания, которому следовало поручить разработку новой Конституции” [30. S. 373]. Предлагалось решение всех проблем в рамках устоявшихся в демократических государствах конституционных процедур. Возрождение гражданского общества, плюралистической политической системы и правового государства в Чехословакии неразрывно связывалось хартистами в этом документе с “ликвидацией конституционно канонизированной руководящей роли партии и вытекающей из нее смиренной рубашки Национального фронта” [30. S. 374]. Тем самым “Хартия 77” вышла на уровень выдвижения конкретных политических требований, включавших неотъемлемые атрибуты демократических форм смены государственной власти, в том числе проведение свободных выборов.

Подобные действия оппозиции, разумеется, не оставались незамеченными “властными”. И в том же июле 1989 г. партруководство было вынуждено, на наш взгляд, совершенно справедливо признать: “Имеющийся опыт показывает, что различные оппозиционные группы достигают успеха прежде всего там, где выдвигаемые самой жизнью проблемы общества не решаются вовремя, либо же отсутствует последовательность в их решении” [34. S. 43]. “Властные” демонстрировали понимание накопившихся в стране сложных проблем, однако их представления о путях выхода из приобретающего угрожающий размах внутривластного кризиса сводились исключительно к разным путям модификации режима нормализации. При этом отношение “властных” к “безвластным” – конфронтация и отказ от любой формы диалога – выстраи-

¹⁵ “Хартия 77”, “Демократическая инициатива”, “Независимое объединение за мир”, “Клуб правовой поддержки”, “Клуб за мир Джона Леннона”, “Чехословацкий Хельсинкский комитет”, “Движение за гражданскую свободу”, “Общество друзей США”, “Чешские дети”, “Христианский союз за права человека”.

валось в прежнем ключе на фоне происходивших в соседних с ЧССР странах радикальных трансформаций. “Специфика Чехословакии, – по словам чешского историка В. Пречана, – заключалась в конфронтации между коммунистическим истеблишментом и очагами гражданского общества, из которых постепенно выкристаллизовывалась демократическая оппозиция. Отказ от предложений этой оппозиции начать диалог по вопросам демократизации системы, а также продолжение политики враждебности по отношению ко всем, кто не желал подчиняться диктату компартии, по-прежнему определяли сущность руководства КПЧ уже после падения Берлинской стены, после того, как в Польше правительство возглавил представитель Солидарности, а в Венгрии было признано правящей ВСРП право на свободное формирование политических партий и подписано соглашение о проведении свободных выборов” [33. С. 34].

Относительно “тихое” в политическом отношении лето в Чехословакии, по видимости, мало кого успокоило. Примечателен в этой связи тревожный тон уже приводившейся выше аналитической записки В.В. Загладина (7–28 августа 1989 г.). Менее чем за три месяца до начала “бархатной” революции в документе акцентировалось внимание на “широко распространенных среди простых людей (и высказываемых вслух) настроениях разочарования, неуверенности”, проявившемся в среде интеллигенции “чувстве безысходности, отсутствия перспективы”. “Если судить по общему настрою людей, – писал Загладин, – по рассказываемым грубым, направленным против руководства анекдотам и т.д., то обстановку можно сравнить с ситуацией примерно 1966–1967 гг. (которую я хорошо помню)” [19. z89avg07 doc].

Сложившуюся в конце лета 1989 г. ситуацию в ЧССР, как указывал Загладин, «собеседники (вне зависимости от их положения) характеризуют как “предкризисную”, а некоторые – как “скрытый (замаскированный) кризис” (Я. Мачек), который проявляется во всех сферах жизни общества. Наиболее оптимистично держался М. Штефаняк (близкий к В. Биляку), но и он, многозначительно заявив, что “социализм мы разваливать не собираемся”, также говорил о “нарастающих трудностях»» [19.z89avg07 doc].

Комментируя настроения в обществе, собеседники Загладина отмечали, что “люди чувствуют себя обманутыми”. Объявленное в конце 1987 г. намерение нового лидера ЦК КПЧ М. Якеша, сменившего Г. Гусака на посту генсека [41; 42], приступить к перестройке и демократизации “вызывало волну надежд”. Но уже к середине 1989 г. стало очевидно, что эти “надежды не оправдываются. Заметных перемен не произошло, а те, которые имели место, носили во многом формальный или чисто словесный характер, противоречили реальным действиям руководства”. Так, “именно под аккомпанемент общих разговоров о демократизации участилось применение жестких административных мер против оппозиции и шире – всех несогласных. Предпринимавшиеся поначалу попытки начать диалог с интеллигенцией и молодежью иссякли – нет умения вести диалог (об этом с большой горечью говорил Б. Кучера). Экономическая реформа идет медленно и ощутимых перемен, в особенности для рабочего класса, не приносит. Отсюда – разочарование, апатия, рост недоверия к руководству КПЧ (что теперь иногда проскальзывает и в прессе, и через письма читателей), учащаются случаи выхода из партии, прежде всего – рабочих и молодежи” [19. z89avg07 doc].

Что касается готовящейся чехословацкими официальными властями новой Конституции – важного поля столкновения “властных” и “безвластных”,

равно как и возможной платформы для их плодотворной дискуссии, – то участвовавшие в этой работе Б. Кучера и В. Янку свидетельствовали: поправки незначительны, фактически они, в большинстве своем, фиксировали то, что уже реально имело место. В начале 1989 г. много разговоров шло о реформе избирательной системы (состязательность кандидатов), о чем на Пленуме ЦК КПЧ говорил М. Якеш. «Но после выборов в СССР, – замечает Загладин, – соответствующее место из публикации его доклада было изъято, а на местах партийные работники прямо говорят: состязательность “подорвет их позиции”. Б. Кучера рассказывал, что все это со временем вызывает крайне негативные настроения в Федеральном собрании. После съезда Народных депутатов СССР там ширятся разговоры о том, что парламент должен играть более активную и независимую роль, не просто “штамповать” чьи-то решения» [19. z89avg07 doc].

В целом, по словам собеседников Загладина, “имеет место своего рода раскол общества. Б. Кучера весьма определенно говорил о необходимости его преодоления, сплочения людей. Затяжка этого процесса может быть пагубной – она способна привести к объединению значительной и прежде всего интеллектуальной части общества, а также части рабочего класса на платформе, враждебной руководству” [19. z89avg07 doc].

Факты и документы показывают, что в чехословацком обществе эти процессы уже происходили, а если учесть, что в ряде стран, введших 21 год тому назад свои войска в Чехословакию, реформы и более радикальные преобразования шли куда более быстрыми темпами, осень 1989 г. обещала стать весьма и весьма жаркой. Пути выхода из кризиса виделись “властным” в следовании проторенными в годы нормализации способами. Вместе с тем некоторые из них уже смело критиковали ситуацию, когда борьба “против идей и действий правых ведется старыми, в основном милицейскими методами” [19. z89avg07 doc]. При этом Загладин обращал внимание на следующее: «Собеседники не были едины в том, нужны такие методы или нет (так, М. Штефаняк решительно “за”; В. Янку считал, что они только вредны, ибо “создают фальшивых героев” и т.д.). Но все сходились на том, что в конечном счете их применение не дает нужных результатов... Во многом потому, что они не дополняются активной работой в массах, конструктивным диалогом с теми, кто недоволен ситуацией в целом или какими-то ее сторонами, но не примыкает к правым или лишь частично разделяет их позиции. Идеологическая работа подменяется повторением старых схем и голословным по существу осуждением всех несогласных или критикующих» [19. z89avg07 doc]. Как следует из документа, часть партаппарата не исключала “конструктивного диалога” с недовольной частью общества, не распространяя его на “правых”, т.е. представителей чехословацкого оппозиционного движения. И иного выхода из сложившейся ситуации, кроме как активизации “работы с массами”, “властные” накануне “бархатной” революции, пожалуй, себе просто не представляли и представить не могли.

Загладин в начале августа 1989 г. еще раз подтвердил наличие полярных течений в партийном руководстве: “...большинство нынешнего (т.е. чехословацкого. – Э.З.) руководства категорически против любых корректив в отношении прошлого. Психологически это можно понять: ведь если такие коррективы вводить, то многим придется уходить” [19. z89avg07 doc]. По его оценкам, если говорить о количественных характеристиках консервативного течения пражского режима, то оно, во-первых, составляло большинство, а во-

вторых, стремилось любыми путями сохранить в ЧССР status quo. «Получается так, – констатировал Загладин, – что представители “самых здоровых сил” 1968 г. занимают сейчас наиболее консервативные, а в чем-то и антисоветские позиции» [19. z89avg07 doc].

Поэтому столь внимательно прислушивался Загладин к тем, кто в принципе мог бы взять на себя задачу реформирования общества. В их числе был, к примеру, Я. Седлак, советник председателя федерального правительства Л. Адамеца. Формулируя свою личную оценку политической ситуации в ЧССР, он характеризовал ее как “затишье перед бурей” [19. z89avg07 doc]. По его мнению, “единственное, что пока что сдерживает проявление активного недовольства – сравнительно благополучное социально-экономическое положение. Продовольствия хватает, положение с промтоварами, хотя и несколько хуже, чем в недавнем прошлом, но все же, в сравнении с другими социалистическими странами, благополучное” [19. z89avg07 doc], (см. также: [43]).

В.В. Загладин приводит мнения экономистов – сотрудников Института прогнозирования ЧСАН (в то время там работали В. Клаус, В. Длоуги, М. Земан, Т. Ежек и др.), который возглавлял В. Комарек. Они указывали, в частности, на архаичность структуры экономики, нуждавшейся в корректировке, которая “пока не осуществляется (отчасти в силу опасения, что структурные перемены, могущие затронуть 200–300 тыс. рабочих, вызовут в стране серьезное недовольство. Эта проблема становится тем более острой, что предстоит конверсия военного производства)” [19. z89avg07 doc]. Говорилось также о медленном обновлении производственного аппарата, вследствие чего усугублялась отсталость технической базы промышленности, указывалось на рост разрыва в техническом и технологическом уровне с Западом. «В результате стремления, исходя из политических мотивов, во что бы то ни стало поддерживать высокий уровень жизни, доля накоплений недопустимо снизилась – идет “проедание” экономической базы страны», – констатировали собеседники Загладина [19. z89avg07 doc]. По оценкам Института прогнозирования, «еще два-три года даже при подобном развитии экономика “может продержаться на плаву”. Но затем, если не принять серьезных мер, наступит кризис и в производстве, и в снабжении населения» [19. z89avg07 doc].

Во время встреч отмечалось, что для разработки мер по выходу из существующего положения нужен серьезный критический анализ, что якобы встречает понимание в правительстве. Однако предпринимавшиеся чехословацким кабинетом министров попытки провести такой анализ на реалистической основе встречали “противодействие со стороны руководства партии (не желающего акцентировать проблему ошибок и просчетов недавнего прошлого)” [19. z89avg07 doc]. В целом, говоря об экономических проблемах, все собеседники Загладина не скрывали своих сомнений в будущем, а некоторые – открытого пессимизма¹⁶ [19. z89avg07 doc].

Делая выводы о проблемах внутреннего положения ЧССР и отношении к советской перестройке, Загладин выделил несколько разных уровней подхо-

¹⁶ В аналитической записке отмечалось: «Постепенный рост напряженности в экономике ощущает население, что заметно не только по разговорам. Повседневные опросы (результаты которых публиковались лишь частично) показывали: примерно две трети людей считали, что их экономическое положение не улучшается, а около трети – констатировали его ухудшение. Респондентами отмечалась также и “неясность перспектив”» [19. z89avg07 doc].

да. «Что касается руководства, – утверждал он, – то отношение к перестройке в целом, как можно судить по словам товарищей, по существу отрицательное. Но прямо, вслух, тем более в беседах с советскими людьми, об этом не говорится. Мои собеседники, в том числе некоторые рядовые сотрудники партийного аппарата, включая работников ЦК, с осуждением говорили о двойственности или даже тройственности суждений в отношении перестройки со стороны руководства:

– нам напрямую говорят о поддержке перестройки; в последнее время высказывают и озабоченность в связи со встречающимися трудностями и негативными процессами;

– в своем кругу считают наши действия отходом от марксизма и принципов социализма;

– публично в самой Чехословакии общие фразы в речах и в печати в поддержку перестройки сопровождаются все более частой и открытой, хотя и анонимной, критикой наших идей, “нового мышления”, некоторых наших оценок международного положения (например, тезиса о постепенном размывании “образа врага” на Западе, чему была посвящена специальная статья в “Руде право”). В печати активно воспроизводятся любые сообщения о наших трудностях и негативных явлениях, тогда как позитивного материала крайне мало» [19. z89avg07 doc].

Вместе с тем «на другом уровне – рядовые граждане, ученые, журналисты – в большинстве своем (хотя люди и обеспокоены негативными явлениями, просят разъяснения) искренне и с глубоким сочувствием относятся к перестройке, по-прежнему связывают свои надежды на лучшее будущее с ее успехом. Нередко можно было слышать: “Если у вас перестройка сорвется, и нам конец”. Правда, в определенной части общества, которую можно назвать мещанской (работники торговли, сферы обслуживания) отношение к нам скептическое, часто недружелюбное, даже враждебное» [19. z89avg07 doc].

Следует подчеркнуть отмеченные Загладиным оценки чехословацким партийно-государственным руководством крушения коммунистических режимов в Венгрии и Польше: «Оценки (сверху) однозначные: реставрация капитализма. Говорят: Чехословакия “попала в клещи”. Беспокойство товарищей можно понять. Однако, к сожалению, полагают, что ход событий в Польше и Венгрии – результат нашей перестройки, которая-де содействует “размыванию” социализма» [19. z89avg07 doc].

Свой аналитический материал Загладин заканчивает так: «Конечно, имеющиеся трудности не следует преувеличивать; руководство партии и государства пока держит ситуацию в руках, возможности для решения существующих проблем есть. Но вопрос в том, чтобы не опоздать с таким решением. Кстати, об опасности запоздания в решении назревающих задач говорили и многие чехословацкие друзья. Анализируя опыт Польши и Венгрии, они ссылались, в частности, на то, что корни возникшей там ситуации во многом именно в запоздании с решением давно назревавших и незамеченных или запущенных проблем, которые, постепенно накапливаясь, и создали опасную ситуацию. Б. Кучера сформулировал одну из ближайших задач так: необходимо преодолеть “постоянное опаздывание”» [19. z89avg07 doc].

Во многом предсказанные в данном документе кризисные процессы не заставили себя долго ждать. 20 октября 1989 г. некоторые оппозиционные группы (“Демократическая инициатива”, “Движение за гражданскую свободу” и

“Возрождение”) выступили с совместным заявлением в связи с очередной годовщиной образования Чехословакии. В нем говорилось: “Мы будем выступать с требованием широкого общественного разговора в качестве первого и необходимого шага на пути к формированию правительства национального доверия”. “Настоящее оздоровление отношений, – по мнению составителей документа, – может проводить только правительство, сформированное на основе свободных демократических переговоров и свободных выборов. Спасти республику невозможно без правительства национального доверия” [31. S. 229]. Следовательно, сложившееся в стране положение, по мнению представителей трех независимых инициатив, уже не могло быть изменено существующим правительством, задача выведения страны из кризиса возлагалась на новое правительство национального доверия, сформированное по итогам свободных выборов.

В первой половине ноября 1989 г. представителями ряда оппозиционных объединений (“Чехословацкая демократическая инициатива”¹⁷, “Движение за гражданскую свободу”, “Независимое объединение за мир” и “Возрождение”) был разработан черновой вариант “Обращения об учреждении Координационного комитета чехословацкой политической оппозиции”, в котором шла речь о намерении “объединить свои действия с тем, чтобы добиться преобразования современной авторитарной Чехословакии в плюралистическое демократическое государство с процветающей рыночной экономикой, справедливой социальной политикой и гарантированными гражданскими свободами”¹⁸. Планировалось в максимально сжатые сроки учредить “репрезентативный Национальный и гражданский комитет, объединяющий представителей всех слоев населения, способный формулировать, отстаивать и добиваться реализации своих интересов” [31. S. 242]. При этом Координационный комитет чехословацкой политической оппозиции намеревался “регулярно вести консультации о концепции своей деятельности с круглым столом оппозиции, объединяющим все независимые группы. Вместе с тем он хотел бы также сотрудничать с отдельными лицами и деятелями в официальных учреждениях и структурах, если эти деятели и отдельные лица проявят интерес к подобному сотрудничеству”, планировал поставить перед Национальным и гражданским комитетом задачу составить перечень предложений, нацеленных на вывод страны из глубокого кризиса. Комитетом предполагалась подготовка заявления высшим государственным органам, в котором должно было содержаться требование разработки действительно демократического проекта новой Конституции [31. S. 241–242]. Проект намечал контуры радикальных демократических преобразований в Чехословакии. При этом в “Обращении” тезис о свободных выборах, в отличие от совместного заявления от 20 октября, уже не фигурировал. Следует отметить, что некоторые чешские исследователи рассматривают предложения по созданию конкретных руководящих организационных форм чехословацкого оппозиционного движения в качестве прообраза Гражданского форума [31. S. 17].

¹⁷ В сентябре 1989 г. “Демократическая инициатива” была переименована в “Чехословацкую демократическую инициативу”.

¹⁸ В архиве Р. Баттека хранится документ более раннего периода (октябрь 1989 г.), в котором также шла речь о создании Координационного комитета чехословацкой политической оппозиции [40. S. 194-195].

Казалось бы, начался всего лишь очередной круг согласований, увязываний, надежд... Тем более что подготовительная работа по созданию Координационного комитета чехословацкой политической оппозиции затягивалась, и в итоге до 17 ноября 1989 г. он так и не появился. Причины – не только в непрекращавшихся репрессиях, но и в расхождениях в самой оппозиционной среде по тактическим вопросам [31. С. 15–18].

Партийные же круги готовились не к переговорам, “круглым столам” или диалогу. В циркуляре от 18 октября 1989 г., переданном практически за месяц до начала “бархатной” революции по телетайпу, генсек ЦК КПЧ М. Якеш извещал первых секретарей краевых (местных), районных (окружных) комитетов КПЧ и КПС о внутривластном положении страны и деятельности “внутреннего противника” [34. С. 54–58]. В нем обращалось внимание на следующее: «Так называемые независимые группы и их представители во главе с “Хартией 77” пытаются в настоящее время объединить свои силы и создать “единую оппозиционную партию”». Кроме того, как указывалось в документе, “нелегальные структуры при активной поддержке зарубежной пропаганды” готовят на 28 октября 1989 г. “открытую конфронтацию с государственной властью” [34. С. 55]. Далее Якеш рекомендовал всемерно им противостоять.

В документе “Внутрипартийная информация № 84 о положении в краях 27–29 октября 1989 г.” сообщалось о состоявшемся 28 октября 1989 г. на Вацлавской площади митинге, в котором приняли участие от 800 до 1000 человек, скандировавших лозунги “Хотим новое правительство!”, “Хотим свободу!”, “Да здравствует “Хартия”!”, “Да здравствует Гавел!”, “Да здравствует Масарик!” и др. Всего в этот день в Праге в подобных акциях участвовали до 3 тыс. человек; при этом западные СМИ называли гораздо большее количество участников [44]. “Их выступления, – оптимистически отмечалось в документе, – по существу не находили поддержки граждан, наблюдавших за происходящим” [34. С. 58].

Общий тон данного, равно как и большинства других партийных документов того времени – страх и боязнь, неумение выйти за рамки штампов и догм, но одновременно и надежда, что ситуация разрешится сама собой, если умело использовать административные рычаги. Действительно, ведь так уже не раз было в течение более чем 20-летней “нормализации”...

Констатация правящим режимом кризисного положения в обществе в чем-то объективна и сходна с оппозиционной. Однако пути выхода из этого положения – диаметрально противоположные. Если партийное руководство видело единственную возможность в приведении в действие административных рычагов, обвиняя себя в недостаточной активизации работы с массами, то оппозиция – в коренных политических преобразованиях: одними – в радикальной, другими – в эволюционной форме. Однако “делиться” властью с “безвластными” по примеру польской или венгерской “братских партий” пражский режим по-прежнему не хотел, как и идти на малейший с ними компромисс.

В этих условиях 27 июня 1989 г. и 30 октября 1989 г. Адамец, по его словам, направлял М. Якешу письма, в которых выражал несогласие с медленным ходом и половинчатостью реформ, указывал на невозможность реализации радикальных перемен в управлении экономикой без параллельной перестройки политической системы, на необходимость принципиальных кадровых изменений в руководящих партийных органах. “Я, – утверждал Адамец, – высказывался за конструктивный диалог с обществом в поиске выхода из углуб-

лявшегося и становившегося все более опасным кризисного развития” [25. S. 557–558; 45]. Летом 1989 г. Адамец даже предпринял в данном направлении конкретные шаги. Так, на свой страх и риск, через своего советника О. Крейчи он установил контакты с группой “Мост”, которую представляли М. Коцаб и М. Горачек, поддерживавшие связь с В. Гавелом [46]. О настоятельности предотвращения конфликтов государственной власти с протестующими гражданами и необходимости начала диалога Адамеца, по его словам, убедили в 1989 г. январские и другие демонстрации на Вацлавской площади. После этого он «призывал руководство ЦК КПЧ к “неформальному диалогу”, в частности с клубом “Возрождение” и другими”». “Однако, – констатировал Адамец, – поддержки я не нашел и периодически подвергался личным нападениям, подозрениям и недоверию, которые привели меня к решению отказаться от необходимости разделения ответственности за тяжелые последствия подобной политики для будущего нашей страны” [25. S. 558]. М. Горачек, один из представителей оппозиционной группы “Мост”, говоря о роли Адамеца в тот период, подчеркивал в апреле 1990 г.: “Сегодня никто не признает, что он рисковал абсолютно всем” [25. S. 588; 46]. Необходимо отметить, что представители “Демократической инициативы” выступали против проекта “Моста” [25. S. 616].

Между тем радикальной частью чехословацкого оппозиционного движения был сделан первый шаг на пути к созданию реальной многопартийности в ЧССР. 11 ноября 1989 г., т.е. за неделю до начала “бархатной” революции, “Чехословацкая демократическая инициатива” представила в МВД ЧССР просьбу о своей регистрации в качестве независимой политической партии. В прилагавшейся программе содержались следующие требования: формирование переходного правительства национального сосуществования, завершение к 1 февраля 1990 г. деятельности ФС ЧССР и проведение свободных выборов в переходный представительный орган, на который возлагалась разработка новой Конституции [40. S. 200]. Безоговорочная отставка правительства, а не диалог или переговоры с ним или с его частью – такова суть концептуальных установок данного наиболее радикального с 1988 г. неформального объединения.

Конец октября – начало ноября 1989 г. – время радикализации студенческого движения. В конце октября, в связи с 71-й годовщиной образования Чехословакии, появляется независимое студенческое движение “Stuha”, требовавшее участия студентов в демократизации общества, создания студенческих организаций вне рамок официального ССМ, ликвидации дискриминации при поступлении в вузы, восстановления академических свобод [13. S. 69; 36; 47. S. 68]. В середине ноября, независимо друг от друга, активизировались студенческие движения в Праге и Братиславе [41. S. 68; 48. S. 41]. 15 ноября 1989 г. состоялся актив студентов Театральной академии музыкального искусства, на котором было объявлено об упразднении факультетской организации ССМ, она, как обосновывали участники заседания свое решение, не имеет права представлять всю молодежь [47. S. 68]. При этом звучали требования отмены преподавания марксизма-ленинизма в вузах страны [16. S. 92] и ликвидации руководящей роли КПЧ [47. S. 68]. Это было время рождения и других неформальных молодежных организаций: учащиеся средних школ создают “Независимое объединение молодых”, а студенты – “Независимое объединение студентов”.

Между тем “властные” все больше и больше становились похожими на “генералов без солдат” [49. S. 160], постоянно твердивших о своей готовнос-

ти вести непрерывную войну “единым фронтом”, которого не было, а инициативные, по-новому мыслящие люди оттеснялись в руководстве партии на задний план.

Различные составные части чехословацкого общества (“властные” и “безвластные”), фракции партийно-государственного руководства (консерваторы и прагматики), а также разные сегменты чехословацкого оппозиционного движения (политические и исповедывавшие принцип “неполитической политики”) так и не смогли вплоть до 17 ноября 1989 г. достичь соглашения и пойти на взаимоприемлемый компромисс – не только между собой, но зачастую и внутри себя. При этом отсутствие консенсуса в оппозиционном движении послужило причиной того, что и в период “бархатной” революции, когда нужна была сплоченность в выработке программных установок и конкретных шагов борьбы с правящим режимом, возникали разные, порой казусные ситуации, которых при наличии консенсуса можно было бы легко избежать.

Итак, к 17 ноября 1989 г. в Чехословакии “властные” с тревогой ощущали, а “безвластные” признавали неизбежность кардинальных политических перемен. Причем одна часть “властных” – консервативная – видела способы их сдерживания на путях ужесточения режима нормализации и упрочения такого “развитого социализма”, от которого отказывались даже в СССР. Другая же – прагматическая – часть признавала, что одной модернизацией экономики обойтись уже невозможно, и готова была на диалог с “безвластными”.

Чехословацкое оппозиционное движение было едино в главной цели – демонтаже режима нормализации, но не в средствах и в путях ее достижения. При этом одна их часть – приверженцы “неполитической политики” – до событий 17 ноября (да и долгое время спустя) предполагали осуществлять этот демонтаж в режиме диалога с прагматическим течением государственного руководства страны, ориентируясь на умеренно-эволюционный путь развития ЧССР.

Другая часть чехословацкой оппозиции – сторонники радикальной модели трансформации чехословацкого общества – выступала с требованиями безоговорочной отставки правящего режима, безотлагательного проведения свободных выборов и формирование на основе их итогов новых демократических органов власти.

Ответ на вопрос, какая из этих позиций победит, предстояло дать “улице” – начиная со студенческой демонстрации 17 ноября 1989 г. и заканчивая массовыми манифестациями, собиравшими во второй половине ноября – декабре 1989 г. в одной только Праге до 750 тыс. человек. Именно это движение снизу и задавало в Чехословакии темп историческим преобразованиям, несколько по-иному расставляя политические приоритеты, чем это предполагалось различными направлениями в среде как “властных”, так и “безвластных”. Тем самым в чехословацких условиях релевантной оказалась метафора о “революционном творчестве масс”. И успеха добивались те деятели из рядов “безвластных”, которые попадали в тон этим ожиданиям, а затем и корректировали их.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. November 1989 a Slovensko. Chronológia a dokumenty (1985–1990) / Ed. J. Žatkuliak. Koedit.: V. Hlavová, A. Sedliaková, M. Štefanský. Bratislava, 1999.
2. Волков В.К. Узловые проблемы новейшей истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 2000.

3. *Задорожник Э.Г.* Революции 1989 года и поворот к новой региональной идентичности восточноевропейских стран (по материалам Архива Горбачев-Фонда) // *Славяноведение*. 2000. № 3.
4. *Новопашин Ю.С.* Восточноевропейские революции 1989 г.: проблемы изучения // *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие*. М., 2001.
5. *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие*. М., 2001.
6. *Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века*. М., 2001. Т. 2. От стабилизации к кризису. 1966–1989; Т. 3. Ч. 1. Трансформации 90-х годов.
7. *Яжборовская И.С.* Политологические подходы к проблематике трансформации общественного устройства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы // *Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие*. М., 2001.
8. *Prečan V.* V kradeném čase. Výběr ze studií, článků a úvah z let 1973–1993 / Eds. M. Drapala. Praha; Brno, 1994.
9. *Prečan V.* Středoevropský kontext demokratického převratu v Československu roku 1989 // *November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky. Štúdie a úvahy* / Eds. J. Pešek, S. Szomolányi. Bratislava, 2000.
10. *Tůma O.* Mezinárodní souvislosti kolapsu komunistického režimu v Československu // *Deset let soudobých dějin* / Eds. J. Kocian, O. Tůma. Praha, 2001.
11. *Колесников В.А.* Трансформация политической и конституционно-правовой системы Чехо-Словакии (80-е – начало 90-х годов). Воронеж, 2001.
12. *Barnovský M.* Vedenie KSC a KSS – od nástupu M. Gorbačova po November 1989 // *November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky. Štúdie a úvahy* / Eds. J. Pešek, S. Szomolányi. Bratislava, 2000.
13. *Československá cesta k demokracii. Chronologie událostí 1985–1989*. Praha, 1999.
14. *Chronologie zániku komunistického režimu v Československu 1985–1990* / Eds. J. Suk, J. Cuhra, F. Koudelka. Praha, 1999.
15. *Žatkuliak J.* Čo otvoril November 1989 vo sfére politickej, economickej a štátoprávnej // *November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky. Štúdie a úvahy* / Eds. J. Pešek, S. Szomolányi. Bratislava, 2000.
16. *Otáhal M.* Opozice, moc, společnost 1969–1989. Příspěvek k dějinám normalizace v Československu. Praha, 1994.
17. *Архив Горбачев-Фонда*. Ф. 1. Горбачев М.С. Оп. 1.
18. *Горбачев М.С.* Жизнь и реформы. М., 1995. Кн. 1–2.
19. *Архив Горбачев-Фонда*. Ф. 3. Загладин В.В. Оп. 1.
20. *Медведев В.А.* Распад. Как он назревал в “мировой системе социализма”. М., 1994.
21. *Черняев А.С.* Шесть лет с Горбачевым. М., 1993.
22. *Durman K.* Útěk od praporů. Kreml a krize impéria. 1964–1991. Praha, 1998.
23. *K vývoji sovětské politiky vůči státům Varšavské smlouvy. Dokumenty a materiály 1989–1990* / Eds. Z. Sládek, V. Prečan. Praha, 1999.
24. *Prečan V.* Svědectví o rozpadu “socialistického společenství”. Ukázky z memoárů Michaila Gorbačova, Vadima Medvedeva a Valerije Musatova // *Soudobé dějiny*. 1998. № 4.
25. *Deset pražských dnů. 17.–27. Listopad 1989. Dokumentace* / Eds. M. Otáhal, Z. Sládek. Praha, 1990.
26. *Verejnost' proti násiliu. 1989–1991. Svedectvá a dokumenty*. Bratislava, 1998.
27. *Marušiak J.* Nezávislé iniciatívy na Slovensku v rokoch normalizácie // *November 1989 na Slovensku. Súvislosti, predpoklady a dôsledky. Štúdie a úvahy* / Eds. J. Pešek, S. Szomolányi. Bratislava, 2000.
28. *Hlasy občanské společnosti 1987–1989. Výběr z textů a dokumentů* / Eds. J. Suk, M. Janišová, V. Prečan. Praha, 1999.
29. *Vladislav J., Prečan V.* Horký leden 1989 v Československu. Praha, 1990.
30. *Charta 77 (1977–1989). Od morální k demokratické revoluci. Dokumentace* / Eds. V. Prečan. Scheinfeld-Schwarzenberg; Bratislava, 1990.

31. Hnutí za občanskou svobodu. 1988–1989. Sborník dokumentů / Eds. R. Hlušíčková, B. Císařovská. Praha, 1994.
32. *Марьина В.В.* Чехословацкая историография: перипетии движения к “бархатной” революции (1945–1989 гг.) // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001.
33. *Пречан В.* Чехословакия на пути к демократической революции // Революции 1989 года в странах Центральной (Восточной) Европы. Взгляд через десятилетие. М., 2001.
34. Vedení KSČ o disentu a opozici. Dokumenty z ledna 1986 -října 1989 / Eds. F. Koudelka, A. Nosková, V. Prečan. Praha, 1999.
35. *Bartuška V.* *Polojasno.* Pátrání po vinících 17. listopadu 1989. Praha, 1990.
36. *Benda M., Benda M., Klíma M., Dobrovský P., Pajerová M., Pánek Š., Kříž R.* Studenti psali revoluci. Praha, 1990.
37. *Otáhal M., Vaněk M.* Sto studentských revolucí: Studenti v období pádu komunismu – životopisná vyprávění. Praha, 1999.
38. Obroda-Klub za socialistickou přestavbu. Dokumenty / Eds. Z. Kokošková, S. Kokoška. Praha, 1996.
39. *Krejčí O.* Proč to prasklo aneb Hovory o demokracii a “sametové revoluci”. Praha, 1991.
40. Čas Demokratické iniciativy. 1987–1990. Sborník dokumentů / Eds. R. Hlušíčková, M. Otáhal. Praha, 1993.
41. *Koudelka F.* Husákův pád 1987. Dokumenty k oddělení funkcí prezidenta ČSSR a generálního tajemníka KSČ a k nástupu Miloše Jakeše do čela KSČ // Soudobé dějiny. Praha, 2000. № 3.
42. *Plevza V.* Vzostupy a pády. Gustáv Husák prehovoril. Bratislava, 1991.
43. *Turek O.* Podíl ekonomiky na páde komunismu v Československu. Praha, 1995.
44. *Tůma O.* Zítřka zase tady! Protirežimní demonstrace v předlistopadové Praze jako politický a sociální fenomén. Praha, 1994.
45. Poslední hurá. Stenografický záznam z mimořádných zasedání ÚV KSČ 24.–26.11.1989. Praha, 1992.
46. *Horáček M.* Jak pukaly ledy. Praha, 1990.
47. *Rychlík J.* Rozpad Československa. Česko-slovenské vztahy 1989–1992. Bratislava, 2002.
48. Vyhlášení k 16 novembra 1989 // Proglas. Bratislava, 2000. № 3/4.
49. *Ort A.* Perestroika and Czechoslovakia // Soviet Perestroika. 1985–1993. Russia’s Road to Democracy. New York, 1995.

© 2004 г. Ф. ВШЕТИЧКА

“ЦИРК УМБЕРТО” ЭДУАРДА БАССА

Люди цирка считают свои номера искусством, и самые выдающиеся из них применяют к ним понятия чуть ли не эстетические. И это происходит не только в жизни, но и в романе Басса “Цирк Умберто” (1941). К перворазрядным фигурам, придерживающимся подобной точки зрения, принадлежат в романе бывшая звезда цирка Эдуард Волшлегер и индус Арр-Шегир. Старенького премьера навещают люди из цирка Умберто, и он в своих многословных рассуждениях говорит, помимо всего прочего, следующее: “Сама идея – это еще не все, дорогие мои, идея – это нечто возвышенное, и обязанность художника, который знает толк в возвышенном, найти для него достойную форму” (здесь и далее цит. по: [1]). Арр-Шегир идет дальше, внушая отцу Карасу: “У каждого искусства свои законы”. Оба таким образом не напрямую поднимают важнейший вопрос – по каким же законам создан роман Басса “Цирк Умберто”?

Традиционные представления о том, как должен начинаться роман, опровергает уже его зачин. Он графически оформлен в виде геометрической фигуры и адресован звездам цирка. Вступительная фраза столь же эксклюзивна, как искусство цирка, о котором идет речь в романе. Эксклюзивна и необычна.

Автор романа, охватывающего многолетнюю историю большой социальной группировки, в стремлении избежать хроникальности, прибегает обычно к сокращениям. В “Цирке Умберто” таких экономичных приемов несколько. Один из них – *Vorgeschichte* (предыстория), у романа Басса есть *Vorgeschichte*. Эдуард Басс поместил ее в третью и четвертую главы первой части и показал в ней историю цирка Умберто с момента основания до прихода туда Антонина Караса. *Vorgeschichte* обширна, что соответствует объему всего романа. В ней преобладают экзотические краски, связанные со странствиями цирка по далеким восточным землям.

Вступительная часть романа включает в себя не только *Vorgeschichte*, но и знаменательный рефрен: “Ведь ты чех”. Впервые эту фразу произносит Карел Керголец, обращаясь к старому Карасу в гамбургской корчме “У невесты моряка”. Здесь скрывается оценка, убежденность в том, что такой человек может все. Потом эти слова произносят и другие, но все в том же смысле, например Франс Штейнхауэр, Элиза фон Хаммершмит и т.д.

Вшетичка Франтишек – чешский литературовед, профессор Университета Палацкого в Оломоуци.

Рефрен пронизывает лишь кусочек текста, лишь вступление. Но эта патриотическая нота задает тональность всему повествованию. С рефреном покончено уже в начале второй части авторской констатацией, что “чешская команда” Керголеца “была чем-то вроде железной гвардии цирка Умберто”.

Рефрен имел огромное значение, потому что в атмосфере оккупации, когда вышел роман, он подчеркивал чувство чешскости и связанные с этим достоинства. Примечательно и парадоксально, что чешскость Басс прокламировал в немецком цирке и в немецком городе (действие романа начинается в Гамбурге в 1862 г.).

Рефрен не был неожиданностью для творчества Басса, потому что автор часто использовал его не только в своих “розгласках” (юмористических куплетах для радио, от чешского “rozhlás” – “радио”), но и в ряде фельетонов (см. [2. S. 77–82]).

Структуру романа помимо указанных компонентов определяют параллельные сцены. Наиболее выразительно этот прием используется в начале третьей части, а именно в первых трех главах, которые близки по стилю и связаны друг с другом темпоральным и локальным параллелизмами (мартовское воскресенье в 10 часов в Гамбурге). В них идет параллельное развитие судеб Вашека Караса и Еленки Бервитц, причем все в итоге кончается так, как это представляют себе в финале третьей главы супруги Бервитц. Параллелизмом при этом охватываются контрастные моменты, поскольку за Еленкой в одно и то же время ухаживают Паоло Ромео и молодой граф Паллачич.

Характер параллельных сцен обретают эпизоды возвращения отдельных персонажей домой, в Чехию. В седьмой главе первой части это возвращение Малины в деревню, где его никто не ждет, где он чувствует себя не в своей тарелке и поэтому опять уходит в цирк. Нечто подобное переживает и старый Карас в шестнадцатой главе второй части. Вместе с сыном он возвращается в Горную Снежну, где начинает понимать, что они были правы, поступив в цирк. Убедившись в этом с помощью соседей, он решает вернуться обратно. Судьбы людей схожи, только действие разыгрывается в разное время.

Басс прибегает к параллелизмам и в характеристике персонажей. Очень близки между собой, хоть и относятся к разным поколениям, Франс Штеенхауэр и Петр Карас, сын Вацлава. Обоим чужда среда цирка и варьете, не приросшая к их сердцу.

Частным (и комичным) параллелизмом становится, наконец, имя прославленного комика тогдашних девяностых годов, который представляется таким манером: “Я Бимбам Бимбам, первое – это фамилия, второе – имя. Но пишите это наоборот – Бимбам Бимбам, а не Бимбам Бимбам”.

Впрочем, параллелизм в ткани романа играет второстепенную роль, потому что Э. Басс построил “Цирк Умберто” по другому принципу – по принципу контрадикции, определяющей основную конструкцию всего произведения. Нисходящая линия контрадикции – судьба цирка Умберто, восходящая – карьера Вацлава Караса, главного героя романа. Период расцвета цирка Умберто пришелся на время его азиатских странствий, т.е. на предысторию романа (в *Vorgeschichte*), тогда как в самом романе Басс рисует его постепенное движение к банкротству, точнее – к превращению в театр-варьете, что означает лишь относительный и временный успех (с точки зрения основного сюжета, варьете – это нежелательная перипетия). История жизни Вацлава Караса – восходящая эволюция от мальчишеской незрелости к характеру человека, готового преодолеть любые невзгоды, преследующие сначала цирк, а потом театр. Эта линия придает произведению вид *Bildungsroman*'а, романа становления.

После краха цирка Умберто наступает эра театра-варьете под тем же названием, но это всего лишь продолжение прежнего нисходящего пути, поскольку и варьете Вашека в конечном итоге прогорает. Финальное упоминание о потенциальной конюшне Умберто – это всего лишь точка хэппи энда в конце романа (хотя здесь есть и определенная доля оптимизма вопреки всему, направленная против атмосферы оккупации – сейчас этот финал воспринимается как настоящий хэппи энд).

Пражское варьете закрывается, и прощание Вацлава Караса с этим миром в финале романа представляет собой, несмотря на внешний эффект, конечную точку падения – в какой-то мере и в плане художественности, потому что журналистская возня вокруг этой акции выбивается из стилистики произведения (история с редакторами “Голоса нации” – это в сущности рассказ, включенный в ткань романа).

Антикризисный ход действия (*antiklimaxový průbeh*) романа проявляется в его архитектонике. Цирку Басс посвятил в общей сложности тридцать восемь глав, варьете – пятнадцать, а обещанной конюшне лишь несколько слов в конце последней главы.

При том, что цирк у Басса – это одна большая семья, между ее представителями складываются весьма напряженные отношения, временные или постоянные, обретающие – как часть общей контрадикции – характер противоборств. Особой напряженностью отличаются отношения между ровесниками Вашеком Карасом и Паоло Ромео. Судьба Паоло при этом созвучна нисходящей, разрушительной линии судьбы цирка Умберто. Взаимоотношения обоих персонажей составляют историю, которая тянется полстолетия и завершается открытым столкновением между ними. Характер контрадикции носит и разрыв между Вацлавом Карасом и его женой Еленой во время пребывания в Праге, когда Елена бросает не только мужа, но и сына и возвращается в цирк. Их расставание – это противоречие частных, где нисходящую линию олицетворяет Елена (поэтому дело доходит до ее трагической смерти). Напряженные отношения связывают Вацлава Караса и его сына Петра. В то время как отец всей душой предан цирку, сын, росший слабым и болезненным, для цирка совершенно непригоден. В конце концов Петр становится экстраординарным профессором аналитической математики и геометрии в Карловом университете.

В романе Басса отмечается и контрадикция ситуаций. Это, например, сцена со старым Гансом – сначала он получает от директора в подарок за хорошую идею красный жилет с золотыми пуговицами, о котором мечтал; на другое же утро полицейские доставляют его в цирк побитого, ободранного и с ножевой раной. Положительное и отрицательное сталкиваются друг с другом.

Контрадикция проникает и в архитектонику глав – особенно наглядна здесь глава тринадцатая третьей части. В ее вступительных пассажах Басс пишет об апоплексическом ударе у Петра Бервитца, директора цирка, что означает крах предприятия. В конце главы автор цитирует письмо Яна Буреша, который предлагает цирку Умберто продолжить свою деятельность в новых условиях в Праге. Отрицательное обстоятельство сталкивается в этой главе с положительным, что подчеркивается и графически, потому что письмо Буреша набрано курсивом.

Вместе с принципом контрадикции Басс использует в романе принцип мотивный – единственный структурообразующий мотив у Басса, сквозной для всего произведения, можно определить как мотив Паллачичей. Пути и доро-

ги цирка Умберто время от времени пересекаются с венгерским графским родом Паллачичей. Это случается в общей сложности три раза, и каждое из этих пересечений происходит по-особому. В первом случае (в третьей главе первой части) граф-отец Паллачич влюбляется в пятнадцатилетнего Петра Бервитца, который, переодевшись, выступает как Мисс Сатанелла. Во второй раз (в третьей главе третьей части, т.е. опять в третьей главе) сын первого просит у Петра Бервитца, теперь уже директора цирка Умберто, руки его дочери Еленки; Бервитц его отговаривает. В третий раз (в пятнадцатой главе четвертой части, т.е. в последней главе) другой Паллачич обручается с Людмилой, внучкой Вацлава Караса, и они собираются превратить конный завод у Сегедина в конюшни Умберто. Каждый вариант мотива отличен от другого, мотив постепенно трансформируется и заканчивается хэппи эндом. Налицо классическая метаморфоза мотива.

Уже говорилось, что Э. Басс сделал из Петра, сына Вацлава Караса, талантливое математика. И это совсем не случайно, а связано с кванто-символистской тенденцией у Басса, иначе говоря, с символикой чисел, которую он применяет весьма интересно. Числовая символика связана с уже упоминавшейся тринадцатой главой третьей части, где Петр Бервитц получает аполексический удар, который лишает его дееспособности и означает конец цирка Умберто. Э. Басс, как мастер архитектоники, прекрасно знает, что самое большое несчастье должно случиться в главе *тринадцатой*. Но Басс архитектор вдвойне, поскольку упомянутое событие происходит в третьей части, а тройка всегда означает счастье, приязнь. Этот смысл проясняется в финале главы, когда бывший служащий Буреш, а ныне пражский мещанин, обращает внимание Вацлава Караса на то, что в Праге есть свободное здание для театра-варьете, что является обнадеживающим обстоятельством для Вацлава Караса и гибнущего цирка Умберто. Числам тринадцать и три Басс придает в одной и той же главе символическое значение.

В начале творческого пути, а именно в 1917 г., Басс издал сборник рассказов “Фанинка и другие юморески”. Там есть рассказ “Пестрые ковры”, примечательный двумя пророческими фигурами – слуги Франца и старого привратника. Оба следят за событиями в своем отеле и предсказывают погибель мнимому персиянину Аркавиану Керкафизу. Слуга облекает свое предсказание в лаконичную фразу: “Это все любовь! Она влезает человеку в глаза, а вылезает из кошелька.”

Подобные персонажи встречаются и в “Цирке Умберто”. Прорицателем на какое-то время становится и Ян Буреш, когда предрекает габсбургскому делу в Мексике провал: “Помни одно: если все, что говорил тогда земляк Лебеда об этих Габсбургах, правда, то это добром не кончится. Это род, на котором лежит проклятие”. Предсказаниям Буреша можно верить хотя бы потому, что он настоящий знаток истории и литературы.

Пророком в полном смысле этого слова является и Венделин Малина, который говорит над мертвым львом: “Смерть всегда любит выступать три раза”. Его слова – не пустой звук, в восьмой главе второй части друг за другом умирают маленький львенок, козел Модровоус и основатель цирка Карло Умберто.

Старый Малина – не только пророк, но увлеченный и занимательный рассказчик. Он все время рассказывает, хоть и с перерывами, всевозможные цирковые байки. Все его истории воссоздают не только атмосферу, но развитие и культуру как цирка, так и родственных ему ветвей искусства (к примеру ба-

летного, которому обучается Еленка Бервитц). Истории, не досказанные в романе Бассом и его заместителем-рассказчиком, появились позже в сборнике “Люди из кибиток”.

Венделин Малина – дух-хранитель цирка Умберто. Он настолько сроднился с ним, что все время проживает и переживает все перипетии в судьбе цирка и его “подданных”. Его переживания и чувства настолько остры, что в самые напряженные моменты он становится медиумом. Наглядный пример тому – душевный отклик на несчастье, случившееся с Петром Бервитцем. Малина первый что-то заподозрил, понял и, подталкиваемый интуицией, разыскал его в городской больнице. В роли медиума Малина выступает и после того, как Бервитца разбивает паралич. Малина возит хозяина на инвалидной коляске и по его глазам угадывает, что тот хочет сказать. Так он становится медиумом в другом смысле слова.

Он до самого конца остается медиумом – умирает тихо и спокойно вместе с цирком Умберто. Сам Басс прощается с ним вполне конструктивно – помещая его смерть в концовку первой главы четвертой части.

Венделин Малина – исключительная сюжетобразующая фигура, в романе он выполняет три релевантные функции – пророка, рассказчика и медиума.

Но протагонист романа – Вацлав Карас. Вашец, как его называют, олицетворение циркового искусства, которым он овладевал с детских лет, постепенно изучив большинство его видов. В романе он соединяет эры цирка и варьете, связанные с именем Умберто; в первой фазе, фазе цирка – в подчиненной роли, во второй – как директор варьете. Вацлав Карас является связующим звеном всех событий вокруг цирка, потому что цирковой мир доступен и воспринимается читателем через его посредничество, а иногда и его глазами. В цирке Умберто он своего рода скрещение разных линий, потому что его с самого начала знают все, а он со всеми в дружеских и деловых отношениях. Вацлав Карас – своеобразный центр жизни цирка и романа.

Эдуард Басс вставил свое произведение в своеобразную рамку – во вступительной главе публикуется сообщение о прощании с отцом Карасом, а в конце романа изображается сам акт. Эта рамка как бы обрамляет всю жизнь Караса, всю его жизненную карьеру. Но в первую очередь она связывает в единое целое всю пространную плоть романа с великим множеством событий, происшествий и историй.

Эдуард Басс приступил к созданию “Цирка Умберто” в начале оккупации. При этом он вел себя довольно необычно. Реагируя на условия оккупации и нараставшие нацистские репрессии, он в романе о немецком цирке подчеркивал терпимость и взаимное сотрудничество цирковых актеров разных национальностей. Гуманист от природы, человек из мира юмора и ветреных муз, он отзывался на усиливавшиеся преследования в своем духе – точно так же, как герои его романа.

Кроме того, он вел себя как Карел Полачек, который в период наибольшей угрозы для жизни писал свои самые оптимистические произведения. Басс был относительно близок Полачеку. Их объединяла в первую очередь профессия, оба редактировали “Lidové poviny” – Басс с 1920 г., Полачек – в 1922 г., а затем постоянно с 1933 г. (в этом же году Басс стал шеф-редактором “Lidové poviny”). Тесно связывала обоих авторов, а порой и в чем-то осложняла их отношения публицистика. С середины двадцатых годов, когда Полачек был всего лишь корреспондентом газеты, сохранилось письмо Бас-

са, адресованное ее владельцу Ярославу Странскому, где Басс так пишет о судебных репортажах Полачека: “Сегодня был крупный разговор с Карлом Полачеком о заседаниях в суде. Он говорит, что иначе не умеет, что там все похоже на гротеск, что стоит ему написать иначе, как его опять упрекнут за скуку и т.д. И главное, что ему совершенно не свойственно циничное отношение к людям. Я ему разъяснил, что это от него зависит, куда вести читателя и какие чувства в нем пробуждать и т.п. В результате он пообещал, что будет стремиться лучше владеть ситуацией и различать разного рода происшествя хотя бы интонационно” [3. S. 181].

Гораздо существеннее типологические связи между Бассом и Полачеком. Оба прибегают в своей беллетристике к двум сходным “тектоническим средствам” – к рефренам и пророческим персонажам. Рефрены сплошь и рядом использовались Бассом в “радиоотголосках”, в “Цирке Умберто” они встречаются во вступительной части. Приблизительно в то же самое время рефреном “нас было пятеро” и Полачек пронизывает свое последнее прозаическое произведение, где рефрен проникает, в результате, даже в его название. Рефрены у Басса и Полачека в известном смысле схожи – в обоих случаях они указывают на позитивные ценности и самым выразительным образом их поддерживают. Именно так, а не иначе происходит и с прорицателями. В романе Басса их несколько (Жерголец, Буреш, Малина), Полачек тоже использует подобные фигуры, но спорадически, кроме того, провидческие способности его персонажей ограничены и проявляются случайно (солдат Машталирж в “Подземном городе”, мастер портной в «Трактире “За каменным столом”»). Полачек настойчивее Басса в использовании рефренов, тот же – более последователен в выборе и применении пророческих фигур.

Рефрен и персонаж-провидец не являются равнозначными средствами; если образы провидцев встречаются довольно часто, то рефрен в прозаическом тексте довольно редкая вещь. В “Цирке Умберто” Басса используются четыре редких приема – помимо рефрена, это графически стилизованный зачин, принцип контрадикции и персонаж-медиум. Эти четыре приема вместе со всеми другими превращают текст романа в единое и хорошо скомпонованное целое. При том, что рефрен в прозе и принцип контрадикции определяют специфику “Цирка Умберто”, в них нет ничего исключительного. Рефрен, к примеру, использовал еще Ст.К. Нейман в книге очерков “С городом за спиной”, а принцип контрадикции играет существенную роль в построении “Метеора” К. Чапека. Эти авторы составляют вместе с Бассом и Полачеком своеобразный квартет – а именно квартет сотрудников “Lidov povíných”. Взаимная сыгранность упомянутых структурных факторов показывает впечатляющий творческий потенциал писателей, группировавшихся вокруг этой газеты, а также неординарность и своеобразие творческих усилий автора “Цирка Умберто”.

Перевод Л. Будаговой

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Bass Ed. Cirkus Humberto. Praha, 1985.
2. Vřtička F. Rozhlasek Eduarda Basse // Romboid 27. 1992. Č. 8.
3. Bass Ed. Moje kronika. Praha, 1985.

А. А. САГОМОНЯН. Испанский узел “холодной войны”. Великие державы и режим Франко в 1945–1948 гг. М., 2004. 272 С.

Работа посвящена начальному этапу “холодной войны”, который рассматривался уже в огромном количестве работ, как отечественных, так и зарубежных. Тем не менее, автор сумел выявить и всесторонне проанализировать один из недостаточно исследованных ее аспектов, а именно – резкие расхождения позиций и борьбу по так называемому “испанскому вопросу” между СССР и западными державами. Это вопрос стал порождением противоречия между итогами гражданской войны в Испании, в которой победил генерал Франко, и итогами Второй мировой войны, в которой были разгромлены те, кто помог ему прийти к власти, т.е. Германия и Италия. Вопрос этот у нас практически неизвестен, хотя к нему были причастны виднейшие политические фигуры той эпохи – Сталин, Молотов и Громыко, Трумэн, Кеннан, Черчилль, Эттли, а также Димитров, Тито и др. На гребне антифашистской, демократической волны в 1944–1945 гг. рассматривалась возможность оккупации Испании войсками союзников, свержения франкистского режима и передачи власти демократическому правительству. Тем не менее, формальных поводов для этого не было. Ни британское, ни американское правительство не проявили заинтересованности в таком развитии событий, более того, считали необходимым продолжать отношения с режимом Франко (установленные еще в 1939 г.), и хотя публично

осуждали его и считали желательным его устранение, делали ставку прежде всего на дипломатическое давление. Во многом “белым пятном” в историографии до сих пор оставалась реальная позиция Советского Союза, скрывавшаяся за его известными публичными заявлениями о необходимости применения к франкистской Испании жестких санкций со стороны ООН. Новые документы и свидетельства, обнаруженные и систематизированные автором, позволили пролить свет на этот вопрос. Автор убедительно показывает, что в определенный момент (в конце 1945 – первой половине 1946 г.) советское руководство готовило почву для возможного пересмотра итогов испанской гражданской войны, но, убедившись, что благоприятные условия для этого не сложились, предпочло перевести борьбу на почву идеологического противоборства с Западом. К своей “испанской” политике СССР привлек и своих новых союзников – государства “народной демократии”. Именно на этом аспекте монографии, явно представляющем интерес для историков-славистов, сосредоточено внимание в данной рецензии.

В работе был использован широкий круг источников, многие из которых были впервые введены в научный оборот. Это прежде всего материалы отечественных архивов (АВП РФ, РГАСПИ, РГВА), доступ к которым, к сожалению, весьма ограничен. Важнейший блок ис-

точников – официальные документы ООН, сборники внешнеполитических документов западных стран, мемуарная литература, материалы прессы, ранее полностью или частично находившиеся в спецхранах и недоступные для научного анализа. Автором были привлечены также практически все монографии и большой массив статей, так или иначе затрагивающих данную проблематику, вышедшие как в нашей стране, так и за рубежом, прежде всего в Испании, США, Великобритании, Франции.

О планах советского руководства в отношении Испании сообщает в своих мемуарах один из руководителей партизанской борьбы, член ЦК Коммунистической партии Испании (КПИ) Э. Листер. В середине октября 1944 г. Листер (находившийся на Украинском фронте в составе Польской дивизии) был вызван в Москву и имел на эту тему беседу с Г. Димитровым (после роспуска Коминтерна он возглавил Отдел международной информации ЦК ВКП(б), курировавший сходный круг вопросов), который изложил идеи И.В. Сталина, в частности, разворачивание народного движения, “основным выражением которого могла быть только – учитывая ситуацию в Испании – партизанская борьба” (С. 32).

Среди прочих мероприятий, в конце 1944 г. три знаменитых военных руководителя республиканской армии периода гражданской войны Э. Листер, Х. Модесто и А. Кордон сначала отправились из Москвы, по рекомендации советской стороны, в Югославию, к И. Броз Тито, с которым должны были обсуждать тактику партизанских действий (С. 210).

Интерес Москвы к болезненной для нее испанской теме вновь возродился в конце войны, несмотря на наличие других острейших проблем послевоенного устройства в Европе. Поддержка партизанского движения продолжалась, хотя ее нельзя назвать масштабной. Но главное – Советский Союз активнейшим образом включился в развернувшуюся в мире антифранкистскую кампанию, всячески “подогревал” ее, действуя через коммунистические и левые партии, дружественные международные организа-

ции, профсоюзы. Привлечены были и новые правительства государств Восточной Европы. Целью этой кампании было добиться изоляции и бойкота Франко, а затем, после его возможного устранения, – международного признания и поддержки “демократического” (по разному трактуемого) правительства.

Для того чтобы добиться постановки испанского вопроса в повестку дня Совета Безопасности ООН, Советский Союз привлек своего нового союзника – Польшу, которая как раз в 1946 г. стала непостоянным членом Совета на два года. Москва вновь, после Потсдамской конференции, решила выдвинуть испанскую проблему в центр международных дискуссий, сочтя момент благоприятным для этого. Именно Польша и внесла официально соответствующее предложение в апреле 1946 г.

Представителем Польши в ООН был человек весьма незаурядный – Оскар Ланге, крупный экономист, к этому времени около 12 лет проживший на Западе, профессор Чикагского университета, а впоследствии – член ЦК ПОРП, академик, председатель Экономического совета при Совете министров ПНР. Он был одним из нескольких видных эмигрантов-некоммунистов, которые согласились сотрудничать с СССР в деле формирования нового коалиционного польского правительства. Ланге приезжал в Советский Союз весной и осенью 1944 г., встречался с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, участвовал в обсуждении польской проблемы во время визита в Москву У. Черчилля и С. Миколайчика, премьера польского правительства в эмиграции. Его антифашистские, антифранкистские убеждения были вполне искренними. Словом, это была фигура чрезвычайно выигрышная в плане выдвижения “независимых демократических” инициатив.

Одновременно Польша заявила о признании испанского эмигрантского правительства во главе с республиканцем Х. Хиралем, в которое незадолго перед этим вошел представитель компартии – Сантьяго Каррильо (будущий ее генеральный секретарь, основатель еврокоммунизма). О признании правительства

Хираля тогда же заявили Югославия, Венгрия, Болгария, Чехословакия и Румыния. Это было, конечно, определенным “жестом” со стороны СССР, хотя сам он так никогда и не признал это не слишком авторитетное правительство.

На заседаниях Совета Безопасности О. Ланге, наряду с А.А. Громыко, был главным обвинителем франкистской Испании. Помимо того, что она продолжает оставаться опасным источником “фашистской заразы”, он обвинил ее также в том, что под руководством немецких специалистов она ведет разработки атомного оружия (!). Созданный для изучения “испанского вопроса” Специальный комитет в своем докладе признал “виновность” Франко по многим пунктам, но отверг утверждение о производстве атомного оружия и обтекаемо высказался по поводу “угрозы миру” со стороны Испании. С 6 по 26 июня прошло обсуждение в Совете Безопасности доклада, представленного Подкомитетом, которое вылилось в полные драматизма споры и столкновение противоположных подходов, выдвинутых советско-польским и англо-австралийским “блоками”. В результате никакой содержательной резолюции принято не было. Неудача в Совете Безопасности означала конец советских планов воздействия на ситуацию в Испании (хотя даже в тот решающий момент СССР не собирался ставить на карту слишком многое, рискуя разрывом с союзниками).

В конце того же года “испанский вопрос” был рассмотрен Генеральной Ассамблеей ООН. Там в итоге острых обсуждений удалось все же выработать компромиссную резолюцию по Испании и принять ее 12 декабря. Заинтересованные стороны на этот раз пошли на уступки и согласились на следующие меры: подтверждение отказа в приеме Испании в ООН, рекомендация всем странам отозвать своих послов из Испании (без разрыва дипломатических отношений), поручение Совету Безопасности вновь вернуться к испанскому вопросу, если в течение “разумного времени” ситуация не изменится.

Начавшаяся после резолюции Генеральной Ассамблеи ООН изоляция франкистской Испании, во-первых, не

была полной, во-вторых, не привела к предполагаемым целям. Она совпала с полномасштабным развертыванием “холодной войны” и соответствующим пересмотром главными заинтересованными сторонами своих позиций в “испанском вопросе”. Раздел Европы на “сферы влияния” вступил в решающую стадию. Советскому Союзу предстояло выстраивать собственную систему безопасности на ближайших рубежах, оставив испанский нарыв в тылу западной зоны ответственности и активно используя эту болезненную тему в разгоравшемся политико-идеологическом противоборстве.

Окончательную точку в своем участии в “испанском вопросе” СССР поставил в 1948 г., рекомендовав руководству КПИ свернуть партизанское движение. Для этого несколько членов Политбюро испанской компартии были специально вызваны в Москву и имели беседу со Сталиным в августе 1948 г. Наряду с этим, известно, что наиболее радикально настроенный Э. Листер буквально за несколько месяцев до этого, в феврале (в период начала обострения отношений между Москвой и Белградом), сделал еще одну попытку получить помощь у И. Броз Тито. С этой целью он посетил Югославию, однако получил отказ, причем мотивировкой послужило то, что он не согласовал свою просьбу с “советскими товарищами”.

В связи с этим автор проводит интересную и обоснованную аналогию с ситуацией вокруг Греции. Сталин говорил о необходимости свернуть помощь греческим повстанцам в феврале 1948 г. на встрече с лидерами Югославии и Болгарии, прямо поставив перед ними эту задачу. “Если вы не уверены, что партизаны победят, нужно свернуть партизанское движение. Американцы и англичане очень заинтересованы в Средиземном море. В Греции они хотят иметь базу и не пожалеют средств, чтобы сохранить там такое правительство, которое бы их слушалось” (С. 222). Следует сказать, что и до этого Москва в “греческом вопросе” выступала очень осторожно. Основной объем помощи шел через правительство Югославии и Болгарии. СССР ограничивал свое непосредственное участие некоторой финансовой под-

держкой греческих коммунистов и передачей им германской трофейной техники. В этом – также прямая параллель с ее участием в поддержке испанского партизанского движения. В период окончательного развертывания холодной войны такие “периферийные зоны”, как Греция и Испания практически полностью уходят из сферы интересов СССР.

“Испанский вопрос” еще несколько раз обсуждался на Генеральной Ассамблее, при активном участии польской, чехословацкой, югославской и, конечно, советской делегаций, но результаты этого были все более скромными, пока, наконец в 1950 г. при содействии США резолюция 1946 г. была отменена. США первыми приняли решение отойти от политики морального осуждения Франко, ограничения отношений с ним и риторических призывов к испанскому народу устранить диктатора.

Вашингтон вскоре отбросил идеологическую брезгливость и, сочтя франкистскую Испанию необходимым сектором в выстраиваемом бастионе против советской угрозы, поспешил “использовать военные возможности ее стратегического и географического положения”, заключив с ней военно-политический договор в 1953 г. При этом ни на одном этапе США не собирались брать на себя ответственность за внутренние демократические перемены в “фашистской” Испании таким образом, как это было сделано в Германии или Японии. Американские политики, видимо, хорошо понимали, что установление в этой стране демократии вряд ли было тогда возможно иным путем.

Западная Европа не приняла франкистскую Испанию в свои ряды, подчеркивая демократический характер своей интеграции. Франко держали на расстоянии, в отличие, правда, от не менее сомнительных “демократий” типа Португалии или Турции.

Испания, остававшаяся в полуизоляции, не могла рассчитывать на программы экономической помощи, на крупные займы, полномасштабное развитие внешней торговли. Это обрекало ее на долгий период экономических неурядиц, бедности населения, существования на грани выживания. Но ведь хорошо известно, что условием принятия ее в западное сообщество были политические перемены, демократизация, а значит допущение оппозиции, возвращение эмигрантов, свободные выборы и т.д. Не трудно было бы предвидеть, чем это могло закончиться в тех условиях: скорее всего, новым падением в пропасть гражданской войны, еще большей разрухой и хаосом. Даже если бы сам Франко согласился на этот путь, путь скорейшей адаптации к западным ценностям (что, разумеется, было невозможно), его не поддержала бы самая влиятельная сила тогдашнего испанского общества – армия, или же она установила бы новую диктатуру. Испании предстояло прожить еще целую эпоху, сложную, трагическую, противоречивую, прежде чем она влилась в современную западную “цивилизацию среднего класса”.

© 2004 г. И.С. Александровский

Славяноведение, № 3

J. MELICHER. Zamlčovaná literatúra. Nitra, 1995. 188 С.

Й. МЕЛИХЕР. Замалчиваемая литература

Среди словацких исследователей, которые заполняют лакуны, образовавшиеся за недавние десятилетия, стоит назвать книгу Йозефа Мелихера “Замалчиваемая литература”. На обложке об авторе читаем: “Доцент Йозеф Мелихер ... сформировался как ре-

гиональный историк культуры и фольклорист, критик и историк литературы с дидактическим акцентом, прозаик со своеобразным архаизирующим стилем...”. Родился он в 1929 г., в 1960–1965 гг. был директором Областного архива в Левицах. 1966–1973 гг. связаны с

его работой на педагогическом факультете университета в Нитре. В годы нормализации Мелихер работал кладовщиком, затем – библиографом в Археологическом институте САН в Нитре. После ноября 1989 г. он вернулся на педагогический факультет, ныне Высшую педагогическую школу, где преподает историю словацкой литературы. В настоящее время занимается замалчивавшимися ранее авторами и эмигрантами. Издал учебные тексты “Поэзия Католической модерны” (1990, 1991 и 1994). Книга “Замалчиваемая литература” посвящена главным образом поэзии и прозе Католической модерны в словацкой литературе. Из других тем – жанр легенды (связанный с христианскими сюжетами), поэзия А. Жарнова и В. Бениака. Мелихер представляет как авторов-эмигрантов (Р. Дилонг, Г. Звоницкий, М. Шпринц, К. Стрмень), так и тех, кто остался на родине (П. Гашпарович-Глбина, Я. Гаранта, Я. Силан, П. Ушак-Олива, С. Вайгл, Я. Мотулко и др.).

Это не первая в Словакии публикация, после 1989 г. рассказывающая о замалчиваемых авторах. Ценной была книга “Белые пятна в словацкой литературе” (1990); Мелихер также называет и рецензирует публикацию Я. Фратрика “Словацкая Католическая модерна во временных изменениях” (1994). Однако проблематика замалчиваемой литературы и – в связи с этим – Католической модерны далеко не исчерпана. Хотя книга И. Мелихера дает мозаичный и недостаточно полный портрет названных авторов и модерны в целом, но для российского читателя, который лишь начал знакомиться с ней, это полезное чтение. Мелихер говорит и о неизвестных у нас авторах: П. Штраусе, Я. Корце, Я. Швеце-Славковиане, Й. Бранецком, П. Гртусе-Юрине и др. В зону авторского внимания попадает и издательская деятельность эмигрантских центров – таких, как Словацкий институт св. Кирилла и Мефодия в Риме. Рецензия на антологию Й. Ридло “Двадцать первое” (1993) затрагивает проблематику литературы, направленной, как сказано в заглавии, “песней против танков” (имеется в виду 21 августа 1968 г.).

Книга разделена по жанрам на три части: лекции, статьи, рецензии. К сожалению, она создавалась не как монография, и раздробленность размышлений, даже объединенных темой “замалчиваемой литературы”, вызывает столь же раздробленное впечатление, тем более что тексты Католической модерны даже в современной Словакии не публикуются так широко, как, скажем, у нас – произведения замалчиваемых авторов. Словацкая Католическая модерна впервые представлена российскому читателю в антологии словацкой поэзии “Голоса столетий” (2002), исследования о ней – в третьем томе “Истории литератур западных и южных славян” (2001), во второй части учебника по словацкой литературе (в печати). Исследования Мелихера в рецензируемой работе посвящены порой частным проблемам творчества писателей-католиков, например функции сна в произведениях Я. Силана, который считается одним из наиболее талантливых поэтов. Впрочем, в статье о нем Мелихер стремится к обобщениям: “Все творчество Силана характеризует структурное единство молитвы, слова и песни” (S. 59). Примечательно высказывание о Й. Бранецком: “Мы ограничимся несколькими замечаниями по поводу оценок того времени и комментариями “на полях” так называемого второго прочтения его основных произведений” (S. 104). С другой стороны, все главные и ряд второстепенных авторов модерны в книге представлены. Из работ Мелихера можно почерпнуть как исходную информацию о творчестве писателей, так и дополнения к уже известному материалу, они адресованы широкому кругу читателей и прежде всего, конечно, студентам, в том числе и российским. Насколько нам известно, в России еще не было курсовых и дипломных работ на тему Католической модерны. Быть может, мешает труднодоступность текстов. Сборник статей Й. Мелихера, таким образом, вносит свой заметный вклад в изучение “белых пятен” в истории словацкой литературы.

Международный научный симпозиум “Словенский роман”

5–7 декабря 2002 г. в столице Словении Любляне состоялся очередной, 21-й по счету, международный симпозиум “Обдобья” (“Периоды”), предметом научного рассмотрения которого стала литературоведческая проблематика, связанная с развитием и модификациями самого значительного на сегодняшний день жанра словенской литературы – романа. Организатором симпозиума выступил Центр словенского языка как иностранного отделения славянских языков и литератур философского факультета Люблянского университета.

На открытии научного мероприятия с приветственными речами выступили председатель симпозиума проф. М. Хладник, ректор Люблянского университета проф. Й. Менцингер, заместитель государственного секретаря Министерства культуры Ц. Башкович, академик САНИ Ф. Задрavec, заместитель декана философского факультета проф. Й. Урбания, заведующая отделением словенистики проф. А. Видович-Муха. Ораторы подчеркнули растущий международный авторитет словенского симпозиума “Обдобья” и значение дальнейшего развития науки о литературе и языке – важнейших основах национального самосознания.

Одной из целей симпозиума было собрать в Любляне активно работающих отечественных и иностранных специалистов по словенской литературе. В его заседаниях приняли участие 78 докладчиков, в том числе 25 зарубежных гостей из 11 стран Европы и Америки. Состоялось по два выступления иссле-

дователей из Венгрии, Германии, Македонии, Польши, России, США и Югославии, по три – из Австрии и Италии, Словакия была представлена одним, Хорватия – четырьмя докладами.

Работа велась в двух параллельных потоках, разбитых на небольшие секции – по 3–4 доклада в каждой, что позволяло сосредоточить внимание на конкретных проблемах. Положительным моментом подобной организации симпозиума оказалась большая “маневренность” участников, а отрицательным – тематическая раздробленность, неясность основного(-ых) направления(-ий) научной встречи, разноплановость достигнутых результатов.

В начале работы симпозиума прозвучали обзорные, комплексные доклады о настоящем этапе развитии словенского романа в двух секциях: “Современный роман” и “Юношеский роман”. В первой из них академик Ф. Задрavec (так как значительную часть выступлений составили доклады столичных ученых, рядом с их фамилиями мы не указываем город, где они работают, т.е. Любляну) (доклад “Реальность и фантастика в словенском романе XX века”) на примере переведенного на многие языки мира романа В. Бартола “Аламут” (1938) и романов двух современных писателей, вышедших в 1997 г., показал, что фантастическое может являться производной интереса автора к особой природе страсти, непреодолимого, сильного желания, способного полностью подчинить себе человека, – в на-

званных романах это гипертрофированное стремление героев к любви и власти. Выступление Задравца обозначило общую направленность работы симпозиума – на литературном материале выявить специфические черты словенской культуры различных периодов и определить в ней роль человека. Продолжением этой мысли стал доклад *Х. Глушич* “Отражение колеблющегося сознания” с обзором произведений 1990-х годов писателей (условно) младшего поколения. Она констатирует возвращение современного словенского романа к традиционному повествованию, в котором центральное место занимает интимный мир чувств человека в контексте социальной неустроенности. *П. Шербер* (Геттинген) посвятил свое выступление такому литературному приему, как самоцитаты, автотекстуальность, “переписывание”, и его реализации в словенском романе. Во второй – параллельной – секции прозвучали доклады *З. Яна* (Нова Горица) об образе подростка в современных словенских романах и *Д. Харамии* о юношеском реалистическом романе, о котором исследовательница считает возможным говорить как об особом жанре со своими характерными особенностями.

Разговор о современном этапе развития словенского романа, на наш взгляд, продолжили доклады секции “Современный роман: Вирк, Флисар, Янчар”. Это выступления, посвященные отдельным произведениям вышеназванных словенских писателей, – *Н. Петковской* (Скопье) об особенностях построения любовной истории у Я. Вирка и в произведении *Й. Юрчича* “Десятый брат” (1866), *М. Песерл* (Марибор) о психологическом механизме преступления в романе *Э. Флисара*, *Й. Пицолы* (Катовицы) и *Е. Поповской* (Целовец) о своеобразии романов *Д. Янчара*. К этой же проблематике относятся два доклада из секции с интригующим названием “Женщины”. *С. Боровник* (Марибор) в своем выступлении анализирует произведения 1980–1990-х годов, авторы которых – женщины. Исследовательница считает, что современный “женский роман” дает принципиально новую позицию видения мира, а также

экспериментирует с формой. По аналогии с оппозицией “отец–сын” свое исследование современного романа выстраивает *М. Пездириц-Бартол* на оппозиции “мать–дочь”.

Характерной особенностью современного литературного процесса стало функционально новое использование в художественном произведении автобиографии, тяготение к документализму: доклад *А. Корон* “Роман как автобиография”, касавшийся творчества современных писателей *Л. Ковачича* и *Н. Пирьевца* и носивший скорее теоретический характер, и доклад *М. Становник* «Литературная документальность “Романа о книгах” М. Рожанца» о влиянии литературы на развитие творческой личности писателя. Постепенный отход от документальности, переплетение традиционных разноплановых элементов, жанровый синкретизм на новейшем этапе развития словенской литературы стали отличительными чертами романа жанра путевых записок, что прекрасно показано в аналитическом обзоре, подготовленном *А. Зупан-Сосич*.

Важную и своеобразную функцию в словенском романе выполняет фольклор. Влиянию устного народного творчества на авторские поэтики и, наоборот, метаморфозам известных сюжетов в произведениях современных авторов был посвящен доклад *М. Станоник*.

В сложном, многоголосом, претендующем на универсальность жанре романа естественным образом отражаются не только морально-этические позиции самого автора, но и актуальнейшие вопросы современности, идейно-нравственная ориентация общества, национальные и – шире – общечеловеческие системы ценностей. Вместе с тем, кажется сомнительной целесообразность выделения в отдельную секцию, названную организаторами “Нация и политика”, докладов, касающихся совершенно разных периодов развития литературы. Открыл работу секции доклад известного слависта *З. Константиновича* (Инсбрук) о значении романа “в процессе выживания меньшинства”, где ученый рассматривает судьбу романа *Ф. Липу-*

ша “Ошибки школьника Тяжа”, переведенного на немецкий язык П. Хандке и благодаря этому получившего широкий отклик за рубежом. Роман – яркий пример того, как литература выявляет обязательные условия для существования каждого народа, особенно если речь идет о немногочисленном сообществе людей, проходящих через один из трудных периодов своей истории. Выступление К. Богатай-Градишник было посвящено наследию сентиментализма, сыгравшего важную роль в развитии словенского романа 1860–1880-х годов, что исследовательница трактует как одну из движущих сил в процессе роста национального самосознания. Идеологическим аспектам, воплотившимся в словенском романе позапрошлого столетия, был посвящен и доклад С. Бонаццы (Верона), поставленный организаторами на второй день симпозиума в секцию с общим, ни к чему не обязывающим названием “XIX век”. Исследователь выделяет два культурно-политических течения, отразившихся в романах того времени, – поддерживающее существующий порядок, носящее эстетико-воспитательный характер, и – не без основания стремящееся к новому порядку, с примесью австрославизма.

Продолжил работу секции “Нация и политика” доклад о И. Тавчаре, в котором Т. Погачар (Боулинг Грин) предпринял попытку проследить соотношение политических взглядов и творческой позиции писателя, выявить все “либеральные” симпатии в его произведениях. В результате появилась совершенно новая интерпретация исторических романов Тавчара.

Ю.А. Созина (Москва), рассмотрев произведения различных словенских авторов (Й. Сноя, М. Рожанца, Б. Бое-ту, А. Блатника и др.), написанных с 1986 по 1990 г., пришла к выводу, что современные писатели стремятся к чистоте человеческих отношений вне каких-либо идеологий, что оказывает значительное влияние на преобразование самой системы ценностей современного словенского общества.

Целостностью и четкой общей направленностью отличалась секция, по-

священная историческому роману. Здесь был зачитан доклад И. Грдины (к сожалению, не присутствовавшего на заседании) о словенском историческом романе как “метафорически идеологическом послании”; по мнению ученого, на этот тип романа всегда сильно влияли политические пристрастия авторов, ибо он играл повышенную роль в развитии национального самосознания. Н.Н. Старикова (Москва), обратившись к материалу межвоенного двадцатилетия, предложила типологическую классификацию жанра, сделав акцент на проблеме оппозиции универсально-национального, т.е. тяготении к западноевропейскому опыту и неослабевающему вниманию к национальному. В. Матайц, соглашаясь с данной классификацией и развивая ее, сосредоточилась на историческом романе последних двух десятилетий, в котором история предстает как материал для осмысления современности. Условной реальности или “ускользающим” образам словенского биографического романа эпохи постмодернизма, совмещающего в себе черты исторического и автобиографического жанров, было посвящено выступление И. Самиде.

Особый тематический угол зрения, выбранный М. Штухецем (Марибор) в докладе “Городской топос словенского романа – функция и диалектика”, показал четыре основные функции городского топоса в романе XX в.: моральную, политическую, социальную и экономическую.

Становлению жанрового канона в словенском детективном романе до Второй мировой войны, его изменениям и инновациям был посвящен доклад П. Светины. Результаты исследования этого жанра в период его расцвета в словенской, а также в испанской литературе в более широком контексте мировой литературы эпохи постмодернизма представила Б. Прегель-Балог.

Долгая и оживленная дискуссия о том, что же собственно такое модернистский роман и к каким явлениям правомерно применение данного термина, разгорелась в первой из двух секций “Процессы и направления”. Здесь высту-

пили *И. Новак-Попов* с докладом “Лиризация романа” об образности, получающей дополнительные возможности развития с помощью особой композиции произведения, ввода образа саморефлексирующего писателя и языкового эксперимента; *Й. Шкуль* с докладом “Форма романа и словенский модернизм” о первых словенских романах и *М. Баторова* (Братислава) с докладом “Роман в европейской литературе модернизма”.

Не меньший интерес, чем комплексные очерки о развитии словенского романа, представляют доклады о творчестве отдельных авторов. Это доклады о творчестве *Зофки Кведер* – *К. Михурко-Пониж* и *З. Ковачич* (Загреб), о *Цириле* – *М. Мерцина* (Нова Горица), о языковой модели *Космача* и *Ивана Цанкара* – *П. Якопин*, о романе “С дороги” *И. Цанкара* – *К. Маринчич*, о значении слова “сердце” в романе *Тавчара* “Мертвые сердца” – *Ф. Премк*, о неоконченном романе *Юрчича* – *М. Орожен*, о новой версии романа “В крови” *Ф. Говекара* – *Э. Корен*, об особенностях перевода *О. Цафа* – *М. Есеншек*.

В специальные секции были выделены доклады, посвященные творчеству *И. Цанкара* и *В. Бартола*. О первом говорили *Й. Липник* и *Й. Чех* (оба из Марибора) и *И. Живанчевич-Секеруш* (Нови Сад), а также в докладе “Мифологизация женщины в прозе *Цанкара*” *А. Энстерле-Долежалова* (словенская исследовательница, живущая в Праге). О втором – *Т. Петцер* (Берлин), *М. Митрович* (Триест) и *Н. Еж*. В последних двух выступлениях были проведены параллели с творчеством *О. Вейнингера* и *С.И. Виткевича* (соответственно).

Значительный вклад в работу симпозиума внесли компаративистские исследования, в которых произведения словенских авторов под различными углами зрения сопоставлялись с произведениями известных мастеров мировой литературы. Поэтому закономерным явилось появление на симпозиуме, посвященном словенскому роману, секций с соответствующей проблематикой. Это “Южные славяне”: доклады *В. Осольника* о словенском и южнославянском историческом романе второй половины XX в.,

Н. Радического (Скопье) о национально-экзистенциальных тенденциях в романах *С. Христова* и *Ф. Бевка*, *Б. Брленич-Вуич* (Осиек) со сравнением романов *Цирилы Космача* и *Владана Десницы*, *Д. Маринковича* (Загреб) об освоении исторического опыта во второй половине XX столетия и *Дж. Стрсоглавеца* о словенской прозе за рубежом. На секции “Словенский роман в переводе” выступили с докладами *Ф. Ферлуга-Петронио* (Триест) и *И. Лучач* (Будапешт). Секцию “Словенский роман и английский язык” представили *Г.Р. Купера* (Блумингтон), *Т. Курент*, *М. Кузмич* (Осиек–Любляна) и *Д. Лимон*; “Зарубежный роман и словенцы” – *И. Фрид* (Сегед), *Б. Твокарц* (Катовице), *Ф. Гасоин-Маркс* (Перница), *М. Бирк* (Марибор), *Г. Поланц-Подпечан* (Веленье), *Д. Черче* (Словень Градец) и *Т. Смолей*. На секции “Теоретические и исторические вопросы” прозвучали выступления *М. Стефанович* о поэтике жанра романа в XVIII в. и *Я. Вречко* о древнегреческом эпосе как предтече жанра романа. Статистические обзоры представили *А. Бельшак* о частоте возникновения тех или иных жанров в словенском романе и *Г. Мюльбергер* (Инсбрук) о немецких исторических романах со словенской тематикой до 1945 г.

Особой страницей 21-го симпозиума “Обдобья” стали выступления, касающиеся прикладных экономических, педагогических и даже юридических сторон существования романа в Словении. Это доклады секций “Читатель и рынок” – *М. Кошир*, *Г. Гоциян*, *М. Долган*, “Школа” – *М. Блажич*, *А. Жбогар* и размышления *М. Ювана* о правах и обязанностях писателя на грани литературного вымысла и использования фактического, иногда нелицеприятного материала из частной жизни других людей. Обратиться к теме “Художественный вымысел и закон” известного ученого заставили гражданские иски к некоторым современным словенским писателям.

В целом симпозиум “Словенский роман. Обдобья 21” отличался масштабностью, новизной интерпретаций, плюрализмом мнений и разнообразием подходов к процессам и явлениям. В значительной части исследований можно

заметить тяготение к анализу актуальной современной общеполитической и культурной ситуации. Наряду с интересом к живому литературному процессу сохраняется интерес к предшествующим периодам развития национальной литературы. Ученые также затронули вопрос о преемственности традиций. Целый ряд исследований сравнительного плана выходили в пространство мировой литературы. Особое внимание исследователей привлекли произведения, полу-

чившие значительный отклик у себя на родине и за рубежом. Активное участие в работе симпозиума зарубежных коллег позволило взглянуть на литературный процесс как изнутри, так и извне, сравнить два, иногда не совпадающих, видения проблемы. Остается лишь добавить, что эти материалы мы можем видеть в недавно вышедшем сборнике.

© 2004 г. Ю.А. Созина

Славяноведение, № 3

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “ТЕЛЕСНЫЙ КОД В СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУРАХ”

В июне 2003 г. отделом культуры Института славяноведения РАН была проведена международная научная конференция “Телесный код в славянских культурах” (исследование выполнено в рамках Программы фундаментальных исследований ОИФН РАН “История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте”. Контракт № 10002-251/ОИФН-01/242-239/110703-1047). Это научное мероприятие явилось частью более обширного проекта по изучению категорий славянской культуры, что составляет основную направленность исследований коллектива. “Телесный код” стал звеном в цепи конференций и монографий, освещающих славянский мир в таких аспектах, как книга, человек, пейзаж, эротическое и светское/сакральное начала, пространство. На этот раз предметом обсуждения стала категория телесности в традиционной славянской культуре, литературе славянских народов, а также в изобразительном искусстве и театре.

Проблематика телесности представляется важной для славистики и гуманитарного знания в целом. Она вошла в жизнь современной науки на острие постмодернистского виража, наследо-

вавшего принципам неклассической философии, а также успехов биологии, породивших переосмысление телесной идентичности. Понятия тела и телесной коммуникации стали изоморфными понятию текста самой культуры, обозревающей собственные границы. Признание телесности знака определило интерес к данной проблематике со стороны когнитивной семиотики. Парадоксальное сочетание гедонизма и телесной уязвимости, свойственное нынешней глобалистской цивилизации, делает позицию исследователя данной проблематики особенно ангажированной. Обо всем этом невозможно забыть, когда мы сужаем круг внимания до непосредственного поля наших исследований – а именно, до славянского мира. Материальность знака, *я и другой* как *тело и тела*, всеобщее и частное в телесном обличьи здесь залегает в народной культуре, многое определяя и в так называемых высоких стратах. Тело как текст находит соответствие в архаическом славянском понимании пространственности; в мифопоэтической традиции телесность выступает как основная категория пространства, определяя принципы его антропоморфизации и стратегию ориента-

ции. Литература и искусство барокко в плане выявления архаических универсалий также являют собой благодатную для анализа почву в аспекте именно телесного кода. Мотивы тела в контексте беспрецедентного в истории опыта насилия и перверзий XX в. образуют особенно богатое поле для исследований в русской, польской, чешской и других славянских литературах и искусстве.

Хронологический и проблемный диапазон рассматривавшихся на конференции явлений был широк – от барокко до современности, от глобальных проекций нейросемиотики до анализа конкретных литературных произведений. Язык и литература, изобразительное искусство и театр, реклама и народная демонология – таков спектр объектов, задавший широкое междисциплинарное поле исследований. В конференции приняли участие сотрудники Института славяноведения и других академических институтов Москвы, а также зарубежные коллеги, среди которых были как известные ученые, так и молодые исследователи из Тайваня, Германии, Хорватии, Польши, представляющие ряд ведущих направлений в современной славистике.

Среди проблемных докладов следует в первую очередь отметить выступление проф. *И. Ужаревича* (Загреб), в своем докладе “Нейросемиотическое тело (статус и концепция тела в нейросемиотических работах русских семиотиков: Вяч.Вс. Иванов, Ю.М. Лотман, А.Б. Успенский и др.)” осветившего связь новейших представлений о деятельности мозга в плане пространственной ориентации с наработками ведущих представителей Московско-Гартусской школы. Доклад оппонировался официальным диспутантом конференции – известным польским литературоведом проф. *Е. Фарыно*. Широкое поле для обобщений в плане сопоставительного анализа картин мира содержалось и в докладе молодой исследовательницы из Тайваня *Го-Синь-И* “Соматический код в русской и китайской фразеологии”. Большой интерес вызвал доклад проф. *Д. Буркхарт* (Гамбург) “Шрам. Археология литературного мотива”, в котором на материале русской

литературы (от Аввакума до Маканина, включая Пушкина, Тургенева, Бунина, Мандельштама и Ахматову) были исследованы функции мотива в характеристике персонажа/действия от денотативного в XIX в. до коннотативно-символического и метонимического в модернизме, а также в контексте философии и интертекстуальности постмодернизма. По мнению докладчика, на метапоэтическом уровне мотив шрама в русской литературе выполняет функцию метафоры культурной памяти: речь идет о боли как “могущественнейшем подспорье мнемоники” (Ницше). С этим докладом концептуально и тематически перекликался анализ фольклорного материала в докладе *Л.Н. Виноградовой* (Москва), в котором телесный код в славянской культуре рассматривался с точки зрения телесных аномалий и телесной нормы в народных демонологических представлениях.

Большой тематический блок докладов был посвящен проблематике культуры барокко и Возрождения. Так, в докладе *Г.П. Мельникова* (Москва) речь шла о сложном взаимодействии идеологии и художественной практики в репрезентации телесности в чешском барокко, а доклад аспиранта сектора культуры *А. Деньщиковой* (Москва) развивал ряд соображений предыдущего докладчика на материале искусства рудольфинцев. Интерес аудитории вызвало выступление *Л.А. Софроновой* (Москва), посвященное русскому любительскому театру XVIII в. Было показано, что в нем резко возросла роль “телесных” эпизодов (болезнь, смерть, любовь) и вербального представления тела, а также изменилось отношение к актеру: он активизировал возможности игры не голосом, а телом. Согласно выводу докладчика, все проявления телесного кода на сцене любительского театра XVIII в. выявили тенденцию к формульности, характерной для театральной “примитива” в целом. *Л.А. Перфильева* (Москва) в докладе “Телесное и бестелесное у Пушкина (метаморфозы “Евгения Онегина”»)» выдвинула ряд интересных нетрадиционных трактовок сюжета поэ-

мы на основе мифологических аспектов телесного кода.

Доминирующим на конференции стал блок тем, касающихся литературы и искусства славянских народов в XX в., а также “горячей” современности. В фокусе внимания оказались поздний авангард – доклад *В.И. Новикова* (Москва) “Фламандцы в красноармейской шинели (“Великодушный рогоносец” на сцене театра Мейерхольда)”; соцреализм – доклад *Н.М. Куренной* (Москва) “Код жизни тела/жизни духа в соцреалистическом романе”, а также актуальная современность. В докладе *Н.А. Фатеевой* (Москва) предметом анализа стал материал современной женской прозы (Улицкая, Габриелян, Толстая, Нарбикова и др.), изобилующей брутальными откровениями: лингвопоэтический разбор текстов был посвящен проблемам телесности в аспекте идентичности автора. По заключению докладчика, “подвергая пересмотру устоявшиеся эстетические модели, “новые амазонки” наполняют свои тексты суперфизиологизмом как бы изнутри женского естества. Таким образом, “антиэстетизм” становится способом женской самоидентификации”. Наряду с русской литературой, телесный код рассматривался на материале славянских литератур XX в. Так, в докладе *Т. Чепелевской* (Москва) «Телесный код в романе И. Цанкара “Нина”» было показано, как активное использование элементов телесного кода в описаниях глаз, рук, лица служат выявлению духовного состояния героев словенского автора на пути постижения ими идеи вечной жизни. В докладе *Л.Н. Тумовой* “Телесность. Самоидентификация чешки на вершинном этапе чешского национального возрождения”, основанном на материале чешской новеллистики 30–40-х годов XIX в., показан процесс самоидентификации чехов посредством сравнения физического облика чешских и немецких девушек (разумеется, не в пользу последних). В докладах молодых польских коллег анализировались произведения польских авторов: *Р. Бобрыйк* (Седлице) говорил о мотивах телесности в поэзии *З. Херберта*, *Ю. Урбан* (Седлице) коснулась метафоры телесных инверсий в мо-

тивике недавно скончавшегося поэта-аутсайдера *С. Чича*, а *М. Бурта* (Седлице) обратилась к более раннему периоду, показав страницу польского романтизма сквозь призму репрессивно-телесной антропологической теории и практики, которые определили жизнь и творчество поэта *С. Гошчиньского*.

В особую секцию выделились доклады, основанные на анализе изобразительного материала. *Г. Бобилевич* (Варшава) подробно остановилась на проблеме функций и семантики тела в живописи *К. Петрова-Водкина*, а *Б. Юнгер* (Цюрих) сфокусировала свое внимание на творчестве *В. Мухиной* в аспекте идеологических контекстов телесности эпохи 1930-х годов, противостоящих доктрине соцреализма. Тело как социальная метафора в актуальном русском искусстве явилось темой доклада *Н.В. Злыдневой* (Москва), обратившейся к деятельности радикальных художников постперестроечной России – авторов инсталляций, акций, нетрадиционных живописных, а также фото- и видеотехник, в чьем творчестве презентация тела наделяется смыслом политического негативизма. В докладе *И.А. Седаковой* (Москва) анализу был подвергнут язык современной уличной – московской – рекламы, активно оперирующей изображением человеческого тела, символической связью вербальных и визуальных компонентов слогана, общая семантика которого часто воплощается в телесной “расчлененке”.

Следует признать высокий научный уровень всех участников форума, неординарность представленных материалов в аспекте избранной тематики. Представляется, между тем, что границы собственной ниши в области проблематики телесности научному коллективу еще предстоит уточнить. Работа над планируемой по материалам конференции (и шире) монографией, безусловно, может способствовать прояснению и углублению общей исследовательской позиции, плодотворность стратегического курса которой не вызывает сомнений.

К юбилею словацкого историка Татьяны Ивантышиновой

26 марта 2004 г. отмечался юбилей известного словацкого историка, старшего научного сотрудника Исторического института Словацкой Академии наук, президента Общества по истории и культуре Центральной и Восточной Европы Татьяны Ивантышиновой.

В 1966 г. она защитила дипломную работу о М. Бакуanine на философском факультете Братиславского университета, и эта тема стала определяющей для ее пути в науку, вызвав устойчивый интерес к истории русской общественной мысли XIX в., к проблемам славянофильства, панславизма, русского национализма. Стилю научной работы Ивантышиновой присущи высокий профессионализм, уважение к фактам, стремление освещать “трудные” темы, важные для комплексного восприятия прошлого. Ее монография “Чехи и словаки в идеологии русских славянофилов (40–60-е годы XIX в.)” (Братислава, 1987), основанная в основном на материалах российских архивов, стала новым словом в тогдашней чехословацкой историографии.

После “бархатной” революции 1989 г., когда в словацком обществе упал интерес к истории Восточной Европы, Т. Ивантышинова активно выступила в защиту дальнейшего развития историографии Восточной Европы в Словакии и энергично взялась за организацию независимого Общества по истории и культуре Центральной и Восточной Европы (1995) с целью поддержки исследований в этой области и обеспечения издания журнала “Slovanské štúdie”. Журнал приобрел известность не только в Словакии, но и за рубежом. Привлечь внимание словацкой общественности к проблематике всеобщей истории Т. Ивантышинова пыталась на научных форумах, в рамках деятельности общества и педагогической работе, своими выступлениями на словацком радио и телевидении. Принципиальное значение в этом отношении имела ее статья “О вопросах континуитета и дисконтинуитета историографии всеобщей истории” (Historický časopis. 2002. № 1. S. 102–106). Под руководством Т. Ивантышиновой проведены конференции: “Феномен России в словацкой истории и культуре” (2000), “Идентичность – нация – государство” (2001), “Россия и национальные движения в Центральной Европе” (2002).

Главное направление научной работы Т. Ивантышиновой всегда составляли проблемные исследования и архивные изыскания. Из богатых находок словацких материалов в русских архивах были опубликованы лишь некоторые, например неизвестные письма П.И. Шафарика к М.П. Погодину (Slovanské štúdie. 1995). Ценным вкладом в изучение истории раннего славянофильства стала обширная публикация найденных Т. Ивантышиновой в ОПИ ГИМ писем славянофила В.А. Панова матери из славянских земель 1841–1843 гг. под названием “Встреча с Европой” (Братислава, 1996) на словацком и русском языках с подробными комментариями, различными указателями и справочными материалами. Сложные вопросы исследования, расшифровки и подготовки текста решались при квалифицированной помощи с российской стороны (соавтор-составитель М.Ю. Досталь, Институт славяноведения РАН), а также словацких, чешских и немецких коллег.

Большое место в исследованиях Т. Ивантышиновой занимали проблемы истории славистики, что нашло отражение в авторском участии в сборниках “Актуальные вопросы истории славистики” (Братислава, 1986), “Наука и идеология в истории славистики” (Братислава, 1998), подготовленных на материалах заседаний Международной комиссии по истории славистики под ее редакцией (в первом случае совместно с В. Матулой).

После 1992 г., когда в Словакии наиболее приоритетной стала считаться отечественная проблематика и повысился интерес к ней в Европе, Т. Ивантышинова обратилась к разработке вопросов словацкой истории. Она активно участвовала с докладами на различных конференциях в Австрии, Германии, читала лекции в Берлине и Марбурге. В немецких и австрийских сборниках был опубликован ряд ее статей на темы: влияние идей французской революции в Словакии, вопрос о мультиконфессиональности, словацкий национализм, славянская идея в словацком национальном движении, словацкая печать и национальное движение и пр. Наиболее перспективными и новыми были исследования о роли конфессий в становлении национальной идентичности словаков и зарождении национальных мифов. Но и в этом направлении разработок она сознательно не отступала от своей главной темы – феномена России в истории Словакии (статья для мюнхенского издания *Collegium Carolinum* об отношении словаков к православию в России).

К печати ею подготовлено также несколько статей об отношении словацких миссионистов (С.Б. Гробоня, М.М. Годжи, Й. Подградского и др.) к России, статья о политическом завещании Л. Штура и работы о Я. Колларе, сборник об отношении словаков к России “Миф – образ – стереотип”.

В последние годы Т. Ивантышинова снова вернулась к разработке чешско-русских связей, опубликовав статью об истории храма св. Николая в Праге (1999). Под ее руководством уже несколько лет идет подготовка к печати писем из Петербурга (60–80-х годов XIX в.) чешского публициста Я. Вацлика чешскому политическому деятелю Ф.Л. Ригеру. Работа проводится в рамках многостороннего международного проекта. Разные аспекты деятельности Я. Вацлика в силовом поле российской и австрийской политики анализировались на конференции в Банской Быстрице (2002).

Т. Ивантышинова давно поддерживает дружеские связи и плодотворно сотрудничает со многими московскими коллегами-славистами. В последние годы она много сделала для основания словацкой части русско-словацкой комиссии историков, став ее вице-председателем.

От имени сотрудников Института славяноведения РАН желаем Татьяне Ивантышиновой крепкого здоровья и дальнейших творческих успехов на трудной ниве славяноведения.

© 2004 г. *М.Ю. Досталь*

Памяти академика Тине Логара (1916–2002)

Исполнилось больше года как ушел из жизни большой ученый, диалектолог и историк словенского языка, академик, заслуженный профессор, доктор филологических наук Тине Логар. В его судьбе по-своему отразилась трагическая и героическая эпоха, которую пережила его страна, Словения.

Тине Логар родился 11 февраля 1916 г. в селении Хорюл во Внутренней Крайне, в многочисленной трудолюбивой крестьянской семье, воспитавшей 10 детей. Именно от родителей Логар получил высокие понятия о жизни: представление о добре и зле, чувство долга, любовь к своему народу. Недаром из этой семьи вышло трое ученых.

Окончив классическую гимназию в Любляне, Логар в 1935 г. поступил на отделение славистики философского факультета Люблянского университета. В 1940 г. он получил диплом, а в июне 1941 г. защитил докторскую диссертацию о своем родном хорюльском говоре, написанную под руководством известного словенского диалектолога Франа Рамовша. Последний еще на студенческой скамье заметил одаренного студента и до конца своей жизни поддерживал его, определял направление его научной деятельности.

С начала итальянской оккупации Логар вместе со своими братьями примкнул к Освободительному фронту, но вскоре был выдан оккупационным властям и интернирован в Италию. Вернувшись после капитуляции Италии на родину, он снова начал активную борьбу против немецких оккупантов.

После войны Логар некоторое время работал в Министерстве просвещения, но в 1947 г. по настоянию своего учителя Рамовша вернулся к занятию языкознанием, став сотрудником Института словенского языка Словенской Академии наук и искусств. Здесь он собирал материал для Словенского лингвистического атласа и в 1947–1948 гг. записал диалекты Верхней и Нижней Крайны. В 1949 г. его снова арестовали, на этот раз уже югославские власти по обвинению в сочувствии резолюции Коминформа, и два года Логар провел в лагере на Голем острове и в боснийских рудниках. Он никогда не рассказывал своим друзьям и ученикам об этом времени, а на вопрос, как он смог пережить все это, отвечал: “Человек перестает быть животным, если имеет цель, волю, дом”. В 1950 г. он вернулся в Институт словенского языка и активно включился в работу над Словенским лингвистическим атласом. Пешком и на велосипеде он обошел почти все словенские земли, изучая диалекты и границы их распространения: самостоятельно он обследовал более 200 населенных пунктов в разных областях Словении, а со студентами – еще 350. Логар и его ученики собрали более 80% всех материалов для Словенского лингвистического атласа.

В 1958 г. Логар получил место доцента диалектологии и исторической грамматики словенского языка в Люблянском университете, в 1962 г. был избран экстраординарным, а в 1967 г. – ординарным профессором. Он преподавал диалектологию и историю словенского языка студентам до 1985 г., хотя в 1978 г. ушел на пенсию. В 1984 г. ему присвоили звание заслуженного профессора. В университете он многие годы занимал руководящие должности – заведующего, декана славистического отделения.

Одновременно с работой в университете Логар продолжал сотрудничать по многим проектам с Институтом словенского языка. Несколько десятилетий он являлся там членом научного совета, а в 1983–2000 гг. – его председателем. В 1972 г. Логара избрали членом-корреспондентом, а в 1981 г. действительным членом Словенской Академии наук и искусств. С 1986 г. он являлся членом-корреспондентом Югославянской (теперь Хорватской) Академии наук и искусств. Он был членом Межакадемического комитета Югославии по составлению югославского диалектического атласа.

Большую роль Логар сыграл в работе над Общеславянским лингвистическим атласом при Международном комитете славистов в Москве. Он был членом комитета, многие годы возглавлял фонетическую секцию, которая за 1988–1994 гг. издала три тома фонетико-морфологической серии Славянского лингвистического атласа. Логар активно участвовал в разработке принципов Общеславянского лингвистического атласа, являлся составителем многих карт для него.

Он принимал активное участие в Съездах славистов, его приглашали читать лекции многие европейские университеты, в том числе Венский и Московский университет им. М.В. Ломоносова.

Много Логар сделал для пропаганды словенского языка и культуры среди иностранцев. По его инициативе и активному содействию в Словении в 1965 г. был открыт Семинар словенского языка, литературы и культуры, который действует и поныне. Семинар стал важнейшей организацией, распространяющей по всему миру знания о словенском народе, его языке и культуре.

Всю свою жизнь Логар посвятил изучению словенского языка, его диалектов, акцентологии, истории. По словам академика М. Кмецла, Логар был убежден, что язык является “интимнейшим выражением национального характера и условий, в которых народ существовал”. Самым важным трудом его жизни стала книга “Словенские наречия”, вышедшая в 1975 г. и переизданная в расширенном варианте в 1993 г. Он является соавтором нескольких других монографий – “Славянская лингвистическая терминология” (1971), “Фонологическое описание сербохорватских/хорватосербских, словенских и македонских говоров, вошедших в лингвистический атлас” (1981), “Местные названия в Словении” (1985). Логар написал множество статей по словенской акцентологии и истории словенского языка. В частности, он изучал язык сочинений создателя словенского литературного языка П. Трубара, в последние годы работал над реконструкцией фонетики словарного состава старейшего памятника словенской письменности Фрейзингских отрывков.

Но главным направлением научной деятельности Логара всегда оставалась диалектология. На протяжении многих лет он изучал словенские диалекты, что имело большое значение для Словении, при сравнительно небольшом количестве населения (2 млн. человек) насчитывающей 48 диалектов. Логар заложил прочный фундамент словенской диалектологии, разработал принципы описания словенских диалектов, по его программе работали и работают словенские диалектологи. С именем Логара связана новая классификация словенских диалектов. Огромное научное значение имеет “Карта словенских наречий”, которую Логар создал совместно с Я. Риглером (1983).

Много сил и энергии Логар отдавал своим ученикам – студентам в университете, магистрантам и докторантам в Институте словенского языка им. Ф. Рамовша. Он заражал их своей увлеченностью, преданностью науке, честным отношением к делу и людям. В их памяти он остался как Учитель с большой буквы, благородный и скромный человек. “Он знакомил нас, – вспоминает одна из его учениц Кармен Кенда Еж, – со своим жизненным и научным опытом, с тем, чему невозможно научиться ни по учебникам, ни по биографическим сочинениям”. Логар является одним из создателей словенской диалектологической школы.

Логар умер 24 декабря 2002 г. Смерть его явилась большой утратой для родных, учеников, коллег. Она отозвалась болью в сердцах и его российских друзей. Память о большом ученом и человеке кристальной честности и порядочности навсегда сохранится в сердцах тех, кто его знал.

© 2004 г. *И.В. Чуркина, Л.В. Куркина, Т.И. Чепелевская, Н.Н. Старикова, Л.А. Кирилина, Ю. Созина*

Памяти Акопа Арутюновича Улуняна (1924–2003)

29 сентября 2003 г. не стало Акопа Арутюновича Улуняна, старшего научного сотрудника Института славяноведения РАН, кандидата исторических наук, известного специалиста в области истории Болгарии XIX в. Он ушел от нас, не дожив нескольких месяцев до своего 80-летия, которое так хотел отметить вместе с близкими, друзьями, коллегами. Грустно сознавать, что это уже не случится.

А.А. Улунян не просто был предан Институту, в котором проработал почти полвека, он им жил, причем вначале в буквальном смысле, пока не разрешился благополучно сложный для него квартирный вопрос.

Свой путь ученого-болгариста А.А. Улунян начал в 1953 г. в возрасте 29 лет. Тогда у этого еще молодого человека за плечами была уже яркая и насыщенная событиями жизнь. Восемнадцатилетним юношей Акоп ушел на фронт. Боевой путь рядового Улуняна пролегал через Кавказ, Румынию, Венгрию, Чехословакию. Май 1945 г. лейтенант Улунян встретил в Вене. Как и на всем поколении фронтовиков, война оставила на нем свои отметины. Фронтные раны не давали о себе забыть в течение всей последующей жизни. А еще война сформировала обостренное чувство справедливости, способность стоять “за правое дело” до конца.

После демобилизации А.А. Улунян поступил на факультет международных отношений Ереванского государственного университета. Затем была аспирантура в Армянском государственном педагогическом институте с последующим переводом в Москву в Институт славяноведения АН СССР.

В течение многих лет Акоп Арутюнович занимался публикаторской деятельностью – трудом нелегким, требовавшим полной самоотдачи. В 1957 г. он стал членом советско-болгарского коллектива, подготовившего и выпустившего прекрасное, соответствующее всем академическим нормам и требованиям трехтомное документальное издание “Освобождение Болгарии от турецкого ига”. Эта работа принесла А.А. Улуняну не только высокопрофессиональные навыки, но и помогла найти верных и преданных друзей среди коллег.

В 1970 г. после успешной защиты диссертации ему была присвоена ученая степень кандидата исторических наук. В последующие годы из-под пера ученого вышли многочисленные статьи, главы в коллективных трудах, рецензии и другие научные работы, посвященные освобождению Болгарии от османского ига. Эта проблема нашла отражение и в трех его монографиях: “Апрельское восстание 1876 г. в Болгарии и Россия”, “Болгарский народ и русско-турецкая война 1877–1878 гг.”, “Россия и освобождение Болгарии от турецкого ига”. Постепенно круг научных интересов ученого расширялся: его внимание привлекают проблемы политической истории Болгарии второй половины XIX в., русско-болгарские отношения и связи, реакция российской общественности на события в Болгарии. За свою творческую жизнь А.А. Улунян опубликовал свыше 100 работ, в том числе и за рубежом.

В течение 20 лет Акоп Арутюнович был ответственным секретарем советской части Комиссии историков СССР–НРБ. Этой работе он отдавал много душевных и физических сил. За плодотворную научную и организационную деятельность ученый был награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I и II степени. А.А. Улунян искренне любил страну, историей которой занимался. У него сложился широкий круг общения среди болгарских коллег, а многие из них стали близкими ему людьми.

Акоп Арутюнович был неизменным участником всех мероприятий, связанных с важнейшими вехами в истории и культуре Болгарии, – международных конгрессов, научных симпозиумов, конференций и пр. К 1300-летию болгарской государственности в 1981 г. Институтом славяноведения и балканистики АН СССР было подготовлено интересное издание “История и культура Болгарии”. А.А. Улунян стал не только его ответственным редактором, но и душой авторского коллектива. В последующий период он продолжал публиковать научные работы, писал многочисленные отзывы на труды своих коллег, проявляя неизменную доброжелательность по отношению к начинающим исследователям.

В 1996 г. увидел свет подготовленный А. А. Улуняном двухтомный биобиблиографический словарь “Деятели болгарского национально-освободительного движения XVIII–XIX вв.”. Автор трудился над ним долго и кропотливо, поставив перед собой новую в отечественной историографии задачу – персонифицировать историю воссоздания болгарской государственности. Тематическим продолжением этой работы явилась подготовка другого биобиблиографического словаря – “Государственные и политические деятели Болгарии. 1879–1946 гг.” К сожалению, Акопу Арутюновичу удалось закончить лишь первую часть работы. Хочется верить, что коллеги А.А. Улуяна завершат начатое им столь трудное, но такое нужное для науки дело.

Любовь к истории, к болгаристике А.А. Улуян сумел привить и своему сыну Артему, ныне известному специалисту-балканисту, доктору исторических наук. Отец всегда был в курсе его научных изысканий, гордился успехами сына.

Акоп Арутюнович был нежным и заботливым сыном и братом. Много душевных сил и любви дарил своему внуку, в воспитании которого постоянно принимал участие.

В институтском коллективе А.А. Улуяна любили за многое – за преданность делу, за умение воздать должное чужому успеху, за верность в дружбе, за готовность прийти на помощь, не требуя ничего взамен. Его отличали искрометный юмор, непревзойденное кавказское гостеприимство. Этот невысокий, хрупкий, а в последние годы физически очень нездоровый человек находил в себе силы не сдаваться, не раскисать и внешне всегда быть в форме, опрятным и подтянутым.

А.А. Улуян с оптимизмом воспринял перемены нашей общественной жизни, надеясь, что наступает время гражданской свободы и социальной справедливости, активно участвовал в организационной перестройке Института на рубеже 1980–1990-х годов.

Акопа Арутюновича Улуяна нам будет очень не хватать. Это чувствуется все острее. Сохраним светлую память об этом ярком, интересном, добром, остававшемся молодым человеке, который очень любил жизнь и призывал окружающих ценить каждый ее день.

© 2004 г. *Коллеги и друзья*

Новые книги Института славяноведения РАН

В 2001–2003 гг. в Институте славяноведения РАН вышли следующие издания:

- * Беседы на Лубянке. Следственное дело Дёрдя Лукача. Материалы к биографии. М., 2001.
- * Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. М., 2001.
- * *Гугнин А.А.* Серболужицкая литература XX века. М., 2001.
- Европейские революции 1848 г. “Принципы национальности” в политике и идеологии. М., 2001.
- * Из Варшавы: Москва, товарищу Берия. Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945 гг. М.; Новосибирск, 2001.
- * Институт славяноведения. 1999–2000. М., 2001.
- * Исследования по славянской диалектологии. М., 2001. 7.
- История литератур западных и южных славян. М., 2001. Т. 3.
- * *Калнынь Л.Э.* Фонетическая программа слова как пространство фонетических изменений в славянских диалектах. М., 2001.
- Концепт чуда в славянской и еврейской культурной традиции. Сб. статей. М., 2001.
- * *Костюшко И.И.* Польское национальное меньшинство в СССР (1920-е годы). М., 2001.
- * *Молошная Т.Н.* Грамматические категории глагола в современных славянских литературных языках. М., 2001.
- * *Николаев С.Л., Толстая М.Н.* Словарь карпатоукраинского торуньского говора. М., 2001.
- Никольский С.В.* Над страницами антиутопий К. Чапека и М. Булгакова (поэтика скрытых мотивов). М., 2001.
- * *Смирнов Л.Н.* Словацкий литературный язык эпохи национального возрождения. М., 2001.
- Стыкалин А.С.* Дьердь Лукач – мыслитель и политик. М., 2001.
- Фрейдзон В.И.* История Хорватии. М., 2001.
- Агапкина Т.А.* Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл. М., 2002.
- * *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел: Югославия, СССР и США в начальный период “холодной войны” (1945–1957). М., 2002.
- * *Вендина Т.И.* Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М., 2002.
- За балканскими фронтами Первой мировой войны. М., 2002.
- * Исследования по славянской диалектологии. М., 2002. 8.
- Левкиевская Е.Е.* Славянский оберег. Семантика и культура. М., 2002.
- * *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. М., 2002.
- Литература Центральной и Юго-Восточной Европы: 1990-е годы. М., 2002.
- Признаковое пространство культуры. М., 2002.
- * Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков. М., 2002.
- * Россия – Польша. Образы и стереотипы в литературе и культуре. М., 2002.

* Россия, Польша и Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. М., 2002.

Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. М., 2002. Т. 2: 1949–1953.

* *Софронова Л.А.* Три мира Григория Сковороды. М., 2002.

* Социокультурные трансформации второй половины XX в. в странах Центральной и Восточной Европы. М., 2002.

* *Studia Polonica.* К 70-летию Виктора Александровича Хорева. М., 2002.

* Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. М., 2002.

* Утопия и утопическое в славянском мире. М., 2002.

Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. СПб., 2002.

Шемякин А.Л. Смерть графа Вронского. М., 2002.

* *Шерлаимова С.А.* Литература “Пражской весны”: до и после. М., 2002.

* Балканские чтения 7. В поисках “ориентального” на Балканах. Тезисы и материалы. М., 2003.

* Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003.

* Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003.

* *Грачев В.П.* Сербь и черногорцы в борьбе за национальную независимость и Россия (1805–1807 гг.). М., 2003.

* *Коровицына Н.В.* С Россией и без нее. Восточноевропейский путь развития. М., 2003.

* *Михутина И.В.* Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003.

* Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов (июнь 1924 – декабрь 1926). М., 2003.

* *Нещименко Г.П.* Языковая ситуация в славянских странах. Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.

* *Свешникова Т.Н.* Синтаксис румынского глагола. Конъюнктив и его трансформы. М., 2003.

* *Стыкалин А.С.* Прерванная революция. Венгерский кризис 1956 года и политика Москвы. М., 2003.

* *Пушкаш А.И.* Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М., 2003.

* Славянская этнолингвистика. Библиография. М., 2003.

* Славянские народы Юго-Восточной Европы и Россия в XVIII в. М., 2003.

* Центральноевропейские страны на рубеже XX–XXI веков. Справочник. М., 2003.

Книги, отмеченные звездочкой, Вы можете приобрести по адресу: 117334, Москва, Ленинский пр-т, 32А, корп. В, Институт славяноведения РАН, комн. 921. Тел. (095) 938-54-66, Гурьева Маргарита Васильевна. Только за наличный расчет.

Вышли из печати следующие издания:

А.И. Пушкаш. Внешняя политика Венгрии. Февраль 1937 – сентябрь 1939 г. М., 2003. 460 С.

Монография является четвертой в ряду исследований автора, посвященных событиям кануна Второй мировой войны. На основе широкого круга литературы и материалов архивных хранилищ России и зарубежных стран представлена внешнеполитическая деятельность правительства Венгрии, в том числе взаимоотношения с Германией, Италией, Польшей и другими странами. В книге охвачен комплекс проблем, связанных со складыванием военных блоков, показано отношение Венгрии к

аншлюсу Австрии, Мюнхенскому сговору, Первому венскому арбитражу, распаду Чехословакии.

Болгария в XX веке. Очерки политической истории / Отв. ред. Е.Л. Валева. М., 2003. 463 С.

В сборнике освещены наиболее дискуссионные и малоисследованные вопросы истории Болгарии в XX в. Дано новое прочтение уже известных ее страниц на принципиально новой источниковой базе – недавно рассекреченных документах и материалах из архивов России и Болгарии, что вносит значительные коррективы в существовавшие ранее оценки и выводы. Анализируются становление и функционирование государственного и общественного строя Болгарии, пришедшего на смену социалистическому в 1989 г., показан социально-политический и экономический кризис 1980-х годов, не нашедший разрешения при живковском режиме.

И.В. Михутина. Украинский вопрос в России (конец XIX – начало XX века). М., 2003. 288 С.

Книга рассказывает о практически неразработанной в отечественной историографии проблеме становления украинского идейно-политического течения, с оформлением которого в России в XIX в. возник украинский вопрос. Дана характеристика украинской партийной структуры, проанализированы позиции по украинскому вопросу общероссийских партий.

Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: в документах центральных российских архивов начала – середины 1920-х годов (июнь 1924 – декабрь 1926) / Отв. ред. Р.П. Гришина. М., 2003. Ч. 2. 687 С.

Публикуются документы из российских архивов, преимущественно прежде не издававшиеся. Освещается советская внешняя политика на балканском направлении, в том числе так называемая подпольная дипломатия, специальная деятельность органов Коминтерна и частично ИНО ОГПУ и внешней разведки. Опорой этой политики служили балканские компартии, исповедовавшие тезис о том, что национальные противоречия на Балканах могут быть разрешены только через социалистическую революцию.

Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых / Отв. ред. Б.В. Носов. М., 2003. 290 С.

В сборнике представлены статьи молодых ученых Института славяноведения РАН, в которых нашли отражение основные направления современного славяноведения как комплексной научной дисциплины. Наиболее представительным является раздел по истории славянских народов с конца XVII в. до наших дней, посвященный проблемам политической истории и истории международных отношений. Статьи по литературоведению затрагивают проблемы становления и развития современных славянских литератур в контексте общеевропейского литературного процесса XX в. Работы в области языкознания и этнолингвистики освещают вопросы изучения языков зарубежных славянских народов, проблемы взаимодействия языка и культуры как внутри славянского сообщества, так и с народами – соседями славян.

Власть и церковь в СССР и странах Восточной Европы. 1939–1958. Дискуссионные аспекты. М., 2003. 380 С.

Сборник подготовлен на основе материалов “круглого стола”, проведенного в октябре 2002 г. Научным центром по истории сталинизма в Восточной Европе. Среди авторов – представители Объединения исследователей религии, сотрудники институтов РАН, ряда учебных заведений. Книга приурочена к 60-летию создания Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР. Деятельность этой правительственной организации отражала конфессиональную политику Советского государства как внутри страны, так и за рубежом и, по существу, открыла новый этап в истории взаимоотношений церкви и социалистического государства.

Сборник состоит из двух разделов. Первый раздел включает десять монографических статей. Их авторы, опираясь на новые архивные документы, сосредоточились на рассмотрении дискуссионных или малоизученных проблем конфессиональной политики в СССР и странах Восточной Европы. Предметом исследования явились взаимоотношения власти с основными конфессиями в регионе – католической, греко-католической, православною. Во втором разделе публикуются архивные документы, раскрывающие деятельность Совета по делам РПЦ в 1943–1958 гг.

Именослов: Заметки по исторической семантике имени / Отв. редактор Ф.Б. Успенский. М., 2003. 280 С.

Предлагаемый вниманию читателей сборник статей “Именослов” посвящен истории бытования имени собственного в различных культурах. Хронологический и географический диапазон представленных в сборнике исследований весьма широк – от ранней древности до двадцатого столетия, от магистральных явлений отечественной культуры до малоизвестных страниц истории Древнего мира и Средневековья. Интерес к исторической семантике имени объединил под обложкой одного коллективного труда специалистов в разных областях гуманитарного знания: ранняя ближневосточная агиография и династические имена Рюриковичей, место отдельных имен собственных в истории мировой культуры и эволюция русского духовного красноречия, теологические практики иудаизма и “Слово о полку Игореве...”. В сборнике приняли участие как российские, так и зарубежные ученые.

А.Л. Хорошкевич. Россия в системе международных отношений середины XVI в. М., 2003. 607 С.

На основе обширного комплекса источников: русских и литовских посольских книг, летописей и хроник, переписки европейских государей и политических деятелей в монографии по-новому освещены Ливонская война, ее цели и отношение к ней различных слоев общества. Решая вопрос о “признании царского титула” западными соседями России, Иван Грозный шел на любые жертвы, прибегнул к введению опричнины и вынудил боярство участвовать в войне. К ее окончанию страна оказалась в тяжелом социально-экономическом кризисе, приведшем к закреплению крестьянства.

С.А. Иванов. Византийское миссионерство. М., 2003. 380 С.

Монография представляет собой первое в мировой науке исследование византийского миссионерства как культурно-исторического феномена. Автор прослеживает по источникам, как с течением времени эволюционировала в восприятии самих византийцев их концепция христианской пропаганды. Основной вывод работы состоит в том, что внутри средневековой греческой культуры имел место постоянный конфликт двух базовых принципов: христианского “интернационализма” и традиционного греко-римского снобизма, рассматривавшего “варваров” как недочеловеков, недостойных приобщения к имперскому православию. Этот парадокс имел далеко идущие последствия для региона, на который распространялась христианская пропаганда Византии. Новый взгляд на хорошо известные источники о крещении Болгарии, Моравии, Восточной Европы и Северного Кавказа позволяет констатировать, что, вопреки распространенному мнению, Константинополь не проявлял особого рвения в христианизации этих земель и лишь реагировал на инициативы, исходившие от правящих кругов самих “варварских” государств.

Т.Н. Свешникова. Синтаксис румынского глагола. Конъюнктив и его трансформы / Отв. редактор Вяч.Вс. Иванов. М., 2003. 160 С.

Монография посвящена анализу синтаксических проблем румынского конъюктива и его эквивалентов в современном языке. Частотность конъюктива, вытеснившего во многом инфинитив, – одна из наиболее характерных особенностей языков и диалектов восточнороманского ареала.

CONTENTS

<i>Samsonowicz H.</i> (Warsaw). Science in Uniting Europe.....	3
--	---

ARTICLES

<i>Nikiforov K.V.</i> (Moscow). Parliamentarianism in Serbia in XX Century	8
<i>Shemyakin A.L.</i> (Moscow). Serbian Society in the Last Third of XIX – Early XX Century as Seen by Russian Observers	21
<i>Grishina R.P.</i> (Moscow). Modernization the Balkan Way: Matrix Dictates (End of XIX – Mid of XX Century).....	33

* * *

<i>Mayorova O.N.</i> (Moscow). Evolution of the Party System in Post-Socialistic Poland	47
<i>Zadorozhnyuk E.G.</i> (Moscow). Way to “Velvet” Revolution: Confrontation Between the “Powerful” and “Powerless” in Czechoslovakia.....	59

COMMUNICATIONS

<i>Všetička F.</i> (Prague). “Umberto Cyrkus” by Edward Bass	83
--	----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Alexandrovsky I.S.</i> Сагомонян А.А. Испанский узел “холодной войны”. Великие державы и режим Франко в 1945–1948 гг.	89
<i>Shwedova N.V.</i> Melicher J. Zamlčovaná literatúra.....	92

SCHOLARLY LIFE

<i>Sozina Yu.A.</i> International Scholarly Symposium “Slovenian Novel”.....	94
<i>Zlydneva N.V.</i> International Conference “Body Code in Slavic Cultures”.....	98

ANNIVERSARIES

<i>Dostal M.Yu.</i> Toward the Anniversary of Slovakian Historian Tatiana Ivantyshynova	101
---	-----

OBITUARIES

In Memoriam of Academician Tine Logar (1916–2002)	103
In Memoriam of Akop Arutyunovich Ulunyan (1924–2003)	105
New Publications of the Institute for Slavic Studies, RAS	107

Сдано в набор 03.02.2004 Подписано в печать 26.03.2004 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 9,1 Усл.кр.-отт. 5,3 тыс. Уч.изд.л. 10,4 Бум.л. 3,5
Тираж 568 экз. Зак. 8237

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН

Адрес издателя: 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20

Оригинал-макет подготовлен МАИК “Наука/Интерпериодика”

Отпечатано в ППП “Типография “Наука”, 121099, Москва, Шубинский пер., 6

E-mail: vasilyev@FL09.tower.ras.ru

